

Направление судебного дела в Страсбург: ЕКПЧ и право на политическое убежище

Гостиница «Экспресс», Киев, 18-19 Марта 2004

ЕСРЕ

<u>ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ</u>	
<u>КОНВЕНЦИИ, Нуала Моул.....</u>	<u>3</u>
ВВЕДЕНИЕ.....	3
I. СТРУКТУРА ПРАВ.....	3
II. СООТНОШЕНИЕ ПРАВ – ЖЕРТВЫ И НАРУШИТЕЛИ.....	7
III. ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ.....	7
IV. ПРЕДЕЛЫ ОЦЕНКИ.....	8
V. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ.....	8
VI. ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.....	13
<u>Инструкции «О прошениях о принятии предварительных мер».....</u>	<u>14</u>
<u>Инструкции «О возбуждении производства по делу».....</u>	<u>16</u>
<u>Инструкции «О письменных объяснениях».....</u>	<u>17</u>
<u>Бельджуди (Beljoudhi) против Франции.....</u>	<u>20</u>
<u>Беррехаб (Berrehab) против Нидерландов.....</u>	<u>31</u>
<u>Бугханеми (Boughanemi) против Франции.....</u>	<u>38</u>
<u>Карасевый и его семья против Финландии.....</u>	<u>46</u>
<u>Маматкулов и Аскарлов против Турции</u>	<u>59</u>
<u>Ракевич против Российской Федерации.....</u>	<u>61</u>
<u>Серинг (Soering) против Соединенного Королевства.....</u>	<u>67</u>
<u>Сливенко и другие против Латвии.....</u>	<u>67</u>
<u>Смирнова против Российской Федерации.....</u>	<u>84</u>
<u>Тимофеев против Российской Федерации.....</u>	<u>96</u>
<u>Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства</u>	<u>104</u>
<u>Конвенция о защите прав человека и основных свобод</u>	<u>133</u>
<u>ПРОТОКОЛ № 1.....</u>	<u>148</u>
<u>ПРОТОКОЛ № 4</u>	<u>150</u>
<u>ПРОТОКОЛ № 6.....</u>	<u>151</u>
<u>ПРОТОКОЛ № 7.....</u>	<u>153</u>

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ, Нуала Моул

ВВЕДЕНИЕ

Эти заметки, как полезное руководство, адресуются тем, кто не знаком с правовыми концепциями Европейского Суда и Комиссии по правам человека.

Хотя эти концепции на первый взгляд могут показаться знакомыми каждому юристу, институты Страсбурга постановили, что определенные концепции будут иметь “самостоятельное” значение в Конвенции. Например, то значение термина “уголовное обвинение”, которое вкладывает в него Конвенция, не находится путем простой ссылки на Российский уголовный кодекс.

Это пособие разделено на 6 разделов:

- I. Структура прав
- II. Соотношение прав: жертвы и нарушители
- III. Принцип пропорциональности
- IV. Пределы оценки
- V. Самостоятельные концепции
- VI. Позитивные обязательства

I. СТРУКТУРА ПРАВ

Конвенция охватывает 4 широких класса основных прав

Абсолютные – нарушения этих прав недопустимы ни при каких обстоятельствах - статьи 2, 3, 4, 7, статья 1 Протокола 6, статьи 1, 3 и статья 4 Протокола 4 являются безусловными, но допускающими отступления согласно статье 15,

Существенно ограниченные – право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, право на свободу мысли, совести и религии, право на свободу выражения мнения, право на свободу мирных собраний и ассоциаций,

Права, относящиеся к отправлению правосудия - право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5) и право на справедливое судебное разбирательство (статья 6), процедурные гарантии против высылки иностранцев (ст.1 Прот.7), право на обжалование приговоров по уголовным делам (ст.2 Прот. 7), право на компенсацию в случае судебной ошибки (ст.3 Прот.7), право не быть судимым и наказанным дважды (ст. 4 Прот. 7),

Права с неотъемлемыми ограничениями – право на вступление в брак (ст. 12), право на уважение своей собственности (ст.1 Прот.1), право на образование (ст. 2 Прот. 1), право на свободные выборы (ст.3 Прот. 1).

Также существует ряд прав общего характера – статьи 1, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и ст 5. Прот 7.

Абсолютные права

Статья 15 Конвенции допускает отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях, но подчеркивает, что никакие отступления от статьи 2 или статей 3, 4 (пар.1) или 7 не являются допустимыми по этому положению

Статья 2 (1) В рассмотрении вопроса о соответствии лишения жизни критерию, изложенному в статье 2 (2), Суд отнесся с особой строгостью к формулировке «абсолютно необходимое применение силы» и особенно тщательно рассмотрел альтернативы применения смертной казни.

Статья 3 простая и короткая. Любое обращение, попадающее под очень строгое определение «критический уровень жестокости» запрещено. Достигает ли оно этого уровня будет зависеть от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его умственные и физические последствия, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. По политическим причинам (очевидно, что для государства более неприемлемо быть обвиненным в пытках, чем в бесчеловечном обращении) прецедентное право посвятило большое количество времени и усилий для выяснения, является ли обращение в каждом конкретном случае пыткой, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием. Однако, все перечисленные виды обращений в одинаковой степени абсолютно запрещены, независимо от того, кем они осуществляются, официальными или частными лицами, или же индивид подвергается подобному обращению будучи передан под другую юрисдикцию при высылке из страны или экстрадиции – то же относится и к статье 2.

Статья 4 имеет небольшой процент прецедентного права и только статья 4 (1) абсолютна.

Статья 7

Хотя это право является абсолютным, Суд постановил, что оно не препятствует выяснению и развитию через общее право, согласующееся с сутью правонарушения, и где действие закона вполне предсказуемо.

Статья 1 Прот. 4

Запрещение лишения свободы за долги

(Это право не включено в права не подлежащие отступлению согласно статье 15)

Существенно ограниченные права (статьи 8 – 11, статья 2 Прот. 4)

Для того, чтобы выявить, имело ли место нарушение этих прав, институты Страсбурга ставили следующие вопросы:

Раскрывают ли факты защищаемое право?

Имело ли место какое-либо нарушение этого права? (или потенциальное нарушение?)

Было ли это вмешательство предписано законом?

Преследовало ли/будет ли оно преследовать установленную законную цель?

5. Было ли/будет ли это вмешательство пропорционально\соразмерно преследуемой цели?

Если ответом на 1 и 2 вопрос является «да», а на любой из оставшихся 3, 4, 5 «нет» (или почти на все), то имело место нарушение.

Права, относящиеся к отправлению правосудия

Статья 5 – Право на свободу и личную неприкосновенность

В основе этой статьи лежит соблюдение правовых норм. Описанные случаи законного лишения свободы исчерпывающи.

Исключительно **статья 5 (5)** и **статья 3 Протокола 7** Конвенции оговаривают, что внутригосударственным правом предусмотрена выплата компенсации.

Статья 6 – Право на справедливое судебное разбирательство

Эта статья предусматривает право на судебную защиту и устанавливает гарантии, призванные обеспечить справедливое судебное разбирательство. Права не являются безусловными (абсолютными). Возможность обращения в суд, например, может быть ограничена какими-либо процедурными препятствиями или временными ограничениями. Право на юридическую помощь гарантировано только в гражданском и уголовном судопроизводстве, когда «того требуют интересы правосудия».

Предостережение должно быть высказано по поводу прецедентного права, изложенного в статье 6. Поскольку, по определению, любой иск может быть принят в Страсбурге только при условии, что все внутригосударственные средства правовой защиты были исчерпаны, и почти все иски, декларирующие нарушение статьи 6, будут переданы в высшие национальные суды до передачи

их в Страсбург. Часто Суд не находит нарушения статьи 6, так как сочтет, что судебное разбирательство, «взятое в целом» было справедливым и, что вышестоящий суд мог исправить ошибки нижестоящего суда. Судьи нижестоящих судов могут быть – ошибочно – убеждены, что поскольку определенное процессуальное нарушение не рассматривалось как нарушение Конвенции институтами Страсбурга, оно соответствует нормам Конвенции.

Иные права – Протокол 7 – статья 1 - процедурные гарантии в случае высылки иностранцев, статья 2 – право на обжалование приговоров по уголовным делам во второй инстанции, статья 3 – компенсация в случае судебной ошибки, статья 4 – право не быть судимым или наказанным дважды.

Права с неотъемлемыми ограничениями

Статья 12 – Право на вступление в брак

Формулировка предполагает, что любое вмешательство допустимо, если оно предписано внутригосударственным правом, но органы Конвенции постановили, что оно не должно «нарушать суть самого права».

Статья 1 Протокола 1 - Право на уважение своей собственности

Статья 2 Протокола 1 – Право на получение образования

Статья 3 Протокола 1 – Право на свободные выборы

Эти статьи несут в себе внутренние ограничения. Тем не менее, к ним применяется принцип пропорциональности.

Замечание о равном обращении

Не существует вынесенного отдельно запрета дискриминации в Европейском Суде по правам человека, в отличие от Международного пакта о гражданских и политических правах. Тем не менее, может произойти нарушение статьи 14, даже если нет нарушения материального права, при условии, что суть вопроса попадает в сферу действия материальных прав. Дополнительный протокол, обеспечивающий такое отдельно вынесенное право, был вынесен для подписания в ноябре 2000 г.

Существует ли дифференциация в обращении?

Основывается ли оно на установленной характеристике?

Имеет ли оно законную цель (не каждая разница является дискриминацией)?

Является ли дифференциация в обращении адекватной \ пропорциональной?

II. СООТНОШЕНИЕ ПРАВ – ЖЕРТВЫ И НАРУШИТЕЛИ

Статья 1 (обязанность обеспечивать права) и связанная с ней **статья 13** (право на эффективное средство правовой защиты) являются теми положениями, которые придают правам, изложенным в Конвенции, силу.

Именно позитивные обязательства государств, осуществляемые через государственные системы правосудия, например, обязательство защищать право каждого лица на жизнь (**ст.2**), право на физическую безопасность (**ст.3 и 8**), право на уважение своей собственности (**ст.1 Прот.1**) задают баланс, который необходимо иметь в эффективно работающей системе правосудия, и особенно в уголовном судопроизводстве, которое регулируется **статьями 5 и 6**.

Во многих ситуациях соотносить приходится права двух или более потенциальных жертв, т.к. в соответствии со **статьями 8 – 11** может случиться так, что гарантируемое Конвенцией право на частную жизнь одного индивида надо будет соотносить с правом свободы выражения другого, также гарантируемым Конвенцией. Как пример можно привести случаи споров по семейному праву или случаи разбирательств между арендодателем и арендатором. Или случаи, когда общественные интересы в целом оказываются противопоставлены индивидуальным правам, -принудительное отчуждение собственности государством, классическим примером здесь является дорожное строительство

Статьи 17 и 18 определяют некоторые общие принципы в этом контексте.

III. ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ

Существует несколько «невидимых» положений Конвенции – концепций и прав, которых нет в формулировках, но которые с годами стали неотъемлемой частью конвенционного права.

Из них принцип пропорциональности (адекватности) является наиболее значительным и лежит в основе всех оправданий вмешательств в права, гарантируемые Конвенцией. Существует ряд основных критериев для проверки любого вопроса, связанного с Конвенцией:

Были ли представлены **«веские и обоснованные основания»** для вмешательства в конвенционное право? Является ли это **«необходимым в демократическом обществе»** / Соответствует ли это **«настоятельной социальной необходимости»**?

Была ли возможность меньшего вмешательства? Была ли она рассмотрена?
Были ли представлены достаточные основания для отказа от нее? Существовала ли возможность злоупотребления\ искажения?
Были ли соблюдены процедурные гарантии с тем, чтобы избежать....
Нарушает ли вмешательство **саму суть права?**

Таким образом, критерий пропорциональности должен быть добавлен к критериям уже известным.

IV. ПРЕДЕЛЫ ОЦЕНКИ

Доктрина «предела оценки» появилась в международном праве. Она определяет отношения между наднациональным судом – Европейским Судом по правам человека с национальными судами. Согласно Конвенции, государства молот сами выбирать средства для защиты конвенционных прав, подотчетные в конечном итоге органам Конвенции. Конвенция не ставит непременным условием использование единых стандартов во всех странах членах Советов Европы из-за неоднородности их социальных, культурных, экономических и юридических систем. В этом отношении конвенционное право сильно отличается от правовой системы Европейского Сообщества, требующей большой степени однородности. Если изложенное в статье 1 условие обеспечить защиту прав выполняется странами, они могут выбирать в пределах оценки методы обеспечения защиты самостоятельно. Широта предела (большой или меньший) определяется конкретным правом и обстоятельствами дела.

V. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Европейский Суд по правам человека присвоил особое «конвенционное значение» некоторым терминам. Эти значения отличаются от принятых как во внутригосударственном праве, так и юридической терминологии. Обращаясь к положениям Конвенции и прецедентному праву, надо помнить об этих самостоятельных концепциях и определениях.

Пытки

Понятие включает перенесение страдания особой силой и жестокости, придающего «особый позор намеренному бесчеловечному обращению, причиняющему жестокие страдания» (Ирландия против Великобритании, судебное решение, 1 октября 1972 г.)

Бесчеловечное обращение

Относится к такому обращению, которое намеренно причиняет серьезное умственное и физическое страдание (см. Межгосударственное дело Греции). Плохое обращение «должно достигать минимального уровня жестокости», чтобы считаться бесчеловечным обращением (Ирландия против Великобритании).

Унижающее достоинство обращение

Обращение или наказание, которое серьезно унижает человека перед другими или заставляет его действовать против его воли или совести. «Унижающее достоинство» сохраняет свое первоначальное словарное значение.

Моральная и физическая целостность

Термин используется относительно обращения, не достигающего «критического уровня жестокости», указанного в статье 3. Защита «моральной и физической целостности» человека обеспечивается пунктом о частной жизни статьи 8.

Уголовный

Индивиду может быть предъявлено «уголовное обвинение» или расследование может быть классифицировано как определяющее «уголовное обвинение» с целью попадания под защиту статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство), даже если по внутреннему праву никакое судебное разбирательство не ведется. В определении существования «уголовного» обвинения в деле Энгеля против Нидерландов (судебное решение, 8 июля 1976 г.) было выработано три критерия, которые следует рассматривать с точки зрения самостоятельности концепции по Конвенции. Конвенционные организации рассматривают классификацию правонарушения во внутригосударственном праве, характер правонарушения и строгость наказания. Очевидно, что внутригосударственная классификация не является решающей в определении, является ли то или иное правонарушение уголовным в своей сути (см. Оштурк против Германии, судебное решение, 21 февраля 1984 г.).

Конвенция НЕ требует, чтобы по каждому делу, которое она классифицирует как уголовное, возбуждалось формальное судебное разбирательство. Однако, она требует, чтобы соблюдались процессуальные гарантии статьи 6. На практике это особенно важно в тех случаях, когда принимаются меры или отдаются указания, исходя из поведения, которое могло быть (или может быть) предметом уголовного разбирательства по внутреннему праву и где может быть возбуждено уголовное обвинение исходя из условий Конвенции.

Обвинение

Обвинение - это «официальное извещение о предполагаемом правонарушении, совершенном индивидом, вручаемое индивиду уполномоченным законом лицом» или другой акт, который содержит подобное «предположение и который также значительно влияет на ситуацию подозреваемого» (Корильяно против Италии, Судебное решение, 1982 г.). В деле Дреера против Бельгии суд выявил, что было выдвинуто уголовное обвинение, когда бизнес предпринимателя был закрыт во время расследования, хотя дело так и не было возбуждено.

Гражданские права

Конвенционные органы намеренно не формулировали абстрактных определений «гражданских прав», а основывались на конкретных фактах каждого дела вместо этого. Понятие «гражданских прав» не должно трактоваться исключительно исходя из ссылки на внутригосударственное право страны ответчика, но является самостоятельным понятием, основывающимся на самом характере этого права. Важный момент здесь – **является ли результат разбирательств решающим для частных прав и обязательств**. Также, должно существовать хотя бы минимальное основание для существования этого права во внутригосударственном праве.

Определение

В гражданских делах понятие относится к любым разбирательствам, в которых речь идет о гражданских правах и обязательствах.

В уголовных делах оно относится к судебному решению и последующим обжалованиям.

Семья

Понятие «семья» выходит за пределы формальных отношений и узаконенных соглашений (Джонсон против Ирландии, судебное решение, 1986 г.). Конвенционные институты больше внимания уделяют теперь сущности и реалиям в отношениях, признавая изменения в социальных практиках и законах Европейских государств. Европейский Суд по правам человека не признает гомосексуальные отношения в качестве семьи, но рассматривает их как часть частной жизни.

Частная жизнь

Это понятие охватывает сферу непосредственной личной автономии. Сюда входят аспекты моральной и физической целостности (X и Y против Нидерландов). Она обеспечивает сферу, внутри которой каждый может свободно заниматься развитием своей личности и самореализацией (5 DR 86), как это было сформулировано Комиссией. Понятие включает право на индивидуальность и включает право на установление отношений с другими людьми в сексуальной и, особенно, в эмоциональной сфере (Бруггеман и Шейтен против ФРГ, судебное решение, 1977 г.).

Дом

Понятие «дома» получило широкую трактовку Конвенционными органами. Дом не обязательно должен быть законно учрежден, большее значение придается характеру занятий, чем легальности. Также, поскольку понятия «дома» и «частной жизни» часто совпадают с работой и профессиональными занятиями, действие защиты по статье 8 было расширено и на офисы.

Лишение свободы

Лишение индивида свободы зависит от обстоятельств конкретной ситуации, во внимание берется ряд критериев, таких как тип, длительность, последствия и характер применения данной меры (Гуццарти против Италии, Чиулла против Италии, судебное решение, 1988 г.).

Равноправие

Стороны в споре или обвиненные в совершении правонарушения не должны быть поставлены в худшее положение, чем их оппоненты.

Личная неприкосновенность

Несмотря на то, что статья 5 (1) гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность, практика показала, что последний аспект не существует отдельно. Это понятие не может относиться к понятию физической целостности, которое попадает под действие статьи 8, а в более крайних случаях, статьи 3.

Собственность или имущество

Эти понятия охватывают широкий спектр интересов. «Имущество» имеет самостоятельное значение, не сводящееся к владению исключительно физическими предметами: другие права и интересы, составляющие активы, также могут рассматриваться как права собственности (Гасус Досье против Нидерландов, судебное решение, 1995 г.). Статья 1 Протокола 1 относится только к существующим объектам владения и не предоставляет право

приобретать собственность (Маркс против Бельгии, судебное решение, 1979 г.). Существует авторитетное мнение, что незначительное воздействие на права собственности не будет являться вмешательством (Лэнгборгер против Швеции, судебное решение, 1989 г.).

Внутренние процедурные гаранты

Судом установлено, что они содержатся в статьях 2, 3 и 8, а также в дополнение к защите, гарантируемой статьей 13, и где следует в статье 6. Статьей 6 обеспечивается процессуальный гарант в определении гражданских прав и обязательств, которые существуют во внутригосударственном праве, в то время как процессуальное требование, содержащееся в статье 8, охватывает административные процедуры, также как и судебные разбирательства, но также часто обеспечивает защиту там, где во внутригосударственном праве она не предусмотрена (Мак Майкл против Великобритании, 24 февраля 1995).

Потерпевший

Потерпевшим является индивид, группа индивидов или неправительственная организация, чьи конвенционные права были нарушены или находятся под угрозой нарушения, или другое лицо, наделенное полномочиями действовать за другое лицо. **Нет необходимости предъявлять свидетельства количественного ущерба, чтобы являться потерпевшим.** Вопрос об ущербе имеет отношение только к вопросу о справедливой сатисфакции.

Эффективность прав – «практические и эффективные вместо теоретических и иллюзорных»

Конвенция представляет собой систему по защите прав человека. Особенно важно, чтобы Конвенция понималась и применялась в практической и эффективной форме, а не теоретической и иллюзорной (Артико против Италии, судебное решение, 1980 г.). Таким образом, государство не может избежать выполнения своих обязательств, обеспечивая защиту прав поверхностно. Например, недостаточно только предоставить обвиняемому юриста – оказываемая юридическая помощь должна быть эффективной.

Закон – критерий закона

Для выполнения требования Конвенции о том, что вмешательство должно быть «согласно закону» или «предписано законом», этот закон должен быть точным и установленным, с тем, чтобы индивид мог согласовывать свое поведение в соответствии с ним. Закон, допускающий вмешательства, не должен быть сформулирован слишком пространно, с тем, чтобы не допустить вмешательств, нарушающих Конвенцию.

Действующий инструмент

Суд неоднократно подчеркивал, что защита Конвенции не была заморожена в момент ее принятия 50 лет назад. Конвенция – «живой механизм, соответственно и прецедентное право должно быть динамичным и развивающимся».

Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6) делает отсылку к административным стадиям принятия решения (например, в делах об опеке) и предвзвешивает исполнение судебного решения.

VI. ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Конвенция, в основном, занимается защитой индивидов от посягательства государства на их основные права. Тем самым на государства накладывается негативные обязательства – воздержаться от этих вмешательств. Но статья 1 также требует «гарантировать» эти права. Вследствие этого, Суд во многих случаях постановлял, что у государств существуют позитивные обязательства – предпринимать усилия для защиты прав Конвенции, а не только воздерживаться от негативных вмешательств.

Эти позитивные обязательства могут принимать многочисленные формы. Наиболее очевидное содержится в статье 13 – обеспечивать эффективные средства правовой защиты в государственном органе за любое нарушение гарантированных прав.

Статьей 1 также требуется существование судебной санкции для защиты определенных прав, а в некоторых случаях Суд даже принимал решение, что это должна быть уголовная санкция (X и Y против Нидерландов). В самом крайнем случае, в государстве должны нормально работать законы, обеспечивающие защиту прав Конвенции от посягательств как должностных, так и частных лиц.

У государства также существует обязательство обеспечивать достаточными средствами государственную судебную систему для того, чтобы судебные дела разбирались с надлежащей оперативностью (Гинчо против Португалии).

Однако действие позитивных обязательств более широко.

Государства должны предпринимать активные действия для того, чтобы обеспечить индивидам возможность пользоваться правами Конвенции на практике. В деле *Artze fur das Leben* Суд постановил, что согласно статьям 10 и 11 государство не только должно было разрешить проведение демонстрации, но и было обязано защитить демонстрантов от действий встречных демонстрантов. В деле *Османа против Великобритании* Суд вывел критерий, регулярно применяемый с тех пор:

«Были ли приняты государством все меры по защите индивида от вреда, о котором оно знало или должно было знать?»

В деле Хоффмана против Австрии речь шла о споре между родителями об опеке над ребенком согласно нормам частного права. Австрийское правительство отрицало свою ответственность в исходе дела, настаивая на том, что вопрос являлся сугубо частным делом. Суд не согласился с этим утверждением, постановив, что государство через свои суды несет ответственность за обеспечение защиты прав Конвенции в тех случаях, когда пользование этими правами нарушается из-за споров между частными лицами.

Инструкции «О прошениях о принятии предварительных мер»

(Правило 39 «Правил процедуры Суда»)

Заявители или их представители, подающие прошения о принятии предварительных мер в соответствии с Правилom 39 «Правил процедуры Суда», должны выполнить нижеследующие требования.

Невыполнение данных требований может привести к тому, что у Суда не будет возможности для надлежащего или своевременного рассмотрения прошения.

I. _____ Прогшения подаются посредством факсимильного сообщения, электронной почты или нарочного

Прогшения, поданные в соответствии с Правилom 39 о принятии предварительных мер по срочным делам, особенно по делам об экстрадиции или депортации, должны отправляться посредством факсимильного сообщения, электронной почты или нарочного. Когда это возможно, прошение должно быть изложено на одном из официальных языков Договаривающих Сторон. На титульном листе любого такого прошения должно быть напечатано следующее заглавие крупным шрифтом:

«Rule 39 – Urgent/Article 39 – Urgent»

Прогшения, отправленные посредством факсимильного сообщения или электронной почты должны подаваться в рабочее время, за исключением тех случаев, когда это абсолютно невозможно. В случае отправления прошения по электронной почте, одновременно должна быть отправлена печатная копия. Прогшение не должно отправляться посредством обычной почты, поскольку существует риск, что оно не дойдет до Суда в достаточное время для его надлежащего рассмотрения.

Если Суд не отвечает на срочное прошение, поданное в соответствии с Правилom 39, в ожидаемый период времени заявителям или их представителям следует позвонить в рабочее время в Секретариат Суда.

II. _____ Подача прошений в надлежащий срок

Прогшение о принятии предварительных мер обычно должно быть получено как можно скорее после решения последней внутригосударственной инстанции, так что у Суда и Секретариата было достаточно времени для рассмотрения вопроса.

Однако в делах об экстрадиции или депортации, когда меры к исполнению решения о высылке могут быть предприняты немедленно после вынесения решения последней

внутригосударственной инстанции, советуется подавать объяснения и любые соответствующие материалы, относящиеся к прошению, до принятия последнего решения.

Заявители и их представители должны иметь в виду, что своевременное и надлежащее рассмотрение прошения может стать невозможным, если прошение будет отправлено в последний момент.

III. Приложенные материалы

Чрезвычайно важно, чтобы прошение сопровождали все необходимые подтверждающие материалы, в частности соответствующие решения внутригосударственных судов, трибуналов или иных инстанций, а также любые другие материалы, обосновывающие утверждения заявителя.

Если дело уже находится в производстве Суда, тогда следует сослаться на порядковый номер, присвоенное заявлению.

В делах об экстрадиции или депортации необходимо также указать данные об ожидаемых дате и времени высылки, адрес заявителя или место его задержания, а также номер его официального дела.

Инструкции «О возбуждении производства по делу»

(индивидуальные жалобы, поданные в соответствии со ст. 34 Конвенции)

I. Общие положения

1. Жалоба, внесенная в соответствии со ст. 34 Конвенции, подается в письменном виде. Жалоба не может быть подана по телефону.
2. Жалоба направляется по следующему адресу:

The Registrar
European Court of Human Rights
Council of Europe
F-67075 STRASBOURG CEDEX
3. Жалоба обычно должна подаваться посредством заполнения формуляра, указанного в п. 1 Правила 47 «Правил процедуры Суда». Однако заявитель может изложить свою жалобу в письме.
4. Если жалоба не была подана посредством заполнения официального формуляра, или во вступительном письме не содержится все данные, указанные в Правиле 47, Секретариат может просить заявителя заполнить формуляр. Как правило, заполненный формуляр должен быть возвращен в течение 6 недель с даты письма Секретариата.
5. Заявители могут подавать жалобы посредством факсимильного сообщения («факс»). Однако подписанный подлинник должен отправляться в течение 5 дней после отправления факса.
6. Дата получения жалобы в Секретариате Суда подтверждается штампом о получении.
7. Заявитель должен иметь в виду, что дата первого сообщения о предмете жалобы учитывается при рассмотрении вопроса о соответствии правилу о подаче жалобы в шестимесячный срок, изложенному в п. 1 ст. 35 Конвенции.
8. При получении первого сообщения с изложением предмета дела, Секретариат заводит дело, номер которого должен быть указан во всей последующей переписке. Заявителям сообщается об этом в письме. У заявителей также может запрашиваться дополнительные сведения или документы.
9. (а) Заявитель должен прилежно вести переписку с Секретариатом Суда.

(б) Задержка в ответе или неответ может рассматриваться Судом как признак утраты заявителем интереса в рассмотрении своей жалобы.
10. Несоответствие требованиям, изложенным в п.п. 1, 2 Правила 47, равно и непредставление запрашиваемых Секретариатом сведений (см. п. 8) может привести к тому, что Суд не рассмотрит жалобу.
11. В случае невозвращения заявителем формуляра или неответа на письма Секретариата в течение года заведенное дело подлежит уничтожению.

II. Форма и содержание

12. Жалоба должна включать в себя все сведения, указанные в Правиле 47, а также должна сопровождаться документами, указанными в пп. «h» п. 1 данного Правила.
13. Жалоба должна быть написана разборчиво, и желательна подаётся в печатном виде.
14. Когда, в исключительных случаях, жалоба занимает более 10 листов (не включая приложений), к жалобе прилагается краткий обзор жалобы.
15. Когда заявители прилагают к жалобе подтверждающую документацию, они не должны подавать подлинники. Перечень документов должен быть изложен в хронологическом порядке, пронумерован и с кратким описанием документа (например, «письмо...», «постановление...», «решение...», «жалоба...» и т.д.).
16. Если у заявителя уже имеется жалоба в производстве Суда, заявитель должен информировать Секретариат об этом с указанием номера жалобы.
17. (а) Если заявитель не желает разглашения своей фамилии, он должен указать причины своей просьбы в письменном виде в соответствии с п. 3 Правила 47.
(б) Заявитель также должен сообщить о том, желает ли он обозначения своей фамилии инициалами или одной буквой (например «X», «Y», «Z» и т.д.) в случае получения разрешения на анонимность от Президента Палаты.

Инструкции «О письменных объяснениях»

I. Подача письменных объяснений

Общие положения

1. Письменные объяснения подаются в Секретариат до истечения срока, установленного в соответствии с Правилем 38 и в порядке, описанном в п. 2 указанного Правила.
2. Дата получения письменных объяснений или иного документа в Секретариате Суда подтверждается на документе штампом о получении.
3. Все письменные объяснения, а также все приложенные к ним документы, должны подаваться в трех экземплярах через почту, а также, если возможно, один экземпляр должен быть отправлен по факсу.
4. Секретные документы должны отправляться заказным письмом.
5. Незапрошенные письменные объяснения не будут приобщены к делу, если Президент Палаты не решит иначе (см. п. 1 Правила 38).

Подача документов по факсу

6. Сторона может подавать письменные объяснения или иные документы в Суд посредством факсимильного сообщения («факс»).
7. Подписавший письменных объяснений также должен указать свои Ф.И.О. печатными буквами, так чтобы можно было бы определить его личность.

II. Форма и содержание

8. В письменных объяснениях должны быть указаны:
- (а) номер жалобы и название дела;
 - (б) заглавие с указанием сути содержания (например, «объяснения по вопросу приемлемости [и по существу]»; отзыв на объяснения Государства/заявителя по вопросу приемлемости [и по существу]»; объяснения по существу; дополнительные объяснения по вопросу приемлемости [и по существу]»; меморандум и т.д.).
9. Кроме того, письменные объяснения обычно должны:
- (а) быть изложены на бумаге формата А4 с полями шириной не менее 3,5 см.;
 - (б) быть разборчивыми в полном объеме и желательно в печатном виде;
 - (в) указать все числа в виде цифр;
 - (г) быть изложены на последовательно пронумерованных листах;
 - (д) быть разделены на последовательно пронумерованные абзацы;
 - (е) быть разделены на главы и (или) заглавия, соответствующие форме и стилю решений и постановлений Суда («Факты» / «Внутригосударственное право [и правоприменительная практика]» / «Жалобы» / «Право»; после последнего заглавия должны приводиться подзаголовки под названиями «Предварительное возражение по...»; «Предполагаемое нарушение ст. ...» в зависимости от сути вопроса);
 - (ж) размещать любые ответы на вопросы Суда или на доводы другой стороны под отдельными подзаголовками;
 - (з) сослаться на все документы или доказательства, упомянутые в письменных объяснениях и приложенные к ним.
10. Если письменные объяснения занимают более 30 листов, к ним должен прилагаться их краткий обзор.
11. Когда сторона представляет документы и (или) иные доказательства вместе с письменными объяснениями, все доказательства должно быть указаны в отдельном приложении-перечне.

Содержание

12. Письменные объяснения сторон после коммуницирования жалобы должны в себя включать:
- (а) любые замечания в отношении фактов, на которые они хотят обратить внимание; однако,
- если сторона не оспаривает фактов, изложенных в подготовленном Секретариатом обзоре фактов, она должна ограничиваться кратким заявлением об этом;

если сторона лишь в части оспаривает факты, изложенные Секретариатом, или желает дополнить их, она должна ограничиваться этими конкретными пунктами; если сторона возражает против изложенных фактов или в части против фактов, представленных другой стороной, она должна ясно указывать какие факты не оспариваются, и ограничивать свои объяснения обсуждением оспоренных пунктов;

(б) правовые доводы – сначала по вопросу приемлемости, а потом по существу дела; однако,

(i) если конкретные вопросы в отношении фактов или вопросов права были заданы стороне, она должна – не отказываясь от своих прав в Правиле 55 – ограничиваться обсуждением этих вопросов;

(ii) если письменные объяснения отвечают на доводы другой стороны, то указанные объяснения должны сослаться на эти конкретные доводы в вышеуказанном порядке.

13. (а) Письменные объяснения сторон после решения вопроса о приемлемости жалобы должны в себя включить:

(i) краткое заявление с подтверждением позиции стороны в отношении фактов, установленных в решении о приемлемости;

(ii) правовые доводы по существу дела;

(iii) ответы на любые конкретные вопросы в отношении фактов или вопросов права, заданные Судом.

(б) Сторона, одновременно заявляющая требования о справедливой компенсации, должна сделать это заявление в порядке, описанном в инструкциях о подаче требований о справедливой компенсации.

14. В виду конфиденциального характера производства на стадии достижения [возможного] мирового соглашения (см. п. 2 ст. 38 Конвенции и п. 2 Правила 62), все обращения и документы, внесенные в рамках производства по достижению [возможного] мирового соглашения должны подаваться отдельно от письменных объяснений.

15. В письменных объяснениях, поданных в ходе состязательного производства, не допускается ссылки на предложения, уступки или другие заявления, сделанные в связи с производством по достижению [возможного] мирового соглашения.

III. Сроки

Общие положения

16. Каждая сторона отвечает за доставку вовремя в Секретариат Суда своих письменных объяснений и любых приложенных документов или доказательств.

Продление срока

17. Срок, установленный в соответствии с Правилем 38, может быть продлен по прошению стороны.

18. Сторона, желающий продлить срок для подачи письменных объяснений, должен подать прошение об этом как только обстоятельства, вызывающие продление срока, станут ему известными, а в любом случае до истечения этого срока. Промшение должно указать на причину задержки.

19. В случае удовлетворения прошения о продлении срока, это решение применяется ко всем сторонам, в отношении которых протекает данный срок, в том числе и тех, кто не просил о продлении срока.

IV. Невыполнение требований в отношении письменных объяснений

20. Когда письменные объяснения подаются без соблюдения требований, изложенных в п.п. 8-15 настоящих Инструкций, Президент Палаты может просить сторону повторно подать письменные объяснения в соответствии с данными требованиями.

21. Невыполнение вышеперечисленных условий может привести к тому, что письменные объяснения будут считаться поданными ненадлежащим образом (см. п. 1 Правила 38 «Правил процедуры Суда»).

Бельджуди (Beljoudhi) против Франции **Судебное решение от 26 марта 1992 г.**

Краткое неофициальное изложение обстоятельств дела

A. Основные факты

Г-н Моханд Бельджуди родился в Франции в 1950 г., его родители – выходцы из Алжира, как и он, потеряли французское гражданство в 1963 г., после обретения Алжиром независимости. Г-н Бельджуди был воспитан во Франции и всегда там проживал либо со своими родителями, либо с гражданкой Франции г-жой Мартин Бельджуди, урожденной Тейшен, с которой он состоит в браке с 1970 г. Его родители, а также пять братьев и сестер проживают в Франции.

В 1969, 1974, 1977 и 1978 гг. он осуждался за разные уголовные преступления, в т.ч. и за кражу с отягчающими обстоятельствами, за что был приговорен к восьми годам тюремного заключения.

В ноябре 1979 г. Министр внутренних дел издал распоряжение о его высылке из страны на том основании, что его присутствие на территории Франции представляет угрозу общественному порядку. Жалоба г-на Бельджуди на это решение было отклонена Административным судом Версаля в апреле 1988 г. Тем временем в 1986 г. г-н Бельджуди привлекался к суду за другие правонарушения и безуспешно пытался получить французское гражданство в 1983 и 1984 гг. 18 января 1991 г.

Государственный совет отклонил его жалобу на решение Административного суда и распоряжения министра о его высылке из страны. Данное распоряжение еще не выполнено, т.к. г-н Бельджуди ожидает вызова в суд в департаменте Верхняя Сена и находится под судебным надзором, в частности по обвинению в укрывательстве краденого товара при отягчающих обстоятельствах.

B. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 28 марта 1986 г., заявитель утверждал, что решение о его высылке нарушает несколько статей Конвенции: 8, 3 и 9, 12 и 14 в сочетании со статьей 8. Жалоба была объявлена приемлемой 11 июля 1989 г. После безуспешных попыток урегулировать дело мировым соглашением сторон 6 сентября 1990 г.

Комиссия подготовила доклад, в котором установлены факты и ее выводы о том:

- а) что высылка г-на Бельджуди является нарушением его права и права г-жи Бельджуди на уважение их семейной жизни в смысле статьи 8 Конвенции

- (двенадцать голосов против пяти), но не является нарушением статьи 3 (единогласно);
- b) что не было нарушения статьи 14 в сочетании со статьей 8 или статьями 9 и 12 (единогласно)

Данное дело передано Комиссией в Суд 12 ноября 1990 г.

Извлечение из судебного решения Вопросы права

1. О предполагаемом нарушении статьи 8

65. По мнению заявителей, решение о высылке из страны г-на Бельждуди является посягательством на их личную и семейную жизнь. Они ссылаются на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Правительство оспаривает это положение, тогда как Комиссия разделяет его, по крайней мере в той части, которая касается семейной жизни.

A. Статья 8 п. 1

66. Прежде всего Правительство выразило сомнения по поводу наличия действительной семейной жизни между, с одной стороны, г-ном Бельждуди и, с другой стороны, его родителями, братьями, сестрами и его супругой.

В дальнейшем Правительство не поднимало больше этот вопрос в Суде.

67. Как и Комиссия, Суд считает, что такая мера, как высылка из страны, представляет собой вмешательство государственных органов в осуществление заявителями права на уважение из семейной жизни, гарантированного статьей 8 п. 1.

B. Статья 8 п. 2

68. В связи с этим следует определить, соответствует ли оспариваемая высылка требованиям п.2, т.е. является ли она «предусмотренной законом», направлена ли на достижение одной или нескольких правомерных целей, которые в нем перечислены, и «необходимой в демократическом обществе» для реализации этих целей.

1. «Предусмотрено законом»

69. Суд и стороны отмечают, что распоряжение министра от 2 ноября 1979 г. основывается на статье 23 Ордонанса от 2 ноября 1945 г. об условиях въезда и пребывания иностранцев во Франции (см. П. 43 выше). Государственный совет подтвердил законность распоряжения своим решением от 18 января 1991 г. (см. П. 28 выше).

2. Правомерная цель

70. Правительство и Комиссия считают, что обсуждаемое вмешательство преследует цели, абсолютно совместные с Конвенцией: «защита публичного порядка» и «предотвращение преступлений». Заявители не оспаривают данное положение.

Суд пришел к такому же заключению.

3. «Необходимо в демократическом обществе»

71. По утверждению заявителей, высылка г-на Бельджуди не может считаться «необходимой в демократическом обществе».

Они ссылаются, в частности, на ряд обстоятельств. Заявитель родился во Франции от родителей – выходцев из Алжира, тогда французской территории, он всегда жил во Франции, так же, как его братья и сестры (см. П. 9 выше); он заявляет, что не знает арабского языка, вырос в условиях французской культуры и получил французское образование; в 1970 г. он женился на француженке (см. П. 10, 11 выше), которой придется покинуть родину, чтобы не расставаться с мужем; он пользовался статусом француза до 3 февраля 1972 г., т.е. до даты получения официального уведомления о декрете премьер-министра, отказавшего ему во французском гражданстве (см. П. 32 выше); в начале 1994 г. префект департамента Верхняя Сена предложил ему временный вид на жительство (см. П. 22 выше), а министром внутренних дел 31 августа 1989 г. ему было предоставлено право на жительство (см. П. 16 выше); его высылки из страны бы невозможной, если бы Законы от 29 октября 1981 г. и 9 сентября 1986 г. вступил в силу раньше (см. П. 44, 45 выше).

Короче говоря, г-н Бельджуди, который отнюдь не считает себя «иммигрантом во втором поколении», и его жена утверждают, что все их семейные, социальные, культурные и языковые корни находятся во Франции. Они ссылаются на отсутствие чрезвычайных обстоятельств, способных служить основанием для высылки.

72. Комиссия в основном соглашается с данным утверждением, вместе с тем она особо выделяет два дополнительных момента. Во-первых, г-жа Бельджуди вполне могла иметь веские причины не следовать за своим мужем в Алжир, тем более что в момент выхода замуж она думала, что будет с ним жить во Франции. Во-вторых, правонарушения, совершенные г-ном Бельджуди (до и после решения о высылке), по всей вероятности, не таковы, чтобы соображения публичного порядка взяли верх над уважением семейной жизни.

73. Правительство, в свою очередь, ссылается прежде всего на характер деяний, являющихся основанием для высылки из страны. Оно обращает внимание на множественность и тяжесть преступлений, совершенных заявителем (в совершеннолетнем возрасте) на протяжении пятнадцати лет (см. П. 12 выше). Оно отмечает также суровость наказаний, наложенных французскими судами, и, в частности, приговор, вынесенный судом ассизов департамента Верхняя Сена (см. П. 12 выше). В целом все эти приговоры предусматривают более 10 лет лишения свободы. Правительство отмечает, наконец, что заявитель продолжал преступную деятельность после получения уведомления о высылке, и в настоящий момент находится в предварительном заключении по обвинению в совершении нового преступления (см. П. 12, 14 выше). В целом, опасность деяний, совершаемых г-ном Бельджуди, делает невозможным для общества его прибытие на французской территории.

Правительство считает также, что не следует преувеличивать степень вмешательства. Оно затрагивает семейную жизнь заявителей только в качестве супругов. Г-н Бельджуди с 1969 г. не проживает совместно со своими родителями и не поддерживает

материально своих братьев и сестер. Кроме того, у него нет детей. Супругам приходилось в течение продолжительного времени проживать раздельно вследствие пребывания г-на Бельджуди в местах заключения. Кроме того, г-н Бельджуди не доказал, что его жена, если ему действительно придется покинуть территорию Франции, не сможет последовать за ним, либо в Алжир, где, как известно, сохранились многочисленные связи с Францией, либо в какое-нибудь третье государство. В конечном счете трудности обосноваться где-либо вне Франции, без разрыва семейных отношений, вовсе не являются непреодолимыми.

74. Суд признает, что в обязанность государств-членов входит обеспечение публичного порядка, а также контроля за въездом, пребыванием и высылкой лиц, не являющихся гражданами страны в соответствии с установившимся принципом международного права и обязательствами, вытекающими из договоров (см. Решения по делу Абдулазиз, Кабаль и Балкандали против Соединенного Королевства от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 138, с. 15-16, п. 28, 29, по делу Мустахим против Бельгии от 18 февраля 1991 г. Серия А, т. 193, с. 19, п. 43).

Вместе с тем, учитывая, что их решения по данному вопросу могут нарушить право, закрепленное в статье 8 п. 1, они должны быть необходимыми в демократическом обществе, т.е. должны оправдываться насущной общественной потребностью и, кроме того, быть соразмерны преследуемой цели.

75. В данном конкретном случае уголовное прошлое Бельджуди представляется более тяжелым, чем прошлое Мустахи́ма (см. Вышеупомянутое решение). Правительство совершенно справедливо обращает на это внимание. В связи с этим важно выяснить, являются ли остальные обстоятельства дела – обоих заявителей вместе или только одного из них – достаточными, чтобы служить противовесом этому серьезному обстоятельству.

76. Заявители подали одну совместную жалобу и высказали одинаковые претензии. Учитывая их возраст, а также отсутствие детей, оспариваемое вмешательство касается в первую очередь их совместной семейной жизни в качестве супругов. Правительство резонно обращает внимание на это обстоятельство.

Между тем, их брак был заключен во Франции более 20 лет тому назад, и Франция всегда была местом проживания их семьи. Не вызывает сомнения, что продолжительные периоды времени, проведенные г-ном Бельджуди в местах заключения, надолго разлучали супругов, но они тем не менее не разрушили их семейную жизнь, право на которую гарантировано в статье 8.

77. Г-н Бельджуди, лицо, подлежащее высылке, родился во Франции от родителей, которые в тот момент имели французское гражданство; он сам имел французское гражданство до 1 января 1963 г. Считается, что он потерял право на французское гражданство в этот момент, т.к. его родители не подали до 27 марта 1967 г. заявление о сохранении за ним французского гражданства (см. П. 9 выше). Не следует, однако, забывать, что будучи в то время несовершеннолетним, заявитель не мог лично высказать свое мнение. Кроме того, уже в 1970 г., т.е. через год после первой судимости, но вместе с тем за 9 лет до вынесения решения о высылке, он выразил желание вновь обрести французское гражданство; признанный по его просьбе, в вооруженные силы во Франции в 1971 г., он был признан французскими военными властями пригодным к несению военной службы (см. П. 31, 33 выше).

Более того, заявитель женился на француженке. Все его близкие родственники сохраняли французское гражданство до 1 января 1963 г., сам он живет во Франции вот уже несколько десятков лет.

Наконец, вся жизнь, более 40 лет, г-на Бельджуди прошла во Франции; он учился во Французской школе и, по всей видимости, не знает арабского языка. Единственное, что, повидимому, связывает его с Алжиром, - это его национальность.

78. Что касается г-жи Бельджуди, то она родилась во Франции, от родителей-французов, всю жизнь прожила во Франции и имеет французское гражданство. Если бы она последовала за своим мужем после его высылки из страны, то ей пришлось бы обосноваться за границей, вероятнее всего в Алжире, в государстве, язык которого она, скорее всего, не знает. Такая резкая смена обстановки могла бы создать ей значительные трудности, вызванные необходимостью адаптироваться к новым условиям, и породила бы реальные препятствия практического и даже юридического плана. Правительственный комиссар признал это на заседании Государственного совета (см. П. 27 выше). В связи с этим оспариваемое вмешательство могло бы нарушить единство или, может быть, даже само существование семьи.

79. С учетом всех этих обстоятельств, очевидно, что в отношении соблюдения права заявителей на семейную жизнь решения о высылке г-на Бельджуди, в случае его исполнения, оказалось бы несоразмерным преследуемой правомерной цели и тем самым была бы нарушена статья 8.

80. Данный вывод освобождает Суд от необходимости рассматривать вопрос, является ли высылка из страны также нарушением права заявителя на личную жизнь.

II.О предполагаемом нарушении статьи 14 в сочетании со статьей 8

81. В связи со сделанным выше в п. 79 выводом Суд не считает нужным рассматривать и жалобу заявителей на то, что в случае высылки г-на Бельджуди они подвергнутся дискриминации, противоречащей статье 14.

III.О предполагаемом нарушении статей 3, 9 и 12.

82. При рассмотрении дела в Комиссии заявители сослались также на статьи 3, 9 и 12. В дальнейшем они не сослались на них в Суде, поэтому Суд не считает себя обязанным рассматривать эти вопросы.

IV.Применение статьи 50

83. В соответствии со статьей 50,
«Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договарывающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

На основании этого положения заявители требуют возмещения понесенного ущерба и судебных расходов.

84. Ни одно из положений статьи 8 на настоящий момент не было нарушено. Тем не менее Суд пришел к заключению, что решение выслать г-на Бельджуди повлекло бы за собой таковое, если бы оно было принято к исполнению. Исходя из этого следует рассматривать статью 50 как применимую к данному случаю (см. *Mutatis mutandis* решение по делу Серинга от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, с. 49, п.126).

А. Возмещение ущерба

85. Считая себя понесшими ущерб в результате нарушения Конвенции, г-н и г-жа Бельджуди требуют выплатить им в качестве возмещения 10 000 000 французских франков.

Правительство находит эту сумму абсолютно беспрецедентной и, главное, необоснованной, поскольку мера по выдворению из страны не была осуществлена.

Представитель Комиссии также считает данное требование чрезмерно завышенным. Он предлагает тем не менее в качестве возмещения морального вреда приемлемую сумму, меньшую, чем та, которую получил г-н Мустаким, вынужденный после выдворения из Бельгии проживать несколько лет за ее пределами.

86. Заявителям был нанесен моральный вред. Вместе с тем настоящее решение Суда является его достаточным возмещением.

В. Судебные издержки и расходы

87. Г-н и г-жа Бельджуди ходатайствуют о возмещении им судебных издержек и расходов, которые они, по их утверждению, понесли во время рассмотрения дела в органах Конвенции, а именно 100 000 французских франков.

По утверждению Правительства, счет, представленный от имени заявителей, грешит неточностью. Вместе с тем сумма в 40 000 франков, по-видимому, может быть приемлемой, если только не возникнут особые обстоятельства, установленные надлежащим образом.

88. Учитывая изложенные в последующем обстоятельства, Суд считает справедливым определить для этих целей сумму в 60 000 французских франков.

По этим основаниям Суд

1. Постановил семью голосами против двух, что нарушение статьи 8 по отношению к обоим заявителям имело бы место, если бы решение выслать г-на Бельджуди было исполнено;
2. Постановил восемь голосами против одного, что не требуется рассматривать дело ни в свете статьи 14 в сочетании со статьей 8, ни в свете статей 3, 9 и 12;
3. Постановил единогласно по поводу морального ущерба, понесенного заявителями, что данное решение само по себе является справедливым и достаточным возмещением для целей статьи 50;
4. Постановил единогласно, что государство-ответчик должно выплатить заявителям в трехмесячный срок 60 000 (шестьдесят тысяч) французских франков в качестве возмещения судебных издержек и расходов;
5. Отклонил единогласно требование заявителей о выплате суммы, превышающей данную.

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

Особое мнение судьи Петтити

В отличие от большинства я не голосовал за нарушение статьи 8. Совершенно очевидно, что вынесенное решение имеет ограниченное значение и обусловлено особыми обстоятельствами: на сегодняшний момент г-н Бельджуди прожил во Франции 41 год и 22 года женат на француженке. Тем не менее ни принципиальный подход, ни мотивы решения, как мне кажется, в точности не соответствуют толкованию и оценке статьи 8 Конвенции в части, касающейся высылки иностранцев-преступников.

Большинство судей учитывало, что распоряжение о высылке от 2 ноября 1979 г. дано до осуждения заявителя в 1978 г. и 1986 г., но основывалось также на том, дополнительном критерии, что заявителю было отказано в получении гражданства в 1970 г. и что у него не было связей с Алжиром. Оно считает, что высылка несоразмерна правомерной цели, не уточняя при этом параметров этой несоразмерности, о чем говорится в решении Государственного совета.

Конвенция не ограничивает суверенного права государств принимать решение о высылке со своей территории иностранцев-правонарушителей и преступников.

Конвенция не гарантирует как таковое право иностранцев пребывать на территории государств-участников. Право убежища и право не быть высланным не фигурируют также как таковые и в числе прав и свобод, гарантированных Конвенцией (многие решения такого плана были приняты Комиссией).

Только при исключительных обстоятельствах высылка из страны может явиться нарушением Конвенции, например, когда существует серьезная угроза того, что высылкаемое лицо в том государстве, куда его высылают, подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, особенно если нет никакой возможности выслать это лицо в какое-либо иное государство. Постановление по делу Мустакима имело иной характер, т.к. речь шла о подростке, который был связан только с той страной, где жила его семья, и который вернулся в это общество.

В дело Бельджуди обстоятельства совершенно иные: взрослый рецидивист; личность, нарушающая публичный порядок. Его случай вполне отвечает законным требованиям выдворения из страны.

Помимо всего прочего, он отказался приобрести французское гражданство при вступлении в брак с француженкой.

Европейский Суд исходил, по всей видимости, из непредоставления заявителю французского гражданства. Рассуждать таким образом означает забыть, что Эвианские соглашения являются международным договором. Вопросы гражданства, в т.ч. и возможности его выбора, были определены совместно Францией и Алжиром. Таким образом, это не одностороннее решение Франции. Алжир также потребовал для себя возможности выбора и широко пользуется правом выдворять из страны правонарушителей-французов, даже если они родились и выросли в Алжире. Такого рода двусторонний договор основывается на взаимности и международном публичном праве. Францию нельзя обвинить в нарушении Европейской Конвенции о защите прав человека, если исходить из того, что в решение вопроса о гражданстве г-на Бельджуди она опиралась на Эвианские соглашения и на Кодекс о гражданстве. Кроме того, как и любое другое государство, Франция суверенна в вопросах предоставления гражданства или отказа в нем.

Большинство судей, по-видимому, считали г-на Бельджуди «как бы французом», а такого понятия в международном праве не существует.

Факт постоянного проживания либо пребывания в принимающей стране не может быть безусловным препятствием, противоречащим осуществлению права на высылку правонарушителей. Не следует считать, что особые отношения, существующие между Францией и Алжиром, сами по себе могут быть препятствием для высылки из страны, поскольку и в других государствах-членах Совета Европы имеются подобного рода ситуации, связанные с исторически сложившимися отношениями, например между Великобританией и выходцами из стран Содружества, и т.д., где подобного рода отношения не являются препятствием для высылки из страны на законных основаниях.

Государства-члены Совета Европы достаточно часто высылают правонарушителей. Единственным возможным общим исключением из этой практики может быть ссылка на статью 3 либо, при длительном периоде пребывания в стране, можно сослаться на статью 8.

Большинство судей, несомненно, принимают во внимание такой немаловажный аспект, как прошлые судимости и поведение правонарушителя. При этом, исходя из критерия соразмерности, на одной чаше весов оказывается этот аспект его жизни, а на другой его личная и семейная жизнь. Между тем следовало бы точнее сбалансировать эти два аспекта, Европейский Суд это делает в общих чертах. В рассматриваемом решении не уточняется тот порог общественной опасности и возможных рецидивов, по которому можно определить, следует или нет высылать иностранца-правонарушителя. Как явствует из решения, большинство посчитало также, что если высылка будет осуществлена, то заявитель окажется именно в Алжире, что отнюдь не очевидно.

В отличие от выдворений в административном порядке, не связанных с преступной деятельностью (хотя и они могут иметь драматические последствия для семейной жизни), серьезная проблема высылки иностранцев-правонарушителей вызывает озабоченность Европейского Экономического Сообщества, Совета Европы и Интерпола. В этой связи необходимо выработать общую европейскую политику, отвечающую духу Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Решения большинства является, по моему мнению, источником противоречий вследствие расширительного толкования статьи 8 в вопросе о том, является ли вмешательство в частную либо семейную жизнь правонарушителя-рецидивиста обстоятельством, достаточным для того, чтобы помешать высылке из страны; в этом случае статус рецидивиста является для него своего рода иммунитетом. В самом деле как и содержание под стражей, всякое выдворение из страны затрагивает частную или семейную жизнь. Между тем нарушение частной жизни в данном конкретном деле происходит в связи с поведением самого правонарушителя.

Каждое государство самостоятельно определяет свою политику в борьбе с правонарушениями, так же, как и тяжесть наказаний. Для многих государств высылка служит показательным примером, сопровождающим наказание. В странах, где проживает много иностранцев, эта мера в большей степени, чем угроза тюремного заключения, является барьером на пути совершения новых преступлений; она укрепляет также национальное согласие в вопросе о приеме новых иммигрантов, которые своим трудом способствуют процветанию нации. Высылка из страны, в том виде, как она принята в криминологии и уголовной политике, является также и мерой защиты потенциальных жертв рецидивистов, особенно в странах, где наблюдается резкий рост преступлений и существует разветвленная сеть организованной преступности.

Конвенция о защите прав человека не может не признавать такой параметр, как права других лиц и необходимость их защиты. Конечно, в данном случае было бы предпочтительнее, чтобы французское Правительство, учитывая новые нормы (более

близкие к статье 8 Конвенции), содержащиеся в Законах от 29 октября 1981 г. (статьи 23, 25) и от 2 августа 1989 г., отказалось бы в этом конкретном деле от выдворения данного лица, приняв во внимание положение его супруги-француженки. Европейский Суд, осуществляя контроль за высылки из страны, мог бы применять либо статью 6, если имеет место нарушение внутренней процедуры с точки зрения Европейской Конвенции о защите прав человека, либо статью 3 (бесчеловечное и унижающее достоинство обращение). Понятие равновесия интересов при возможном и неочевидном применении статьи 8 требует строгого критерия соразмерности, который, по моему мнению, отсутствует в мотивировочной части решения по делу Бельджуди.

Право государства выдворять иностранцев-правонарушителей и преступников призвано сбалансировать широкие возможности, предоставленные мигрантам и лицам, пользующимся правом на убежище, что является важным моментом международной солидарности и защиты прав человека.

Отдельное мнение судьи Де Мейера

Как и большинство моих коллег, я считаю, что произошло бы нарушение основных прав заявителей, «если бы решение выдворить г-на Бельджуди из страны было исполнено».

Но о каком праве или о каких правах идет речь?

Наш коллега господин Мартенс совершенно справедливо ставил вопрос о том, что данное дело не затрагивает права на уважение частной жизни, равно как и права на семейную жизнь.

Я в значительной мере поддерживаю его замечания.

Мне кажется тем не менее, что, учитывая обстоятельства, упомянутые в пунктах 77 и 78 данного решения, высылка г-на Бельджуди по отношению к обоим заявителям представляла бы собой не только недоступное вмешательство в их частную и семейную жизнь, но и, прежде всего, бесчеловечное обращение.

Так обстояло бы дело, причем не в отдаленном будущем, имея в виду, что их ожидало в Алжире, в данном случае речь идет не об этом, а вполне реально учитывая, что г-на Бельджуди выдворили бы из страны, в которой он прожил более 40 лет и которая практически всегда была «его» с самого рождения, даже если бы он и не имеет ее «гражданства». И если верно, что, как явствует из дела, г-н Бельджуди был осужден за многочисленные правонарушения, по большей части достаточно серьезные, и еще сегодня подозревается в совершении других, то применения уголовного законодательства достаточно, чтобы наказать его за содеянное.

Особое мнение судьи Вальतिकоса

К сожалению, я должен выразить свое несогласие с мнением большинства судей, которые посчитали, что в данном деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции, в частности в том, что касается семейной жизни заявителя. Мое объяснение может быть кратким, поскольку оно основывается в основном на несогласии, выраженном мною в аналогичном, хотя и не идентичном деле, касающемся молодого человека по имени Мустахим.

Различия между этими двумя делами имеют двоякий характер. С одной стороны, в рассматриваемом случае речь идет о связях, существующих между мужем и женой, а не о связях молодого человека с его семьей. С другой стороны, Мустахим совершил многочисленные правонарушения относительно меньшей степени тяжести, в то время как в данном случае речь идет о повторных насильственных преступлениях, совершенных на протяжении 17 лет сорокалетним мужчиной, приговоренным почти к

11 годам тюремного заключения. Суд не отрицает, впрочем, что речь здесь идет о «гораздо более тяжелом» уголовном прошлом.

Высылка иностранцев как мера, предусмотренная для подобных дел, является прерогативой государств, при этом Конвенция ограничивает ее использование (см. Статьи 5 п. 1 (f) Конвенции и Протоколы N 4 и 7) лишь в строго определенных случаях. Данный случай к таковым не относится.

Конечно, при рассмотрении данного дела Суд обращается к понятию «семейная жизнь», которая гарантируется статьей 8 Конвенции. Суд считает, что со стороны Правительства имело место вмешательство публичной власти к осуществлению права заявителей на уважение их семейной жизни. Тем не менее можно поставить вопрос: применима ли статья 8 в деле, подобном этому? Разве она создана для того, чтобы сделать невозможным высылку иностранцев, состоящих в браке с гражданами данного государства? Такое толкование могло бы открыть путь для многих злоупотреблений.

Во всяком случае я не вижу возможности применения статьи 8 Конвенции для ограничения прав государств свободно принимать обоснованные соображениями общественной безопасности меры по выдворению иностранцев из страны.

Совпадающее мнение судьи Мартенса

1. Я разделяю выводы Суда, вместе с тем я бы предпочел, чтобы по делу г-на Бельджуди свое решение Суда основывал: (а) на менее казуистическом рассуждении; (в) на нарушении права на уважение частной жизни.
2. Пункт 1 статьи 3 дополнительного Протокола N 4 к Конвенции запрещает высылать граждан страны. В сегодняшней Европе, где уже второе поколение иммигрантов¹ воспитывает детей (и где наблюдается вызывающий большую тревогу рост безудержной ксенофобии), уже давно пора поставить вопрос, не следует ли распространить этот запрет на иностранцев, родившихся и выросших в одном из государств-участников либо полностью интегрированных в это общество вследствие долгого проживания в нем и не имеющих, таким образом, более никаких связей со страной происхождения².

Я считаю, что просто гражданство само по себе не является объективным и разумным оправданием разных подходов к высылке кого-либо из страны, которую в обоих случаях можно назвать его «собственной страной». Вот почему я без колебаний ответил утвердительно на постановленный выше вопрос. Я понимаю, что все большее число государств-членов Совета Европы согласны с тем, что не следует высылать³ из

¹ Я, безусловно, отдаю себе отчет в том, что в настоящее дело отличается от рядового случая выдворения иммигранта второго поколения тем, что родители г-на Бельджуди, когда они обосновались во Франции, были не «иммигранты» в строгом смысле слова, а французскими гражданами, приехавшими жить в свою страну. Тем не менее мне кажется оправданным не принимать здесь во внимание эту разницу.

² Данный вопрос имеет, по-видимому, более ограниченное значение в государствах-членах, в которых в силу права земли иммигранты второго поколения имеют право на гражданство в силу рождения на территории этого государства; в таком случае, вероятно, точнее будет говорить о высылке «интегрированных иностранцев», а не о высылке «иммигрантов второго поколения».

³ Этот принцип уже принят в рамках международного Пакта о гражданских и политических правах, статья 12 п. 4 которого гласит: «никто не может быть произвольно лишен права въезда в свою страну»; из этого вытекает, что запрет на высылку распространяется не только на граждан своего государства, но и, как это вытекает из формулировки «своя собственная страна», на всех «интегрированных иностранцев» (например, на иммигрантов второго поколения): (см. Nowak M. CCPR- Kommentar. Art. 12, Randnummern 45-51; Van Dijk et Van Hoof. De Europese Conventie, 2nd Edition, p. 551; Velu et Erges. La Convention Eur. DH, § 372, p.332).

страны «интегрированных иностранцев», как и граждан страны, причем отступление от этого правила может быть оправданным лишь в исключительных случаях.

Моя собственная страна входит в число этих государств⁴, и, начиная с 1981 г., за исключением периода с 1986 г. по 1989 г., такое же положение дел существует во Франции⁵.

На мой взгляд, Суду следовало бы исходить в своем решении из вышеуказанного принципа и сделать заключение об отсутствии в данном случае исключительных обстоятельств, оправдывающих отступление от этого принципа. При такой мотивировке решения можно было бы достичь того, чего не удалось достичь решением по делу Мустакима⁶, как и настоящим решением, а именно установления определенного уровня правовой безопасности, которая представляется особенно желательной в этой области.

3. Как совершенно справедливо подчеркнул г-н Шермер⁷, последнее соображение является также аргументом в пользу того, чтобы решение Суда мотивировать, по возможности, нарушением права на частную жизнь, поскольку, хотя не все «интегрированные иностранцы», которым угрожает высылка, состоят в браке, у всех у них есть частная жизнь.

Я считаю такую мотивировку возможной. Высылка из страны необратимым образом разрывает все социальные связи между высылаемым лицом и обществом, в котором он живет, а я думаю, что все эти связи могут быть включены в понятие частной жизни в смысле статьи 8. При поверхностном рассмотрении создается впечатление, что в этой статье выражена иная точка зрения. В целом в ней гарантируется иммунитет тесного круга лиц, внутри которого каждый проживает свою собственную частную жизнь по своему усмотрению. Понятие «тесный круг» предполагает существование «внешнего мира», который, по логике вещей, не входит в понятие частной жизни. Однако по зрелом размышлении приходится констатировать, что понятие «тесный круг» оказывается слишком ограниченным. Слова «семейная жизнь» уже расширяют этот круг, однако, есть еще и близкие родственники, с которыми, в строгом смысле слова, семейной жизни не существует. Тем не менее отношения с такими лицами, например со своими родителями, вне всякого сомнения входят в сферу отношений, уважение которых гарантирует статья 8. То же самое можно сказать по поводу отношений с любовниками и друзьями. Я разделяю таким образом, мнение Комиссии, которая неоднократно заявила, что понятие «уважение частной жизни» «включает также, в определенной мере, право устанавливать и поддерживать связи с другими людьми, в частности в сфере эмоциональных отношений, для развития и становления своей собственной личности»⁸.

На мой взгляд, решения Суда по делу Даджен против Соединенного Королевства, по делу Риз против Соединенного Королевства, по делу Косси против Соединенного

⁴ См версию 1990 г. «circular on aliens»: *Nederlandse Staatscourant*. 12 maart 1990, no.50; см также на эту тему: *Groenendijk. Nederlands Juristenblad*. 1987, p.1341 et seq.; *Swart, Preadvies, Nederlandse Juristen-vereniging*. 1990, § 35, p. 242 et seq.

⁵ См. П. 42-50 решения Суда.

⁶ Решение от 18 февраля 1991 г. Серия А, т. 193.

⁷ См. Его совпадающее мнение, приложенное к заключению Комиссии по данному делу, с.48 и 49.

⁸ См. *Inter alia D.R.*, т. 5, с.86-87; *D.R.*, т. 10, с.100; Серия В, т. 36, с.25-26. Если поступая таким образом, Комиссия имела в виду дать определение понятия «частной жизни» в смысле статьи 8 (как это было предложено *Doswald-Beck* в *Human Rights Law Journal*, 1983, p. 228), то я должен выразить свое несогласие с такой формулировкой: «очень трудно дать определение этого понятия», и, на мой взгляд, не наступило еще время браться за эту задачу.

Королевства и по делу Б. Против Франции⁹ основаны на мысли о том, что «в определенной мере «внешние» отношения одного человека с другими (за пределами «тесного круга») относятся к области частной жизни»¹⁰.

В основе упомянутого выше запрета высылки своих собственных граждан лежит, повидимому, та же самая мысль: когда говорят о гражданах страны, то почти всегда в первую очередь имеют в виду тех, кого с этой страной связывают особые тесные многочисленные узы, т.к. они родились в этой стране и воспитывались¹¹ в семье, многие поколения которой издавна живут в на этой земле¹² по всей видимости, было сочтено неприемлемым, чтобы государство, вынуждая таких лиц покинуть страну и никогда более в нее не возвращаться, необратимо разрывало эти связи.

Резюмируя сказанное, я думаю, что высылка какого-либо лица, особенно (как в данном случае) в страну, где условия жизни резко отличаются от тех, к которым он привык, и где, ощущая себя иностранцем в обстановке чуждой ему культуры, он рускует жить почти в полной социальной изоляции, является нарушением его права на частную жизнь.

Беррехаб (Berrehab) против Нидерландов

Судебное решение от 21 июня 1988 г.

Краткое неофициальное изложение обстоятельств дела

А. Основные факты

В 1977 г. г-н Абдулла Беррехаб, гражданин Марокко, заключил брак с г-жой Соней Костер, гражданкой Нидерландов. Их дочь Ребекка, также гражданка Нидерландов, родилась в 1979 г. В связи с тем, что родители Ребекки расторгли брак незадолго до ее рождения, власти Нидерландов отказались возобновить г-ну Беррехабу вид на жительство, предоставленный ранее в соответствии с Законом об иностранцах от 13 января 1965 г., и в 1984 г., после того как он проиграл процесс в Государственном совете, выслали его из Нидерландов. Г-н Беррехаб и его дочь обратились с жалобой на последствия этих двух решений властей для их семейной жизни.

В 1985 г. г-н Беррехаб и г-жа Костер повторно вступили в брак. На основании этого г-ну Беррехабу было разрешено находиться в Нидерландах "для проживания с голландской женой и возможности работать в течение этого времени".

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 14 ноября 1983 г., заявитель и его бывшая жена, действуя от своего собственного имени и в качестве опекуна дочери, утверждали, что высылка г-на Беррехаба явилась актом, унижающим человеческое достоинство в смысле статьи 3 Конвенции, а также нарушением статьи 8. Жалоба была признана частично приемлемой 8 марта 1985 г.

Не сумев добиться мирового соглашения, Комиссия 7 октября 1986 г. подготовила доклад, в котором установила факты и пришла к выводу о

⁹ Решение от 22 октября 1981 г., 17 октября 1986 г., 27 сентября 1990 г. и 25 марта 1992 г. Серия А, т. 45, 106, 184 и 232-С.

¹⁰ См. Также: Velu et Erges. La Convention Eur. DH § 652 p. 535 et seq.

¹¹ см. П. 88 решения Суда от 28 мая 1985 г. по делу Абдулазиз, Кабал и Балкандали против Соединенного Королевства. Серия А, т. 94, с. 41.

¹² О том, что истоция жизни отдельного человека и связанные с ним личные воспоминания могут относиться к тем сферам, уважение которых гарантируется статьей 8, см. Решение Суда от 7 июля 1989 г. по делу Гаскин против Соединенного Королевства (Серия А., т. 160).

нарушении статьи 8 (одиннадцатью голосами против двух). Комиссия не усмотрела нарушения статьи 3 Конвенции (единогласно).

Извлечение из судебного решения

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 8

19. В соответствии с утверждением заявителей отказ от предоставления г-ну Беррехабу нового вида на жительство после расторжения брака и, как результат, постановление о высылке его из страны являются нарушением статьи 8 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

Правительство оспорило это утверждение, однако Комиссия с ним согласилась.

A. Применимость статьи 8

20. Заявители утверждают, что возможность применения статьи 8 в части "права на уважение... личной и семейной жизни" не предполагает постоянного совместного проживания. Осуществление отцом права встречаться со своим ребенком и его участие в расходах на образование ребенка являются достаточным основанием для установления факта семейной жизни.

Правительство не согласилось с таким выводом, однако Комиссия приняла его.

21. Суд также не рассматривает совместное проживание как sine qua non семейной жизни родителей и малолетних детей. Суд считает, что отношения между супругами, возникшие вследствие законного и подлинного брака, подобные отношениям между супругами Беррехаб, должны рассматриваться как "семейная жизнь" (см. решение по делу Абдулазиза, Кабалиса и Балкандали от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 94, с. 32, п. 62). Из понятия семьи, на котором основывается статья 8, следует, что ребенок, рожденный от подобного союза, является ipso jure его участником. Следовательно, с момента рождения ребенка и в силу самого этого факта между ребенком и его родителями возникают отношения, подпадающие под понятие "семейная жизнь", даже если родители не живут вместе.

Конечно, последующие события могут нарушить такие отношения, однако в данном конкретном случае все обстояло иначе. Действительно, г-н Беррехаб и г-жа Костер, расторгнувшие брак, не жили вместе во время рождения дочери и не возобновили совместное проживание после этого. Тем не менее факт, что до высылки из Нидерландов г-н Беррехаб виделся с дочерью четыре раза в неделю, причем каждая встреча длилась по нескольку часов. Частота и регулярность свиданий с дочерью (см. п. 9 in fine выше) доказывают, что г-н Беррехаб придавал им очень большое значение. Поэтому Суд не может согласиться с тем, что между заявителями была прекращена "семейная жизнь".

B. Соблюдение статьи 8

1. Статья 8 п. 1

22. По утверждению заявителей, отказ от предоставления г-ну Беррехабу нового вида на жительство после расторжения брака и последовавшая за

этим высылка его из Нидерландов является нарушением права на уважение семейной жизни заявителей, особенно с учетом расстояния между Нидерландами и Марокко, а также финансовых трудностей, возникших у г-на Беррехаба в связи с высылкой на родину.

Правительство заявляет, что ничто не препятствует осуществлению г-ном Беррехабом своего права на общение с дочерью, если он будет приезжать из Марокко в Нидерланды по временной визе.

23. Как и Комиссия, Суд признает, что в данном конкретном деле такая возможность существовала разве что теоретически. Более того, виза г-ну Беррехабу была выдана только после первоначального отказа (см. п. 12 выше). Таким образом, оба рассматриваемых обстоятельства в действительности не давали заявителям возможности регулярно встречаться друг с другом, хотя такие встречи были существенно необходимыми для малолетнего ребенка. Соответственно, действия властей являются нарушением права, гарантированного статьей 8 п. 1, и должны рассматриваться в контексте п. 2 этой статьи.

2. Статья 8 п. 2

(а) "Предусмотрено законом"

24. Суд констатирует, и это было заявлено Правительством и Комиссией, что принятые властями меры основаны на Законе 1965 г. Заявители этого не оспаривали.

(b) Правомерная цель

25. По утверждению заявителей, вмешательство властей не преследовало ни одну из правомерных целей, указанных в п. 2 статьи 8 Конвенции. В частности, оно не служило "экономическому благосостоянию страны", поскольку лишало г-на Беррехаба возможности продолжать оказывать материальную помощь своей дочери в деле ее воспитания и получения образования.

Правительство считает, что высылка г-на Беррехаба из Нидерландов была необходима в интересах поддержания общественного порядка, и утверждает, что таким образом был достигнут весьма существенный баланс между различными интересами.

Комиссия отмечает, что оспариваемые решения властей соответствуют иммиграционной политике Нидерландов и поэтому могут рассматриваться как принятые ради достижения законных целей, таких как предотвращение беспорядков и защита прав и свобод других лиц.

26. Суд пришел к аналогичному заключению. Однако Суд указал на то, что преследуемая Правительством правомерная цель заключалась именно в сохранении экономического благосостояния страны в смысле статьи 8 п. 2 Конвенции, а не в предотвращении беспорядков. Правительство действительно было обеспокоено необходимостью регулирования рынка труда в связи с ростом населения страны.

(с) "Необходимо в демократическом обществе"

27. Заявители утверждают, что рассматриваемые действия властей не могут считаться "необходимыми в демократическом обществе".

Правительство отклонило этот довод, однако Комиссия согласилась с ним. Комиссия придерживается того мнения, что вмешательство властей, на которое жалуются заявители, было несоразмерным: власти не смогли обеспечить надлежащий баланс между интересом заявителей поддерживать контакты и общаться и общим интересом защиты публичного порядка.

28. При определении того, являлось ли такое вмешательство "необходимым в демократическом обществе", Суд принимает во внимание пределы усмотрения, которые оставлены за Высокими Договаривающимися Сторонами (см., в частности, решение по делу W.

против Соединенного Королевства от 8 июля 1987 г. Серия А, т. 121-А, с. 27, п. 60 (b) и (d), и решение по делу Олссон от 24 марта 1988 г. Серия А, т. 130, с. 31-32, п. 67).

В этой связи Суд согласен с тем, что Конвенция в принципе не запрещает Высоким Договаривающимся Сторонам регулировать вопросы въезда в страну и сроки пребывания в ней иностранцев. Однако согласно сложившейся судебной практике (см. inter alia вышеупомянутые судебные решения), "необходимость" вмешательства должна основываться на насущной потребности общества и быть соразмерной правомерной цели.

29. Призванный контролировать соблюдение этого последнего условия, Суд отмечает, что в его функции не входит оценивать иммиграционную политику Нидерландов. Он не оспаривает право страны устанавливать порядок проживания в ней иностранцев. Суд должен проанализировать лишь вмешательство, являющееся предметом жалобы. Он должен рассмотреть его не только в плане иммиграции и проживания в стране иностранцев, но также и с учетом наличия у заявителей взаимного интереса продолжить свои отношения. Как отметил Кассационный суд Нидерландов (см. п. 16 выше), преследуемые властями правомерные цели должны быть сопоставлены со степенью серьезности вмешательства в право заявителей на уважение их семейной жизни.

Относительно преследуемых властями целей необходимо подчеркнуть, что данное дело касается не иностранца, пытающегося въехать в Нидерланды впервые, но человека, жившего в стране на законных основаниях в течение ряда лет, имевшего там дом и работу и к которому у Правительства не было претензий. Более того, г-н Беррехаб создал в Нидерландах семью. Он вступил в брак с гражданкой Нидерландов, и от этого брака родился ребенок.

Относительно степени вмешательства властей необходимо отметить, что между г-ном Беррехабом и его дочерью в течение нескольких лет существовали очень тесные отношения (см. п. 9, 21 выше). В этой связи отказ в выдаче ему нового вида на жительство и последующая высылка из страны грозили разрывом этих отношений. Последствия вмешательства властей были весьма серьезными в связи с тем, что Ребекке необходимо было постоянное общение с отцом, особенно учитывая ее весьма юный возраст.

Исходя из конкретных обстоятельств, Суд считает, что не был достигнут надлежащий баланс между интересами сторон и что по этой причине отсутствовала соразмерность между примененными властями мерами и преследуемыми правомерными целями. В силу этого Суд не может признать действия властей необходимыми в демократическом обществе. Таким образом, Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 8.

II. О предполагаемом нарушении статьи 3

30. Заявители утверждают, что отказ властей предоставить г-ну Беррехабу новый вид на жительство после расторжения брака и его последующая высылка из Нидерландов являются нарушением статьи 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

По утверждению Правительства, в жалобах заявителей не содержится информации о нарушении властями данной нормы права.

По мнению Комиссии, факты дела не свидетельствуют о том, что кто-либо из заявителей подвергся страданиям в той степени, какая соответствовала бы понятию "бесчеловечного" или "унижающего

достоинство" обращения.

31. Суд разделяет эту точку зрения и не усматривает нарушения статьи 3 Конвенции.

III. Применение статьи 50

32. Статья 50 Конвенции гласит:

"Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне". Заявители, которым в Комиссии и Суде была предоставлена судебная помощь, не ставили вопроса о компенсации судебных издержек и расходов. Однако они требовали возмещения ущерба за понесенные ими финансовые убытки, а именно: неполучение г-ном Беррехабом заработной платы (31 429,56 гульдена) с апреля 1983 г. по май 1985 г. в результате его увольнения с работы после отказа в выдаче нового вида на жительство и отсутствия возможности найти работу у себя на родине в Марокко, а также 4700 гульденов - стоимость поездки Ребекки Беррехаб и ее матери в Марокко в июле 1984 г. и г-на Беррехаба в Нидерланды в мае 1985 г. (см. п. 12, выше). Заявители также претендуют на возмещение (без указания конкретного размера) за понесенный моральный вред, связанный с их вынужденной разлукой.

33. Правительство не видит причинной связи между действиями властей и ущербом, на возмещение которого претендуют заявители. Комиссия согласилась с этим мнением в отношении неполучения г-ном Беррехабом заработной платы, однако посчитала оправданной частичную компенсацию транспортных расходов. Было также признано, что г-н Беррехаб и Ребекка понесли убытки, не выражаемые в денежном исчислении. По данному вопросу Правительство не высказало своей позиции.

34. Суд разделяет точку зрения Комиссии. С учетом требования статьи 50 о справедливой компенсации Суд выносит решение о выплате заявителям 20 000 гульденов.

По этим основаниям Суд

1. Постановил шестью голосами против одного, что была нарушена статья 8 Конвенции;
2. Постановил единогласно, что статья 3 Конвенции не была нарушена;
3. Постановил единогласно, что Нидерланды обязаны выплатить заявителям 20 000 (двадцать тысяч) голландских гульденов в качестве справедливой компенсации;
4. Отклонил единогласно остальные требования о справедливом возмещении ущерба.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 21 июня 1988 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается особое мнение г-на Тора Вильямсона.

Особое мнение судьи Тора Вильямсона

К сожалению, не могу согласиться с моими коллегами, признавшими нарушение статьи 8 Конвенции в данном деле. Я могу подписаться под

решением Суда, за исключением пункта 29. В связи с этим нет необходимости касаться вопросов, где я разделяю мнение большинства членов Суда, а именно в том, что заявители вели семейную жизнь, что к первому заявителю г-ну Абдулле Беррехабу власти применили Закон об иностранцах 1965 г. и другие соответствующие правовые положения, а также в том, что законодательство преследует правомерные цели. Остается еще вопрос о том, являлось ли вмешательство властей "необходимым в демократическом обществе". Как я уже указал, у меня нет замечаний по позиции Суда в данном вопросе, которая изложена в п. 28 решения. Что касается окончательного вывода о том, была ли нарушена статья 8 Конвенции, то в этой связи хотелось бы высказать следующие соображения.

Политика Нидерландов в рассмотренных нами вопросах изложена в обстоятельных правовых документах, которые входят составной частью в Закон 1965 г. и поправки к нему и основаны на положениях этого Закона и поправок к нему. Поправки вносились в Закон по мере накопления опыта. При этом власти стремились предоставить иностранным гражданам, связанным семейными узами с гражданами Нидерландов, возможность проживания в Нидерландах. Как было сказано выше, эти нормы преследуют правомерные цели. Можно добавить, что вопросы иммиграции и проживания иностранцев представляются очень важными, и, безусловно, введение здесь определенных ограничений неизбежно. В общем и целом в данной сфере деятельности Правительство при разработке своей политики и правовых норм должно располагать широкими пределами усмотрения.

Именно с таким подходом должны соотноситься права, изложенные в п. 1 статьи 8 Конвенции. Перед нами два заявителя - отец и его дочь. Нидерланды должен был покинуть отец, и именно он вошел в правовые отношения с властями страны. Как указано в решении Суда, он и мать его дочери вступили в брак, который, однако, был уже расторгнут к моменту рождения ребенка. Родители уже не жили вместе. Мать и первый заявитель договорились о том, что отец будет часто и регулярно видеться со своей дочерью. Мы должны допустить, что г-н Беррехаб так и поступал в течение рассматриваемого периода времени. В дополнение к этому, он был официально назначен опекуном своей дочери. Несмотря на их отношения, которые носили характер семейной жизни, я тем не менее считаю, что, поскольку в рассмотренный период времени заявители не жили вместе и родители ребенка не состояли в браке, права первого заявителя не перевешивали интересы государства-ответчика, признанные за государством статьей 8 п. 2. Этот вывод подкрепляется тем фактом, что отношения между двумя заявителями не были полностью прекращены после того, как первый заявитель покинул Нидерланды.

Что касается соблюдения прав второго заявителя (дочери), то мне представляется, что эти права не принимались во внимание властями Нидерландов, занятыми выяснением отношений с первым заявителем. По моему мнению, этот факт сам по себе не является нарушением статьи 8 Конвенции. Я придерживаюсь той точки зрения, что Суд должен давать отдельную оценку правам и интересам каждого заявителя независимо друг от друга. Следует принять во внимание, что второй заявитель был еще ребенком, когда ее отец был вынужден покинуть Нидерланды. Ее семейная жизнь с отцом проходила в ограниченных рамках договоренности между родителями. Мнение ребенка едва ли принималось в расчет в вопросах ее взаимоотношений с отцом. При этом государство-ответчик, со своей стороны, не могло изменить

существующее положение дел путем какого бы то ни было позитивного действия. Таким образом, положение ребенка было весьма уязвимым и неопределенным. Я считаю, что этот факт является в данном деле аргументом в пользу государства-ответчика. С учетом описанной выше ситуации в семье я пришел к выводу о том, что положение с обеспечением прав только одного второго заявителя или с обеспечением совокупных прав обоих заявителей не свидетельствует о нарушениях статьи 8 Конвенции.

Следует отметить, что в соответствии со сложившейся практикой работы Суда, при голосовании по вопросам, содержащимся в статье 50 Конвенции, я исходил из того, что в данном деле имело место нарушение статьи 8, т.е. придерживался решения большинства.

Бугханеми (Boughanemi) против Франции

Бугханеми (Boughanemi) против Франции

Судебное решение от 24 апреля 1996 г.

Краткое неофициальное изложение обстоятельств дела

А. Основные факты

Заявитель, уроженец Туниса, 1960 г. рождения, прибыл во Францию в 1968 г. и проживал там вместе с семьей вплоть до его высылки из страны. Заявитель находился в фактических брачных отношениях с гражданкой Франции (г-жой С.), родившей ребенка 19 июня 1993 г., которого он официально признал 5 апреля 1994 г.

Ранее он был осужден за разные преступления, в том числе и за сутенерство, и приговаривался к лишению свободы общим сроком почти на четыре года.

8 марта 1988 г. министр внутренних дел подписал распоряжение о его высылке из страны на том основании, что его присутствие на территории Франции является угрозой общественному порядку (статьи 23 и 24 Ордонанса от 2 ноября 1945 г. с последующими изменениями).

Распоряжение о высылке из страны было исполнено 12 ноября 1988 г., но заявитель вернулся во Францию и проживал там нелегально.

10 августа 1990 г. министр внутренних дел ответил отказом на ходатайство г-на Бугханеми об отмене распоряжения о высылке.

Заявитель обжаловал отказ в административный суд г. Лиона, но 26 февраля 1991 г. суд отклонил жалобу. 7 декабря 1992 г. решение суда было подтверждено Государственным советом.

Заявитель был арестован за невыполнение распоряжения о высылке и приговорен к трем месяцам лишения свободы. 12 октября 1994 г. он был выслан в Тунис.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 3 июня 1993 г. на нарушение статьи 8 Конвенции, заявитель полагал право на уважение частной и семейной жизни. Жалоба была признана приемлемой 29 августа 1994 г.

Безрезультатно попытавшись решить вопрос на основе мирового соглашения, 10 января 1995 г. Комиссия подготовила доклад, в котором были установлены факты и выражено мнение о том, что имело место нарушение статьи 8 (двадцатью одним голосом против пяти).

Комиссия и Правительство Франции направили дело в Суд 1 марта и 20 апреля 1995 г. соответственно.

Извлечение из судебного решения

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

31. По утверждению г-на Бугханеми, высылка его из страны, произведенная французскими властями, явилась вмешательством в его частную и семейную жизнь и нарушила его права, гарантированные статьей 8 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения

беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

Правительство оспаривает это утверждение, у Комиссии иное мнение.

А. Пункт 1 статьи 8

32. Необходимо прежде всего определить, может ли заявитель ссылаться на наличие у него во Франции "частной и семейной жизни" в смысле статьи 8 п. 1.

33. По мнению Правительства, заявитель не сумел доказать, что его связывали с родителями, братьями и сестрами реальные тесные узы. Все вышеуказанные родственники проживают во Франции, но заявитель, которому на момент высылки было 34 года, давно уже жил отдельно. Ни один документ, изученный административными судами, не подтвердил утверждение заявителя, что он получал помощь со стороны семьи. Что касается ссылок заявителя на его собственную семейную жизнь, то они не могут быть приняты во внимание, так как совместная жизнь и признание отцовства имели место после решения о его высылке из страны и решения Государственного совета от 7 декабря 1992 г. Данные отношения, установленные после нелегального возвращения заявителя во Францию, не могут служить подтверждением наличия семейной жизни. Из заявлений, сделанных 6 декабря 1994 г. бывшей сожительницей г-на Бугханеми (см. п.16 выше), следует, что их совместная жизнь окончательно прекратилась задолго до 28 июля 1994 г., даты последнего задержания заявителя, и *a fortiori* до 12 октября 1994 г., даты его повторной высылки в Тунис. Ребенка г-н Бугханеми признал только 5 апреля 1994 г., т.е. через десять месяцев после его рождения 19 июня 1993 г., в то время как по французскому законодательству он мог это сделать даже до его рождения, причем мать ребенка не смогла бы ему в этом воспрепятствовать. Кстати, в поданной в Комиссию 3 июня 1993 г. жалобе ничего не сказано о том, что ожидается рождение ребенка. Этот факт заявителем упомянут лишь в дополнениях к жалобе от 5 мая 1994 г. Более того, между отцом и сыном, по всей видимости, не возникло связи, которая могла бы быть нарушена высылкой первого из страны. И наконец, г-н Бугханеми не представил никаких доказательств того, что он содержит своего ребенка, принимает участие в его воспитании или осуществляет иные родительские права.

34. Комиссия считает, что исполнение решения о высылке представляет собой вмешательство в осуществление права заявителя на уважение его частной и семейной жизни.

35. Суд считает, что сомнения Правительства относительно наличия семейных отношений между г-ном Бугханеми и г-жой С. не лишены оснований: их совместная жизнь началась, по всей видимости, только после незаконного возвращения г-на Бугханеми и продолжалась один год, а на момент его повторной высылки и за много месяцев до рождения ребенка они уже вместе не жили.

Тем не менее нельзя прийти к заключению об отсутствии у заявителя частной и семейной жизни во Франции.

Заявитель признал, хотя и довольно поздно, ребенка, рожденного г-жой С. В понятие семьи, на котором основана статья 8, входят и узы, которые существуют между лицом и его ребенком, даже если мать и отец не проживают совместно и независимо от того, рожден ли ребенок в браке или вне его (см. mutatis mutandis решение по делу Беррехаб против Нидерландов от 21 июня 1988 г. Серия А, т.138, с. 14, п. 21, и решение по делу Гюль против Швейцарии от 19 февраля 1996 г. Reports, 1996-I, с. 173-174, п. 32). Хотя последующие события при исключительных обстоятельствах могут разорвать эти узы (см. вышеуказанное решение по

делу Гюль), в данном случае таких обстоятельств нет как в связи с запоздалым признанием ребенка, так и в связи с предполагаемым отношением заявителя к ребенку.

Кроме того, родители г-на Бугханеми и его братья и сестры проживают на законных основаниях во Франции, и ничто не доказывает, что их не связывают никакие узы.

Из-за высылки заявитель оказался разлученным со своими родственниками и с ребенком. Таким образом, высылка может рассматриваться как вмешательство в осуществление права, предусмотренного статьей 8.

В. Пункт 2 статьи 8

36. В связи с этим следует определить, подпадает ли высылка под условия п. 2, т.е. была ли она "предусмотрена законом", преследовала ли одну или несколько правомерных целей и была ли "необходима в демократическом обществе" для ее или их осуществления.

1. "Предусмотрено законом"

37. Из материалов дела следует, что принятое в отношении г-на Бугханеми решение о его высылке основано на статьях 23 и 24 Ордонанса от 2 ноября 1945 г. об условиях въезда и пребывания иностранцев во Франции с последующими изменениями (см. п. 18 и 19 выше).

2. Правомерная цель

38. Правительство и Комиссия считают, что вышеуказанное вмешательство преследовало цели, вполне совместимые с Конвенцией: "охрана публичного порядка" и "предотвращение преступлений". Суд пришел к такому же заключению.

3. "Необходимо в демократическом обществе"

39. Правительство утверждает, что вышеназванное вмешательство соразмерно преследуемым целям. Оно подчеркнуло, что заявитель совершил большое количество правонарушений, и тяжесть последнего преступления, в результате которого он был осужден за "сутенерство в особо тяжелой форме". Правительство указало на отягчающие обстоятельства, которые сопровождали данное преступление: акты насилия, наличие соучастников, принуждение жертвы заниматься проституцией за пределами метрополии.

В то же время имевшее место вмешательство в частную и семейную жизнь заявителя не следует преувеличивать: им не было доказано ни наличия особо тесных уз с его живущей во Франции семьей, ни какого бы то ни было социального приобщения к жизни в этой стране, где он фактически никогда не работал. Кроме того, по достижении совершеннолетия он не ходатайствовал о получении французского гражданства. Более того, он, как стало известно, сохранил свои связи с Тунисом, не ограничившись лишь тунисским гражданством: его родители - тунисцы, детство он провел в Тунисе, и во Франции он вращался среди тунисцев, говорит по-арабски или по крайней мере на его обиходном диалекте. Кроме того, поскольку он прожил в Тунисе до восьмилетнего возраста, вполне очевидно, что там и были заложены основы его воспитания, в частности, в течение первых двух лет его школьного образования. Кстати, он и не утверждал, что разорвал все связи с этой страной. И наконец, у него, по-видимому, имеются деловые отношения с тунисскими кругами. Короче, его жизнь не ограничивается только Францией.

40. Комиссия отклонила этот довод. По вопросу степени вмешательства в частную и семейную жизнь г-на Бугханеми Комиссия отмечает, что он прибыл во Францию в возрасте восьми лет, где и проживал вплоть до своей первой высылки в Тунис в 1988 г. в возрасте 28 лет и второй

высылки в октябре 1994 г. в возрасте 34 лет. Вся его семья находится во Франции, и там он жил с французенкой, от нее имеет ребенка, которого признал 5 апреля 1994 г. В этой связи представитель Комиссии напомнил содержание письма, которое г-жа С. направила в Комиссию 15 июня 1994 г. (см. п. 16 выше). Хотя с правовой точки зрения заявитель является иностранцем, с Францией его связывают семейные и социальные узы, и Правительство не смогло доказать, что заявителя связывает что-либо с Тунисом, кроме гражданства. Таким образом, несмотря на тяжесть предъявленных обвинений, повлекших за собой высылку из страны, не было обеспечено справедливое равновесие между преследуемыми целями, с одной стороны, и правом на уважение личной и семейной жизни, с другой.

41. Суд отмечает, что лежащая на государстве-участнике ответственность за обеспечение публичного порядка выражается, в частности, в его праве в соответствии с признанным принципом международного права и в рамках его обязательств по договорам контролировать въезд и пребывание иностранцев и высылать за пределы страны правонарушителей из их числа.

Однако поскольку их решения могут в демократическом обществе нарушить право, охраняемое статьей 8 п. 1, такие решения должны оправдываться крайней социальной необходимостью и соответствовать правомерной цели (см. среди прочих решение по делу Бельджуди против Франции от 26 марта 1992 г. Серия А, т. 234-А, с. 27, п. 74, и решение по делу Насри против Франции от 13 июля 1995 г. Серия А, т. 320-В, с. 25, п. 41). Вынося решение о "необходимости" вмешательства, Суд принимает во внимание предоставляемые государствам-участникам пределы усмотрения по данному вопросу (см., например, вышеуказанное решение по делу Беррехаба, с. 15, п. 28).

42. Задача Суда состоит в том, чтобы определить, было ли соблюдено при высылке справедливое равновесие между соответствующими интересами, а именно правом заявителя на уважение его частной и семейной жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, охраной общественного порядка и предотвращением преступлений.

43. Г-н Бугханеми прибыл во Францию в возрасте восьми лет, где пребывал на законных основаниях с 1968-го по 1988 год, а затем после тайного возвращения до 12 октября 1994 г. Основную часть своего образования он получил во Франции. Там же живут и его родители, и десять братьев и сестер, из которых пятеро учатся в школе, восемь из них родились во Франции, и двое имеют французское гражданство. Кроме того, во Франции он сожительствовал с гражданкой Франции, ребенка которой он признал только 5 апреля 1994 г., хотя ребенок родился 19 июня 1993 г.

44. Однако заявитель сохранил тунисское гражданство и, по всей видимости, никогда не проявлял желания стать гражданином Франции. Вполне возможно, что, кроме гражданства, он сохранил с Тунисом, как это утверждает Правительство, и какие-то иные связи: в Комиссии он не утверждал, что не знает арабского языка, что порвал все связи со своей родиной, что не возвращался туда до выдворения из Франции. Суд считает также, что обстоятельства настоящего дела отличаются от обстоятельств по делам Мустахим против Бельгии (решение от 18 февраля 1991 г. Серия А, т. 193), Бельджуди против Франции и Насри против Франции (см. вышеупомянутые решения), по которым Суд вынес решение о нарушении статьи 8.

Суд придает особенно большое значение тому, что решение о высылке г-на Бугханеми было принято после того, как последний был приговорен

почти к четырем годам заключения строгого режима, из них к трем годам - за сутенерство в особо опасной форме (см. п. 8 и 39 выше). Тяжесть этого последнего преступления, а также предыдущие правонарушения заявителя весомо свидетельствуют против него.

45. С учетом вышеизложенного Суд не считает, что высылка заявителя является несоразмерной по отношению к правомерным целям. Таким образом, нарушение статьи 8 места не имело.

По этим основаниям Суд

Постановил семью голосами против двух, что не было нарушения статьи 8 Конвенции.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 апреля 1996 г.

Герберт Петцольд

Рольф Риссдал

Грефье

Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

Совпадающее мнение судьи Петтити

Как и большинство, я голосовал за то, чтобы признать, что статья 8 Конвенции не нарушена. Однако я считаю, что следовало исходить из иной мотивировки.

Учитывая особые обстоятельства дела (преступник-рецидивист, сутенер), было бы предпочтительнее исходить из статьи 1 Конвенции, в которой не предусматривается обязательство для государства не выдворять преступников-рецидивистов, и на этом основании решить, что нарушения права на уважение семейной жизни не было. Семейная жизнь предполагает сплоченность членов семьи, что противоречит деятельности, связанной с сутенерством в особо тяжелой форме.

Учитывая вышеизложенное, отпала бы необходимость анализировать, было ли вмешательство. Наличие братьев и сестер само по себе не создает семейной жизни (см. п. 43 настоящего решения). Кроме того, большинство не уточнило, какой была практика Суда по жалобе, основанной на статье 8, но поданной иностранцем, который после выдворения нелегально вернулся в страну и там тайно проживал.

Следует еще раз подчеркнуть, что рассмотренные Судом дела по высылке из страны указывают на необходимость разработки европейской политики государств-участников, определив пределы их обязательств в этой области. В подобных случаях речь не идет о том, чтобы искать справедливое равновесие между публичным порядком и конкретными интересами заявителя.

Интересы общества и семьи нельзя сравнивать и сопоставлять с интересами, связанными с сутенерской деятельностью. Государства - члены Совета Европы должны также учитывать необходимость защиты женщин, которых сутенеры принуждают к проституции.

Следует также отметить, что среди государств - членом Совета Европы имеется мало стран, которые, подобно Франции, проводят политику воссоединения семей.

Особое мнение судьи Мартенса

1. В этом деле Суд вновь столкнулся с вопросом о высылке интегрированного иностранца, который прибыл во Францию в восьмилетнем возрасте, где и проживал, как и его родители, братья и сестры, вплоть до момента его высылки, после двадцати двух лет пребывания в стране.
2. Существует несколько путей рассмотрения данного вопроса.
3. Это, разумеется, тот, по которому до сих пор шло большинство в Суде.

Отправной идеей является то, что Конвенция не защищает иностранцев от высылки, даже если они укоренились в стране. Однако они могут ссылаться на Конвенцию, поскольку высылка является вмешательством, нарушающим их право на уважение семейной жизни. В этом случае Суд должен решить, является ли вмешательство оправданным в свете статьи 8 п. 2.

4. В этом традиционном подходе имеются два совершенно очевидных недостатка.

Во-первых, не у всякого интегрировавшегося иностранца есть семейная жизнь.

Во-вторых, это приводит к отсутствию правовой определенности.

Национальные административные органы и суды не могут заранее сказать, будет ли признана приемлемой жалоба на высылку такого иностранца. Для национальных властей индивидуальный подход большинства в Суде к каждому случаю в отдельности представляет собой лотерею, а для Суда - источник проблем. Проблемы действительно появляются, поскольку Суду приходится делать почти невозможные сравнения между обоснованностью переданного на его рассмотрение дела и дел, по которым Суд уже вынес решения. А ведь, мягко говоря, совсем нелегко сравнивать такие дела, как: дело Мустахим против Бельгии (решение от 18 февраля 1991 г. Серия А, т. 193), дело Бельджуди против Франции (решение от 26 марта 1992 г. Серия А, т. 234-А), дело Насри против Франции (решение от 13 июля 1995 г. Серия А, т. 320-В) и дело Бугханами против Франции. Что нужно сделать в этом случае: просто ли сравнить количество и тяжесть наказаний и приговоров или следует также принять во внимание и личные обстоятельства? Вполне очевидно, что большинство в Суде избрало этот последний подход и посчитало для себя возможным провести сравнение, но - при всем моем уважении к Суду - я не могу отделаться от ощущения того, что результаты данного сравнения несколько произвольны.

5. Первый из вышеуказанных недостатков может быть легко устранен, если признать, что высылка интегрировавшихся иностранцев в любом случае является вмешательством в их частную жизнь. Я выступил в поддержку такого подхода в своем совпадающем мнении в связи с делом Бельджуди. Этот подход разделяют также судьи Де Мейер, Моренилла, Вильдхабер. Мне кажется, что при таком подходе судебная практика была бы значительно лучше. Хочу надеяться, что формулировка п. 42 решения Суда, где он ссылается на "право заявителя на уважение его частной и семейной жизни", является подтверждением того, что Суд к этому стремится.

6. Однако подход с позиции частной жизни сам по себе, конечно, не устраняет второго недостатка в традиционном взгляде, ибо при этом необходимо в то же время определить, является ли вмешательство в частную жизнь оправданным.

7. Чтобы устранить всякую неопределенность, существует только один путь - это признать положение, за которое выступал сначала судья Де Мейер, а затем судья Моренилла. Они исходят из того, что иностранцы, прожившие всю (или почти всю) свою жизнь в каком-либо государстве, должны быть приравнены к гражданам этого государства. Высылка граждан запрещена статьей 3 п. 1 Протокола N 4 (П 4-3-1), судьи Де Мейер и Моренилла утверждают, что высылка интегрировавшихся иностранцев запрещается в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Принятием данного положения устраняется всякая неопределенность, поскольку статья 3 не допускает исключений. При таком подходе сама по себе высылка такого иностранца является нарушением Конвенции,

независимо от совершенных им преступлений.

8. Хотя я разделяю эту позицию, мне трудно признать, что здесь не может быть исключений. В связи с этим я считаю, что хотя, как правило, высылка интегрировавшихся иностранцев является нарушением их права на уважение их частной жизни, однако при совершенно особых обстоятельствах такая высылка может быть оправданной. Думаю, что совпадающее мнение судьи Вильдхабера по делу Насри идет в том же направлении, хотя он, по-видимому, склонен проявлять меньше строгости, чем я, в отношении того, что относится к исключениям.

9. По моему мнению, второй недостаток традиционного подхода, т. е. его непредсказуемость, можно сильно ограничить, если бы Суд признал, что высылка такого иностранца в принципе является нарушением его права на уважение его личной жизни, но в исключительных случаях она может считаться оправданной, если иностранец осужден за очень тяжкие правонарушения, например, преступления против государства, политический или религиозный терроризм или занятие наркобизнесом.

10. Я согласен, что сутенерство в особо тяжелой форме является серьезным и, более того, отвратительным преступлением, но я в то же время считаю, что в связи с настоящим делом оно подпадает под категорию "обычных преступлений", тяжесть которых не настолько велика, чтобы отнести их к исключительным обстоятельствам, могущим оправдать высылку интегрировавшегося иностранца, поскольку в отношении таких преступлений обычные уголовные меры пресечения и санкции должны быть достаточными, как они должны быть достаточными и в отношении правонарушений, совершенных гражданами данной страны.

11. По этим причинам я голосовал за признание нарушения Конвенции.

Особое мнение судьи Бака

Как и большинство в Суде, я считаю, что приказ о высылке является вмешательством в личную и семейную жизнь заявителя. Я согласен с тем, что высылка предусмотрена законом и преследует правомерную цель.

В то же время вопреки мнению большинства я считаю, что в демократическом обществе не было необходимости в издании приказа о высылке, так как он несоразмерен преследуемой правомерной цели и соответственно привел в настоящем деле к нарушению статьи 8 Конвенции.

По моему мнению, большая часть семейных и социальных уз заявителя связана с Францией. Его родители и десять братьев и сестер проживают во Франции, а восемь членов этой семьи там родились. У него во Франции есть ребенок, хотя до сих пор точный характер связи между ними остается невыясненным.

Учитывая все эти факторы, а также то, что заявитель покинул Тунис в возрасте восьми лет со знанием арабского языка, не соответствующим уровню, требуемому взрослому для владения повседневным языком, и что "большую часть своего образования он получил" во Франции, я пришел к заключению, что между охраняемыми интересами не было обеспечено справедливой соразмерности. При этих обстоятельствах высылка может полностью разрушить частную и семейную жизнь заявителя, мало способствуя предотвращению совершения преступлений и беспорядков.

Для меня также не убедителен довод Суда о том, что "решение о высылке заявителя было принято после вынесения приговора" и что "тяжесть этого последнего преступления, а также предыдущие судимости сильно ему вредят".

В связи с этим я считаю, что обращение с заявителем, который большую

часть своей жизни (двадцать два года) провел во Франции, не должно быть значительно менее благоприятным, чем с гражданином данной страны. Он совершил преступления и был за это осужден. Если само по себе наказание адекватно и соответствует совершенному преступлению, как это и должно быть, то добавлять к этому еще и высылку означает, по моему мнению, придание чрезмерного значения общему интересу в предотвращении преступлений и защите правопорядка по сравнению с защитой права индивидуума на личную и семейную жизнь.

Карасевый и его семья против Финляндии

Решение по вопросу о приемлемости жалобы № 31414/96, поданной Андреем Карасевым и его семьей против Финляндии.

Европейский суд по правам человека (четвертая секция), заседая 12 января 1999 года Палатой в составе:

Г. Ресса – председателя.

М. Пеллонпаа,

Д. А. Пастор Ридруэхо,

И. Кабрал Барето,

В. Буткевича,

Н. Вайич,

Д. Хедиган – судей,

Л. Кафлиш,

Д. Макарчик, запасные судьи,

и при участии В. Бергер, секретаря Секции,

с учетом статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свободах; имея в виду, что жалоба Андрея Карасева и его семьи против Финляндии была подана 5 мая 1995 года и зарегистрирована 7 мая 1996 года за номером № 31414/96;

принимая во внимание заключение, составленное в соответствии с правилом 49 Регламента суда;

принимая во внимание объяснения, представленные государством-ответчиком 21 июня 1998 года, а также ответные возражения, поданные заявителем 25 сентября 1998;

проведя обсуждение;

принял следующее решение:

ФАКТЫ

Первоначально жалоба была подана четырьмя заявителями, четвертым из которых был Паси Карасев (далее - заявитель). 14 апреля 1998 года жалобы остальных заявителей были признаны Европейской Комиссией по правам человека неприемлемыми. Настоящий заявитель родился в 1992 году в Финляндии. Его родители родились в Советском Союзе и являлись гражданами той страны. Заявитель и его родители в настоящее время проживают в городе Пойтсила, Финляндия.

Обстоятельства дела, согласно материалам, представленными сторонами, могут быть изложены следующим образом.

А. Обстоятельства настоящего дела.

Родители заявителя и его брат, родившийся в 1983 году в бывшем Советском Союзе, приехали в Финляндию из тогда еще СССР 20 августа 1991 года по туристическим визам, периодом с 3 по 21 августа 1991 года. В последний день

пребывания, они обратились к властям Финляндии с просьбой о предоставлении убежища, основывая свое обращение на произошедшем в Советском Союзе государственном перевороте. 11 мая 1992 года Министерство внутренних дел (*sisäasiainministeriö, inrikesministeriet*) отклонило их ходатайство о предоставлении убежища, также как и не нашло оснований для выдачи вида на жительство.

20 июля 1992 районное управление полиции Холлолы вынесло предложение о выдворении данной семьи. Семья заявителя возразила, ссылаясь на то, что факт того, что они являлись гражданами бывшего Советского Союза, не означает, что они стали гражданами Российской Федерации. 4 ноября 1992 года Министерство внутренних дел вынесло решение о высылке данной семьи в Российскую Федерацию, указав, что семья заявителя являлась гражданами бывшего Советского Союза и не имеет никаких связей с Финляндией, которые могли бы воспрепятствовать их высылке. Министерство также вынесло запрет семье на въезд в Финляндию или любую другую скандинавскую страну сроком на два года. Семья заявителя обжаловала данное решение в Верховный административный суд (*korkein hallinto-oikeus, högsta förvaltningsdomstolen*).

16 декабря 1992 года родился заявитель. Он не был зарегистрирован в соответствующих органах и тем самым не имел право на получение пособий по социальному обеспечению. Отдел социального обеспечения и здравоохранения Настолы (*sosiaali- ja terveystalutakunta, social- och hälsovårdsnämnden*) отказал матери заявителя в выдаче материнского пособия, указав, что она не является гражданкой Финляндии. Ей было также отказано в разрешении на постоянное пребывание в стране. Данное решение не было обжаловано. Муниципальные власти предоставили матери заявителя необходимый пакет средств по уходу за новорожденным.

В 1993 году отец заявителя нашел работу в городе Хамина. 1 сентября 1993 года родителям заявителя было отказано в выдаче пособия на жилье на основании отсутствия вида на жительство. Родители заявителя данное решение не обжаловали.

23 ноября 1993 в связи с тем, что решение о высылке не было исполнено, Верховный административный суд направил дело обратно в Министерство внутренних дел на повторное рассмотрение.

4 января 1994 года районное управление полиции Холлолы вновь выступило с предложением о высылке заявителя и его семьи. Семья заявителя возразила против данного предложения, и выступило с просьбой об отсрочке исполнения решения, по крайней мере, на период рассмотрения вопроса о возможном предоставлении заявителю финского гражданства.

В феврале 1994 года заявитель подал заявление с просьбой предоставить ему гражданство Финляндии. 26 апреля 1994 года Министерство внутренних дел не нашло оснований для предоставления разрешения на постоянное проживание заявителю. Более того, было принято решение о выдворении заявителя и его семьи в Российскую Федерацию на основании того, что они все являлись гражданами данной страны в соответствии с законом о гражданстве 1991 года,

вступившем в силу 6 февраля 1992 года. В меморандуме от 2 марта 1994 года Министерство внутренних дел указало, что родители заявителя и его брат прибыли в Финляндию по туристической визе. На момент вступления в силу закона Российской Федерации, родители заявителя и его брат не проживали постоянно в Финляндии, однако считались таковыми для Российской Федерации. Поскольку родители заявителя, таким образом, стали гражданами Российской Федерации, Министерство сделало вывод, что заявитель также приобрел гражданство России (таким образом, не Финляндии) по принципу крови.

Летом 1994 года отец заявителя открыл свою фирму в Хамине.

28 апреля 1995 года Верховный административный суд отказал в удовлетворении жалобы, поданной заявителем и его семьей против нового решения о выдворении.

Летом 1995 года заявитель и его семья подала еще одно заявление на получение разрешения на постоянное пребывание, снабженное сопроводительным письмом от главы районного управления полиции Хамины. Он указал, что заявитель и его семья прекрасно интегрировались в финское общество, и было бы крайне неразумно отказывать им в предоставлении вида на жительство. Несмотря на это, 16 августа 1995 Министерство внутренних дел, (вынеся три решения) вновь отказало в удовлетворении ходатайства заявителя и его семьи. После этого семья заявителя подала беспрецедентную жалобу (*purkuhakemus, ansökan om återbrytande*) в Верховный административный суд с просьбой отменить решение Министерства.

20 октября 1995 года Министерство внутренних дел опротестовало жалобу семьи заявителя, поданную в Верховный административный суд. Министерство сослалось на свое собственное заключение, свидетельствовавшее о том, что заявитель и его семья получили российское гражданство.

1 февраля 1996 иммиграционное ведомство (*ulkomaalaisvirasto, utlänningsverket*) обратилось с просьбой к местному отделению полиции проинформировать родителей заявителя о возможных расходах, связанных с отрицательным решением в связи с дальнейшим рассмотрением ходатайства о гражданстве.

1 февраля 1996 года Министерство внутренних дел вновь подтвердило свое первоначальное заключение о том, что заявитель получил гражданство Российской Федерации. Следовательно, его заявление не соответствует требованиям, предусмотренным разделом 4 закона О гражданстве 1968 года (*kansalaisuuslaki, medborgarskapslag 401/1968*) о предоставлении финского подданства заявителю.

19 февраля 1996 года Верховный административный суд отказал в удовлетворении ранее поданной жалобы заявителя и его семьи.

26 февраля 1996 генеральный консул посольства Российской Федерации в Финляндии сделал заявление, что ни родители заявителя, ни его брат не являются гражданами Российской Федерации.

28 февраля 1996 года рассмотрение ходатайства заявителя о предоставлении финского гражданства было прекращено. Вместо этого заявитель попросил, чтобы факт его финского гражданства был подтвержден Президентом Республики, принимая во внимание тот факт, что его родители не получили российского гражданства ни одним из предусмотренных способов - в порядке признания, регистрации или приема в гражданство. Заявитель также указал, что он имеет право на получение финского гражданства на основании принципа почвы в соответствии со статьей 1, пунктом 1 (4) Акта о гражданстве.

26 марта 1996 генеральный консул посольства Российской Федерации сделал заявление, что заявитель не являются гражданами Российской Федерации.

25 апреля 1996 года глава районного управления полиции Хамины приказал заявителю и его семье покинуть Финляндию к 24 мая 1996 года. Заявитель и его семья протестовали против данного решения, ссылаясь на то, что они ожидают ответа на заявление заявителя о подтверждении его финского гражданства, также указывая на то, что у них нет необходимых проездных документов.

29 апреля 1996 года глава консульского департамента посольства выступил с заявлением, что, в соответствии с законом Российской Федерации о Гражданстве, ни один из членов семьи заявителя не является гражданином Российской Федерации. Их советские паспорта не находятся более в обращении и должны быть сданы в посольство. Семья может обратиться с просьбой о выдаче новых документов к финским властям на основании того факта, что они являются лицами без гражданства. Семья заявителя не может въехать на территорию Российской Федерации без наличия надлежащих документов. В письме было также указано, что решение о выдворении заявителя и его семьи не имело никаких юридических оснований.

20 мая 1996 года местный отдел социального обеспечения вынес решение о выдаче муниципального ежедневного пособия с 1 июня 1996 года. Брату заявителя также было разрешено посещать государственную школу в Финляндии.

21 мая 1996 года глава полиции Хамины объявил, что исполнение решения о выдворении откладывается на неопределенный срок.

26 июня 1996 года и 22 июля 1996 года глава консульского департамента посольства Российской Федерации вновь подтвердил, что ни заявитель, ни его семья не являются гражданами Российской Федерации.

7 января 1997 управление социального страхования постановило, что, в соответствии со статьей 3 закона О страховании по болезни 1963 года, ни заявитель, ни его семья не могут претендовать на льготы, предусмотренные данным законом, в случае заболевания. Управление социального страхования также отметило, что члены семьи заявителя прибыли в Финляндию как беженцы. Более того, на момент принятия данного решения отделом социального страхования, ни заявитель, ни члены его семьи не имели паспортов или разрешения на работу в Финляндии, они также не были зарегистрированы в

органах регистрации населения Финляндии. 10 января 1997 года заявитель и его семья обжаловали данное решение в Департамент социального страхования (*sosiaalivakuutuslautakunta, socialförsäkringsnämnden*) ссылаясь главным образом на факт того, что заявитель был рожден в Финляндии.

10 февраля 1997 года родителям заявителя и его брату был выдан вид на жительство сроком на один год. Теперь Министерство внутренних дел считало вопрос о гражданской принадлежности семьи заявителя не установленным. Министерство также отметило, что попытки выдворения семьи заявителя не имели успеха. Немногим позже, а именно 2 января 1997 года, российские власти заявили, что они не приняли бы семью заявителя обратно в страну.

Родителям заявителя, а также его брату были выданы паспорта иностранных граждан и временное разрешение на пребывание в стране. Заявитель не обращался в соответствующие органы о выдаче ему аналогичных документов.

19 февраля 1997 года отдел регистрации населения (*maistraatti, magistraten*) Котки проинформировал заявителя о невозможности зарегистрировать его в качестве резидента, также как невозможно предоставить ему личный идентификационный номер. Отдел регистрации сослался на текущее рассмотрение вопроса о предоставлении заявителю гражданства и указал, что для регистрации необходимо предоставить доказательства наличия финского гражданства или вида на жительство.

4 марта 1997 года мать заявителя получила права на получение пособия на ребенка только в отношении брата заявителя.

12 марта 1997 Министерство внутренних дел попросило Министерство иностранных дел обратиться к Российским властям для получения разъяснений касательно вопроса о гражданстве заявителя и его семьи. Министерство внутренних дел теперь утверждало, что в соответствии с положениями закона Российской Федерации о Гражданстве, гражданами Российской Федерации признаются все граждане бывшего СССР, постоянно проживавшие на территории Российской Федерации на день вступления в силу данного Закона, если в течение одного года с этого дня они не заявили о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации. По мнению Министерства внутренних дел, родители заявителя не предоставили свидетельства о таком отказе (по версии семьи заявителя их заявление об отказе от гражданства Российской Федерации было направлено российским властям и представлено Министерству внутренних дел Финляндии). Министерство просило, в частности, сделать разъяснение почему заявитель не получил российское гражданство по принципу крови, а если получил, то на каком основании и когда он его лишился.

14 апреля 1997 года управление социального страхования вынесло решение о предоставлении с 1 марта 1997 года матери заявителя пособия на жилье. Также 1 апреля 1997 было решено о выдаче ей трудового пособия с 13 марта 1997. При расчете сумм пособия, факт наличия заявителя не учитывался. 16 мая 1997 года размер трудового пособия и пособия на жилье был увеличен с учетом обоих детей.

6 мая 1997 года отдел регистрации населения Котки зарегистрировал заявителя в качестве резидента Финляндии и присвоил ему личный идентификационный номер. В регистрационной записи заявителя было указано, что он рожден в Настоле, муниципалитет в Финляндии, однако числится лицом без гражданства пока не будет установлено гражданство матери. В дипломатической ноте Министерства иностранных дел Российской Федерации от 26 мая 1997 года, содержащей ответ Комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации на запрос Министерства Финляндии касательно гражданства заявителя и его семьи, Комиссия указала следующее:

«Министерство иностранных дел Российской Федерации выражает свое глубокое уважение Посольству Республики Финляндия и, со ссылкой на заявления Посольства от 18 апреля 1997 года и 24 апреля 1997 года за номерами МОСВО 11-40 и МОСВО11-55 соответственно, радо сообщить, что Комиссией по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации было рассмотрено дело Карасевых, и комиссия пришла к следующим заключениям:

В соответствии с декретом за номером 5206/1-1/17.6.1993 (Декрет Российской Федерации о введении в действие Декрета о внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации о Гражданстве Российской Федерации) Верховного Совета Российской Федерации, граждане бывшего Советского союза, которые, до 6 февраля 1992 года, постоянно проживали за границей или временно покинули страну для целей работы, учебы, прохождения медицинского лечения или по частным делам, и которые вернулись в страну после вступления в силу закона о Гражданстве Российской Федерации, признаются в силу раздела 13 подраздела 1 настоящего закона, гражданами Российской Федерации. Однако семья Карасевых к настоящему времени не вернулась в страну и не имеет желания сделать это.

В соответствии с законом Российской Федерации о Гражданстве, гражданство есть устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности.

Международный суд ООН, при рассмотрении дела Ноттабома, обстоятельства, дела которого сходны с фактами настоящего дела, определил гражданство как: “правовую связь, имеющую в своей основе общественный факт привязанности, подлинного соединения существования, интересов и чувств, наряду с наличием взаимных прав и обязанностей”.

Принимая во внимание, что семья Карасевых уже в течение более 5 лет проживает в Финляндии, Комиссия пришла к выводу, что данная семья утратила свои связи с Российской Федерацией и, более того, не выразила своего желания их возобновить.

Таким образом, Комиссия находит, что семья Карасевых не является гражданами Российской Федерации...»

28 мая мать заявителя также стала получать пособие на ребенка в отношении заявителя.

В ответ на жалобу заявителя и его семьи от 10 января 1997 года Апелляционная комиссия Департамента социального страхования (*tarkastuslautakunta, prövningsnämnden*), 16 сентября 1997 года передала дело обратно в управление социального страхования. По словам заявителя и его семьи, управление социального страхования нашло нецелесообразным рассматривать данное дело отдельно, и приобщило его к своим решениям от 16 и 28 мая 1997 года.

В своем заключении от 17 декабря 1997 года, обращенном к Президенту Республики Верховный Административный суд указал, что заявитель не приобрел гражданства Финляндии по факту рождения на территории Финляндии. Верховный Административный суд также заметил, что по приезду в Финляндию семья заявителя и его брат являлись гражданами Советского Союза. Однако они утратили гражданство государства-правопреемника (Российская Федерация) к моменту рождения заявителя. В решении Верховного Административного суда не обсуждался ни российский декрет 1993 года, на который ссылалась Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации при рассмотрении дела заявителя и его семьи, ни заявление российского посольства, в котором указывалось, что заявитель и его семья не являются гражданами Российской Федерации.

22 декабря 1997 года в заявлении, подписанном атташе, Российское посольство указало, что в соответствии с законом Российской Федерации о Гражданстве, заявитель не является и никогда не являлся гражданином Российской Федерации.

23 января 1998 года Президент Республики заявил со ссылкой на заключение Верховного Административного суда, что заявитель не является гражданином Финляндии.

Заявитель обратился с петицией к парламентскому омбудсмену (*eduskunnan oikeusasiamies, riksdagens justitieombudsman*) о крайней затянутости процесса рассмотрения дела (вынесения заключения) о гражданстве заявителя. По данному вопросу никакого решения вынесено не было.

В. Соответствующие национальные правовые нормы.

Статья 1, параграф 1 (4) закона о гражданстве (в редакции закона №584/1984), предусматривает следующее:

«Ребенок приобретает гражданство Финляндии по принципу почвы (по факту рождения):

...

если он родился на территории Финляндии и на тот момент не имел (имеет) гражданства другого государства».

Согласно статье 1 закона о страховании по случаю болезни 1963 года (*sairausvakuutuslaki, sjukförsäkringslag 364/1963*) каждый резидент Финляндии имеет право на получение льгот, предусмотренных настоящим актом. Определение термина «резидент» находится в компетенции управления социального страхования (*kansaneläkelaitos, folkpensionsanstalten*) в

соответствии с законом 1993 года о социальном обеспечении (*laki asumiseen perustuvan sosiaaliturvalainsäädännön soveltamisesta, lag om tillämpning av lagstiftningen om bosättningsbaserad social trygghet 1573/1993*). В соответствии с данным актом, лицо признается резидентом, если его фактическое место жительства находится в Финляндии или в случае, если он постоянно пребывает в данной стране. Иммигрант, который имеет намерение постоянно поселиться в Финляндии, может быть признан резидентом после своего приезда в страну, при условии наличия вида на жительства действительного, по крайней мере, в течение одного года. Лицо, ищущее убежище, не признается резидентом, если решение о предоставлении убежища или о высылке не вступило в законную силу (статья 3). Жалоба на решение управления социального страхования касательно трактовки термина «резидент» может быть подана в один из нескольких органов, в зависимости от их компетенции, право на получения пособия которых оспаривается.

В соответствии со статьей 5 закона о правовом положении иностранных граждан 1991 года (*ulkomaalaislaki, utlänningslag 378/1991*; с последующими изменениями) иностранному гражданину может быть выдан паспорт иностранного гражданина в случае, если данное лицо не в состоянии получить паспорт страны своего происхождения или есть другая исключительная причина необходимости выдачи такого документа.

Суть жалобы

Заявитель жалуется на задержку финских властей при рассмотрении вопроса о его пребывании в Финляндии, а также отказ в предоставлении финского гражданства, на которое он имел право по факту рождения на территории Финляндии и отсутствия к моменту рождения гражданства любой другой страны. Финскими властями не было представлено объяснений, почему они пришли к противоположному решению, нежели власти Российской Федерации, по вопросу о гражданстве заявителя. Более того, заявитель ссылается на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в результате выше обозначенных действий финских властей, в отношении его возможностей получения социальных пособий. Не располагая видом на жительство, заявитель был лишен права получения льгот в сфере здравоохранения и социального обеспечения сроком более четырех лет.

Заявитель указывает на нарушения статей 8 и 14 Конвенции.

Рассмотрение дела до разбирательства в Суде.

Жалоба была подана в Европейскую комиссию по правам человека 5 мая 1996 года и зарегистрирована 7 мая 1996 года.

17 мая 1996 докладчик по данному делу запросил дополнительную информацию у государства-ответчика в соответствии с правилом 47 § 2 (а) Правил процедуры Комиссии.

Сведения, затребованные Докладчиком были представлены государством ответчиком 10 июня 1996 года. Ответные возражения были поданы заявителями (четвертым из которых является настоящий заявитель) 26 июня 1996 года.

14 апреля 1998 года Комиссия приняла к рассмотрению жалобу четвертого заявителя в связи с предполагаемыми нарушениями права на уважение частной жизни и права на недискриминационное обращение, и признала в остальной части жалобу неприемлемой.

Государство-ответчик представило свои письменные объяснения 21 июня 1998 года, письменные объяснения заявителя были поданы 25 сентября 1998 года.

18 сентября 1998 года комиссия вынесла решение о компенсации расходов заявителя по получению юридической помощи.

В связи с вступлением в силу 1 ноября 1998 года протокола № 11 к Конвенции и в соответствии со статьей 5 § 2 Протокола № 11 к Конвенции, данная жалоба была передана на рассмотрение в суд.

Право

Заявитель жалуется на крайнюю медлительность финских властей в процессе регулирования вопроса о его пребывании в Финляндии, а также вытекающие отсюда неудобства, связанные с получением социальных льгот. Более того, несмотря на наличие заключения, полученного от властей Российской Федерации касательно статуса заявителя в соответствии с Законом Российской Федерации о Гражданстве, финские власти отказались признать заявителя гражданином Финляндии по факту рождения. Заявитель утверждает, что имело место нарушение статей 8 и 14 Конвенции.

1. Суд в первую очередь рассмотрел вопрос о возможном нарушении статьи 8 Конвенции, которая - в части, соответствующей данной жалобе, - гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции.

2. Вмешательство публичной власти в осуществление этого права не допускается, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц».

а) Суд отмечает, что ни Конвенция, ни Протоколы к ней не гарантируют право на получение конкретного гражданства. Заявителем это не оспаривается. Однако он полагает, что суммарные последствия отказа в предоставлении гражданства в совокупности с общей ситуацией семьи Карасевых, составляет нарушение статьи 8 и 14 Конвенции. Заявитель, в частности, подчеркивает предположительно произвольный характер отказа в признании заявителя

гражданином Финляндии. По мнению заявителя отказ в гражданстве, под критерии предоставления которого он полностью подпадает, было основано на трактовке российского закона, несмотря на тот факт, что данная интерпретация не получила поддержки и была полностью отвергнута как неправильная российскими властями.

Власти Финляндии утверждают, что даже, если последствия отказа Президента Республики в признании заявителя гражданином Финляндии по факту рождения и предполагаемая затянутость процесса являются нарушением статьи 8, жалоба все равно должна быть признана неприемлемой согласно статье 27 § 2 (статья 35 § 3 с момента вступления в силу Протокола № 11) как несовместимая с положениями Конвенции.

Власти также указывают, что после получения отказа в признании гражданства заявителя, родители заявителя не подали нового заявления от его имени. Рассмотрение предыдущего заявления, поданного в феврале 1994 года, было прекращено 28 февраля 1996 года. Власти также указывают, что представители заявителя не подали ходатайства о выдаче ему паспорта иностранного гражданина и вида на жительство, для того, чтобы устранить предполагаемые негативные последствия отказа и с целью получения заявителем того же статуса, как и все остальные члены семьи. Власти особо подчеркивают, что если бы такое ходатайство было бы подано, заявитель получил бы в этом случае, как паспорт иностранного гражданина, так и вид на жительство. Однако такое ходатайство представлено не было. Таким образом, власти полагают, что заявителем не были исчерпаны все национальные средства правовой защиты согласно требованию статьи 26 (статья 35 § 1 с момента вступления в силу Протокола № 11) Конвенции.

Заявитель не согласен с такой позицией властей. Он указывает, что первоначально он должен быть признан гражданином Финляндии со всеми вытекающими из этого статуса правами и привилегиями. Отказав ему в признании гражданином, Финляндия тем самым лишила его субъективного права, подразумевающего целый набор других прав, являющихся составной частью гражданства как такового. Он не был обязан обращаться с просьбой о выдаче ему паспорта иностранного гражданина, поскольку он должен был быть зарегистрирован как гражданин Финляндии. Заявитель особо подчеркивает, что он исчерпал все национальные средства правовой защиты в отношении рассмотрения вопроса о гражданстве. Заявитель указывает, что финское гражданство и паспорт иностранного гражданина, определяющего лицо по сути как апатрида, являются двумя взаимоисключающими возможностями. Если бы заявитель обратился бы с просьбой о выдаче паспорта иностранного гражданина, он тем самым, в соответствии со статьей 1 закона о гражданстве, потерял бы право на получение финского гражданства. И таким образом, это бы свидетельствовало о том, что им не были исчерпаны все средства правовой защиты. Более того, ходатайство на получение вида на жительство было подано, однако до 1994 года никакого решения по этому вопросу сделано не было.

Суд отмечает, в соответствии с прецедентным правом, требование исчерпать все внутренние средства правовой защиты подразумевает обычные средства, предоставленные национальной правовой системой, которые должны быть

эффективными, достаточными и доступными. Суд пришел к выводу, что в обстоятельствах данного дела, на заявителе не лежала обязанность обратиться к властям с просьбой о выдаче паспорта иностранного гражданина, поскольку в противном случае это бы привело к потере им права на получение гражданства Финляндии по факту рождения.

Власти также указали, что заявитель в действительности имел право на получение различных льгот в системе социального обеспечения Финляндии, и таким образом не может быть признан жертвой нарушения по смыслу статьи 25 (статья 34 с момента вступления в силу Протокола № 11) Конвенции.

Данное положение было оспорено заявителем. Прежде всего, заявитель указал, что он не получал никаких социальных пособий в течение практически 4 лет. Во вторых, заявитель полагает, что данный вопрос должен рассматриваться в совокупности с вопросом о выдаче паспорта иностранного гражданина. Более того, факт того, что заявителю было отказано в предоставлении гражданства, поставило его в еще более уязвимую позицию по сравнению с остальными членами семьи.

В свете настоящих обстоятельств, особенно принимая во внимание признание властями того, что заявитель получал социальные льготы, начиная с 1 июня 1996 года, Суд полагает, что заявитель может утверждать, что продолжает испытывать негативные последствия того, что он не получал социальные льготы и не имеет финского гражданства, как не имеет гражданства никакого другого государства.

Хотя право на гражданство и не гарантировано ни Конвенцией, ни Протоколами к ней (№. 11278/84, решение от 1 июля 1985, Д.Р. 43, сс. 216 по 220), Суд не исключает того, что произвольное лишение гражданства может при некоторых обстоятельствах поднимать вопрос о нарушении статьи 8 Конвенции в связи с общим влиянием последствия отказа на частную жизнь индивида (№№ 4403/70-4419/70, 4422/70, 4423/70, 4434/70, 4443/70, 4476/70-4478/70, 4486/70, 4501/70 и 4526/70-4530/70, 14 Декабря 1973, Д.Р. 78-А, стр. 5, и № 21106/92, Кафкасли против Турции, решение от 1 июля 1997).

Отказ в признании заявителя гражданином Финляндии был основан на предположении, что дело заявителя не соответствует требованиям, представленным в статье 1, параграфа 1 (4) закона о гражданстве. В соответствии с этим положением ребенок, рожденный на территории Финляндии, приобретает гражданство Финляндии по факту рождения при условии, что к этому моменту он не является гражданином ни одной другой страны. Таким образом, финские власти пришли к мнению, что заявитель не может получить гражданство Финляндии, поскольку на момент рождения он являлся гражданином другой страны, а именно Российской Федерации. Данная трактовка ставится под сомнение заявителем в связи с позицией властей Российской Федерации по данному вопросу.

Суд отмечает, что в 1996 и 1997 годах российским посольством в Финляндии либо его должностными лицами был сделан ряд заявлений касательно вопроса гражданства семьи Карасевых. Большинство из сделанных заявлений

рассматривало вопрос о гражданстве заявителя и/или его семьи на момент вынесения данных заявлений. Таким образом, они недостаточны для разрешения вопроса о том, получил ли заявитель гражданство Российской Федерации вообще на момент своего рождения. С одной стороны, согласно заявлению, подписанному атташе при посольстве Российской Федерации 22 декабря 1997 года, заявитель никогда не являлся гражданином Российской Федерации. Данный факт подтверждает утверждение заявителя, что трактовка российского закона о гражданстве, сделанная финскими властями, была неправильной.

Однако, вопрос более или менее ясен в свете заключения, представленного Комиссией по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации в ответ на запрос министерства Финляндии касательно вопроса гражданства заявителя. Комиссия сделала ссылку на дело Ноттебом, рассмотренное Международным Судом ООН (Решения Международного суда ООН, 1955, с. 23), в котором гражданство определялось как «правовую связь, имеющую в своей основе общественный факт привязанности, подлинного соединения существования, интересов и чувств, наряду с наличием взаимных прав и обязанностей». После пребывания в Финляндии в течение более 5 лет, семья Карасевых, по мнению Комиссии, утратила данную связь с Россией и что более важно, не предприняло никаких попыток её восстановить. Таким образом, в соответствии с решением комиссии «семья Карасевых не является более гражданами Российской Федерации».

По мнению суда, данная часть жалобы является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции.

2. Суд переходит к рассмотрению вопроса о предполагаемом нарушении статьи 14 в совокупности со статьей 8 Конвенции. Статья 14 предусматривает:

«Пользование правами и свободами, изложенными в настоящей Конвенции, обеспечивается без какой-либо дискриминации по признакам пола, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или иным признакам».

Ссылаясь на статью 14, в совокупности со статьей 8 Конвенции, заявитель утверждает, что отказ в предоставлении ему гражданства Финляндии был основан на предвзятости к этнической и гражданской принадлежности его родителей, а также их статуса перемещенных лиц.

Оставляя открытым вопрос, подпадает ли жалоба заявителя под сферу защиту статьи 8, делая тем самым применимой статью 14, суд не нашел подтверждения тому, что решение финских властей было предвзято на основании этнической и гражданской принадлежности родителей заявителя.

Таким образом, рассмотрев данную жалобу, суд пришел к выводу, что

По мнению суда, данная часть жалобы является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств, суд единодушно признает данную жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Георг Ресс – Председатель секции

Венсан Бергер - Секретарь секции

Маматкулов и Аскарлов против Турции

(№№ 46827/99 и 46951/99)

Разбирательство по существу

Заявители Рустам Маматкулов и Абдурасулович Аскарлов – граждане Узбекистана 1959 и 1971 г.р. соответственно – члены партии «ЕРК „Свобода”» (оппозиционная партия в Узбекистане). 27 марта 1999 г. заявителей экстрадировали из Турции в Узбекистан и, полагается, в настоящее время там содержатся под стражу.

3 марта 1999 г. г-н Маматкулов прибыл в Стамбул из Казахстана по туристической визе. Турецкая полиция его задержала в Аэропорту им. Ататюрка (г. Стамбул). 13 декабря 1998 г. г-н Аскарлов прибыл в Турции с поддельным паспортом. 5 марта 1999 г. служба безопасности его задержала.

В Узбекистане обоих подозревали в совершении убийства, в причинении вреда взрывным устройством и в террористическом покушении на Президента республики. Заявителей привели перед судьей, который вынес постановление об их заключении под стражу. Узбекистан направил запрос об их экстрадиции в соответствии с межгосударственным (двухсторонним) договором, заключенным с Турцией.

Дело г-н Маматкулова рассматривалось судьей Бакырккойского суда по уголовным делам, а дело г-на Аскарлова – Фатихский суда по уголовным делам (г. Стамбул). Как судья, так и суд отметили, что обвинения, выдвинутые против заявителей не носили ни политический, ни военный характер, а представляли собой обычные уголовные дела. В итоге были вынесены постановления об их заключения под стражу до решения вопроса об их экстрадиции.

18 марта 1999 г. в соответствии с Правилем 39 (предварительные меры) «Правил процедуры Суда» Европейский Суд по правам человека указал властям Турции на то, что счел «желательным в интересах сторон и надлежащего ведения производства по делу в Суде не экстрадировать заявителей в Узбекистан до тех пор, пока Суд не имеет возможность дальше рассматривать заявление в предстоящей сессии, намеченной на 23 марта 1999 г.» 23 марта 1999 г. Палата продлила действие предварительной меры на неопределенный срок. Тем временем, 19 марта 1999 г. Кабинет министров Турции издал указ об экстрадиции заявителей. 27 марта 1999 г. заявители были переданы узбекским властям.

Постановлением от 28 июня 1999 г. Высокий Суд Республики Узбекистан признал заявителей виновными во вменяемых им преступлениях, и приговорил их к 20 и 11 годам лишения свободы соответственно.

Ссылаясь на ст. ст. 2 (право на жизнь) и ст. 3 (запрещение пыток) Конвенции, заявители утверждали, что после экстрадиции их жизни находились под угрозой и что они подвергались опасности пыток. Они также жаловались на нарушение ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) несправедливостью процедуры экстрадиции в Турции, а также на уголовное преследование в Узбекистане. Представители заявителей указали на то, что Турция экстрадировала заявителей и тем самым не исполнил свои обязательства по Конвенции, поскольку не соблюдала указание Суда, вынесенное в соответствии с Правилем 39 «Правил процедуры Суда».

Постановлением Палаты от 6 февраля 2003 г. Суд единогласно решил, что нарушение ст. 3 Конвенции не имело место; что ст. 6 не подлежит применению к процедуре по экстрадиции; и что из второй жалобы на нарушение ст. 6 не возникали вопросы,

подлежащие рассмотрению в Суде. Постановлено: 6 голосов против 1 – что имело место нарушение ст. 34 (индивидуальные жалобы) Конвенции, поскольку турецкие власти не выполнили предварительные меры, указанные им Судом. 28 апреля 2003 г. турецкие власти подали заявление о направлении дела в Большую Палату. 21 мая 2003 г. коллегия Большой Палаты удовлетворила данное заявление.

Ракевич против Российской Федерации

Факты

Заявительница - Тамара Николаевна Ракевич, гражданка России, 1961 года рождения, проживающая в г. Екатеринбурге. В Суде ее интересы представляет адвокат из Екатеринбурга Анна Деменева.

А. Обстоятельства дела

Обстоятельства дела, согласно материалам, представленным сторонами, могут быть изложены следующим образом.

1. Помещение заявительницы в психиатрический стационар

25 сентября 1999 г. заявительница была в гостях у своей знакомой М. Она провела у нее всю ночь, изучая Библию и рассказывая о своих религиозных взглядах. 26 сентября 1999 г. М., оскорбленная ее мнениями, вызвала "скорую помощь", чтобы отправить заявительницу в психиатрическую больницу. Увидев санитаров "скорой помощи", заявительница не поняла, в чем дело, и попросила М. объяснить, что произошло, но санитары приказали ей следовать за ними.

Заявительница была помещена в городскую психиатрическую больницу N 26 г. Екатеринбурга. Дежурный врач определил ее состояние как тяжелое психическое расстройство, которое обуславливало ее опасность для себя самой (ранее она сбежала из больницы общего профиля, испытывала страх, беспокойство, растерянность), ее беспомощность (выкрикивала: "Я ничего не понимаю! Я боюсь!"), отказывалась разговаривать с врачом).

26 сентября 1999 г. администрация психиатрической больницы обратилась в суд с просьбой решить вопрос о дальнейшем пребывании заявительницы в стационаре. Спустя двое суток, 28 сентября 1999 г., было вынесено заключение врачебно-консультативной комиссии о том, что заявительница страдает шизофренией параноидной формы, нуждается в лечении в условиях психиатрического стационара. По словам врачей, в период пребывания в больнице заявительница была подозрительна, малодоступна, своих переживаний не раскрывала, не объясняла мотивов своего поведения накануне госпитализации. Кроме того, она обвиняла медицинский персонал в краже ее вещей. Говорила, что "попала в больницу из-за знакомой-сектантки", которая "хотела заманить ее в секту". Не доверяя врачам, отказывалась принимать лечение. Была неряшлива, надевала на себя три кофты, не раздевалась для ночного сна. Отказывалась мыться, опасаясь простуды. Писала жалобы, которые прятала в нательном белье. На протяжении всего пребывания в больнице, по словам врачей, у нее отмечались эмоциональная холодность, монотонность, манерность.

2. Рассмотрение судом вопроса об ограничении свободы заявительницы

5 ноября 1999 г. Орджоникидзевский районный суд г.Екатеринбурга в ходе выездного заседания на территории психиатрической больницы вынес постановление, подтвердившее обоснованность помещения заявительницы в психиатрический стационар, так как она страдала острой формой параноидальной шизофрении. В своих выводах суд полагался на заявления представителей больницы о том, что тяжелое психическое состояние заявительницы представляло угрозу для ее физического здоровья; она впадала в состояние бреда. По словам представителей больницы, заявительница была доставлена к ним работниками "скорой помощи" в состоянии психического расстройства; она "всю ночь не спала, читала Библию и плакала". Ее

коллега по работе сообщила в своих показаниях, что она "стала замкнутой и часто писала жалобы по поводу предрассудков, которыми якобы страдают ее сослуживцы". Представитель заявительницы, несмотря на неоднократные просьбы, не имел возможности ознакомиться с заключением врачебно-консультативной комиссии ни до судебного заседания, ни после него.

11 ноября 1999 г. заявительница подала кассационную жалобу на судебное решение от 5 ноября. Заявительница утверждает, что не имела возможности представить подробные мотивы в кассационной жалобе, так как на момент подачи жалобы ей еще не был вручен окончательный текст судебного решения.

24 декабря 1999 г. судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда оставила жалобу заявительницы без удовлетворения, подтвердив правомерность помещения ее на принудительное лечение. При этом суд определил, что заявительница более не нуждается в принудительном лечении, так как у нее есть работа, она одна растит сына-школьника и уже находилась в больнице в течение длительного времени.

18 февраля 2000 г. заявительница подала заявления прокурору Свердловской области и председателю Свердловского областного суда о принесении протеста в порядке надзора. Ответов на эти обращения не получено.

В. Соответствующие внутригосударственные правовые нормы и правоприменительная практика

Базовые принципы оказания психиатрической медицинской помощи в России регулируются Законом Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", принятым в 1992 году (далее именуется Закон).

Статья 29 этого Закона определяет основания для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке:

"Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя до постановления судьи, если его обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает:

- а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или
- б) его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или
- в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи".

Статья 32 указанного Закона определяет порядок освидетельствования лиц, помещенных в психиатрический стационар в недобровольном порядке:

"(1) Лицо, помещенное в психиатрический стационар по основаниям, предусмотренным статьей 29 настоящего Закона, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, которая принимает решение об обоснованности госпитализации. В случаях, когда госпитализация признается необоснованной и госпитализированный не выражает желания остаться в психиатрическом стационаре, он подлежит немедленной выписке.

(2) Если госпитализация признается обоснованной, то заключение комиссии врачей-психиатров в течение 24 часов направляется в суд по месту нахождения психиатрического учреждения для решения вопроса о дальнейшем пребывании лица в нем".

В статьях 33-35 подробно определен порядок судебного рассмотрения заявлений о принудительном лечении лиц, страдающих психическими расстройствами.

Статья 33

"(1) Вопрос о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке по основаниям, предусмотренным статьей 29 настоящего Закона, решается в суде по месту нахождения психиатрического учреждения.

(2) Заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке подается в суд представителем психиатрического учреждения, в котором находится лицо.

К заявлению, в котором должны быть указаны предусмотренные законом основания для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке, прилагается мотивированное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости дальнейшего пребывания лица в психиатрическом стационаре.

(3) Принимая заявление, судья одновременно дает санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде".

Статья 34

"(1) Заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке судья рассматривает в течение пяти дней с момента его принятия в помещении суда либо в психиатрическом учреждении.

(2) Лицу должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном рассмотрении вопроса о его госпитализации. Если по сведениям, полученным от представителя психиатрического учреждения, психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в помещении суда, то заявление о госпитализации рассматривается судьей в психиатрическом учреждении.

(3) Участие в рассмотрении заявления прокурора, представителя психиатрического учреждения, ходатайствующего о госпитализации, и представителя лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации, обязательно".

Статья 35

"(1) Рассмотрев заявление по существу, судья удовлетворяет либо отклоняет его.

(2) Постановление судьи об удовлетворении заявления является основанием для госпитализации и дальнейшего содержания лица в психиатрическом стационаре.

(3) Постановление судьи в десятидневный срок со дня вынесения может быть обжаловано лицом, помещенным в психиатрический стационар, его представителем, руководителем психиатрического учреждения, а также организацией, которой законом либо ее уставом (положением) предоставлено право защищать права граждан, или прокурором в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РСФСР".

Суть жалобы

Ссылаясь на ст.5 и 6 Конвенции, заявительница жалуется на госпитализацию ее в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Она указывает, что на момент заключения под стражу не была признана душевнобольной, так что оснований для заключения ее под стражу не было. Помимо этого заявительница утверждает, что судебное рассмотрение вопроса об ограничении ее свободы заняло слишком много времени, даже без учета сроков, предусмотренных национальным законодательством, и было пустой формальностью.

Право

Заявительница, ссылаясь на ст.5 и 6 Конвенции, утверждает, что в ее принудительной госпитализации в психиатрический диспансер необходимости не было, а судебное рассмотрение вопроса о принудительной госпитализации проводилось с нарушением

национального законодательства. Суд полагает, что данная жалоба подпадает под действие ст.5, которая - в части, касающейся данной жалобы, - гласит:

"1 Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

е) законное заключение под стражу душевнобольных

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным".

Власти указывают, что помещение заявительницы на принудительное лечение было правомочным согласно подп."е" п.1 ст.5 ("законное заключение под стражу душевнобольных"). Власти утверждают, что первое помещение заявительницы на принудительное лечение - 26 сентября 1999 г. - было продиктовано ее состоянием, что впоследствии было подтверждено заключениями медицинского учреждения от 29 сентября 1999 г. (по данным заявительницы, - от 28 сентября 1999 г.) и от 4 ноября 1999 г., основанными на объективном заключении о том, что заявительница страдала психическим расстройством такой степени, которое оправдывало ограничение свободы. Суду не следует сразу отвергать это заключение. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что помещение заявительницы в стационар было неправомочным. Власти признают, что в соответствии с положениями ст.34 Закона Российской Федерации 1992 г. "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" заявление лица о принудительной госпитализации подлежало рассмотрению судом в течение пяти дней с момента принятия решения о госпитализации, а фактически было рассмотрено лишь 40 дней спустя - 5 ноября 1999 г. Тем не менее власти полагают, что данное обстоятельство нельзя истолковывать как однозначно нарушающее права заявительницы. В соответствии с ч.3 ст.33 Закона, принимая заявление, судья одновременно дает санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде. На этом основании власти делают вывод о том, что содержание заявительницы на принудительном лечении с самого начала находилось под эффективным контролем со стороны суда. Кроме того, хотя властям трудно объяснить причину несоблюдения судом сроков рассмотрения распоряжения администрации больницы, за период пребывания в стационаре состояние здоровья заявительницы значительно улучшилось, а это доказывает, что для содержания ее на принудительном лечении безотлагательного решения суда не требовалось.

В отношении возможностей заявительницы в части обжалования в суде решения об ограничении ее свободы власти утверждают, что заявительница воспользовалась такой возможностью, так как она и ее адвокат участвовали в заседании при рассмотрении ее вопроса Орджоникидзевским районным судом 4 ноября 1999 г., а затем обжаловали вынесенное судом постановление и добились положительного результата.

Заявительница не согласна с позицией властей. Она указывает, что вопреки судебной практике на основании Конвенции она не была достоверно признана душевнобольной ни в момент госпитализации, ни после вынесения медицинского заключения.

Заявительница утверждает, что ее состояние в момент задержания не требовало принятия "срочных" мер, так как ее поведение не было буйным и она не представляла опасности для себя и окружающих. Кроме того, ранее она не страдала психическими расстройствами, а возможность принятия в отношении нее альтернативных мер - вместо заключения под стражу - даже не рассматривалась властями. Заявительница также указывает на несоответствие причин, приводимых властями в качестве оснований для ее принудительной госпитализации, мотивам, содержащимся в постановлении суда от 5 ноября 1999 г. Данное обстоятельство с учетом поверхностного подхода суда к рассмотрению дела и того, что заявительница не имела

возможности ознакомиться с медицинским заключением, ставит под сомнение достоверность выводов суда.

Заявительница утверждает, что ограничение ее свободы было в любом случае незаконным по смыслу подп."е" п.1 ст.5 Конвенции, так как не были соблюдены предусмотренные Законом сроки. Заявительница возражает против предложенного властями толкования ч.3 ст.33 Закона в том смысле, что он обеспечивает некий "контроль судебной власти" в отношении ее заключения под стражу. По словам заявительницы, то, что администрация больницы направила в суд заявление о принудительной госпитализации, никак нельзя считать эффективным участием судебной власти в этом деле.

Наконец, заявительница утверждает, что при рассмотрении вопроса о ее помещении на принудительное лечение не были соблюдены положения п.4 ст.5 Конвенции, так как суд не провел тщательное исследование фактических обстоятельств дела, не заслушал показания М. (которая все это инициировала и являлась важнейшим свидетелем), не предоставил адвокату заявительницы возможности ознакомиться с материалами дела. Заявительница также полагает, что решение, вынесенное через 40 дней после ее помещения на принудительное лечение, нельзя признать "безотлагательным".

Принимая во внимание заявления сторон, Суд считает, что рассматриваемая жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, и их разрешение требует рассмотрения дела по существу. Из этого следует, что жалоба не может быть признана явно необоснованной по смыслу п.3 ст.35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой не установлено.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств Суд единогласно признает данную жалобу приемлемой для рассмотрения по существу.

Секретарь Секции Суда С.Долле

Председатель Палаты Суда Ж.-П.Коста

Серинг (Soering) против Соединенного Королевства Сливенко и другие против Латвии

Решение Европейского Суда по правам человека от 23 января 2002 г. по вопросу приемлемости жалобы N 48321/99, поданной Татьяной Сливенко и другими против Латвии

Фактические обстоятельства дела

1. Первый заявитель - Татьяна Сливенко, 1959 года рождения. Второй заявитель - ее муж, Николай Сливенко, 1952 года рождения. Третий заявитель - их дочь, Карина Сливенко, 1981 года рождения.
2. Заявителей представляют в Суде А.Аснис и В.Портнов, адвокаты, практикующие в Москве. Представители присутствовали на слушаниях вместе с советником - Т. Рыбиной. Первый и третий заявители также присутствовали на слушаниях.
3. Государство-ответчик представляет сотрудник Министерства иностранных дел Латвии К.Малиновская (Уполномоченная Латвии при Европейском суде). На слушаниях она присутствовала вместе с советником А.Стаховой.
4. Третью сторону представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П.Лаптев, Администрация Президента. На слушаниях вместе с ним присутствовали советники С.Волковский и С.Кулик.

А. Обстоятельства дела

5. Обстоятельства дела согласно материалам, представленным сторонами, состоят в следующем.
6. Заявители являются русскими по происхождению. Первый заявитель родилась в Эстонии в семье офицера Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В возрасте одного месяца она вместе с родителями переехала в Латвию. Второго заявителя, офицера Советской Армии, перевели на службу в Латвию в 1977 году. В 1980 году первый и второй заявители зарегистрировали брак. В 1981 году у них родилась дочь - третий заявитель. Отец первого заявителя уволился с военной службы в 1986 году.
7. В 1991 году Латвия стала независимой от СССР. 28 января 1992 года Вооруженные Силы СССР, расположенные в Латвии, перешли под юрисдикцию Российской Федерации.
8. 4 марта 1993 года первый и третий заявители и родители первого заявителя были внесены в Регистр жителей Латвии (Регистр) как "граждане бывшего СССР" (см. ниже [раздел](#) "Применимое национальное законодательство и практика"). На тот момент никто из них не был гражданином какого-либо государства. Первый заявитель в своем заявлении о внесении ее в Регистр не указала, что ее муж являлся офицером Вооруженных Сил Российской Федерации.
9. Государство-ответчик утверждает, что в заявлении о внесении в Регистр первый заявитель предоставила ложную информацию о профессии своего мужа, указав, что он работал на заводе. Заявители отмечают, что государство-ответчик не представило никаких доказательств в этом отношении. Заявители ссылаются на то, что во время последующего процесса, касающегося законности их пребывания в Латвии (см. ниже), иммиграционные власти не упоминали факта предоставления подобной ложной информации и что суды Латвии не установили факта предоставления заявителями в какой-либо момент информации, упомянутой государством-ответчиком.
10. Второй заявитель, который стал гражданином России, продолжал служить в Вооруженных Силах Российской Федерации до увольнения в 1994 году в связи с сокращением его должности. Стороны расходятся во мнении относительно точной даты увольнения второго заявителя: заявители утверждают, что он был уволен 2 марта

1994 года. Они основываются на том, что приказ об увольнении второго заявителя был подписан и вступил в силу 2 марта 1994 года. Власти Российской Федерации поддерживают эту точку зрения. Государство-ответчик считает, что второй заявитель был уволен 5 июня 1994 года, так как в этот день формально завершилась процедура его увольнения; его выходное пособие и денежные компенсации были рассчитаны с учетом этой даты.

11. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода (договор) был подписан в Москве 30 апреля 1994 года и применялся с этой даты (см. ниже раздел "С").

12. Согласно утверждениям властей Латвии еще до подписания договора латвийские и российские власти сотрудничали в целях установления имен российских военнослужащих, которые должны были покинуть Латвию. В связи с этим 31 марта 1994 года командование Вооруженных Сил Российской Федерации представило латвийской стороне список российских военных офицеров, находившихся в Латвии, где фигурировало и имя второго заявителя, а также сопроводительный запрос о продлении срока временного проживания его и членов его семьи в Латвии. Как указали власти Латвии, список от 31 марта 1994 года явно свидетельствовал о том, что пребывание второго заявителя и членов его семьи в Латвии было временным и что они должны были покинуть страну.

13. Согласно утверждениям заявителей и властей Российской Федерации список от 31 марта 1994 года не свидетельствовал об обязанности второго заявителя покинуть Латвию, так как это был всего лишь документ, содержащий просьбу о продлении срока временного пребывания второго заявителя в Латвии, составленный до подписания и вступления договора в силу.

14. 7 октября 1994 года второй заявитель обратился в Департамент по вопросам гражданства и иммиграции МВД Латвии (ДГИ) с просьбой о выдаче временного вида на жительство в Латвии, так как он был женат на первом заявителе - постоянной жительнице Латвии. Ему было отказано на том основании, что он являлся российским военнослужащим и был обязан покинуть Латвию в процессе вывода российских войск в соответствии с договором.

15. 29 ноября 1994 года ДГИ аннулировал записи о первом и третьем заявителях в Регистре на основании военного статуса второго заявителя. Заявители утверждают, что им не было известно об этом решении и они узнали о нем только в 1996 году во время судебного процесса, начатого вторым заявителем (см. ниже).

16. В соответствии со списком, представленным Вооруженными Силами Российской Федерации властям Латвийской Республики 10 декабря 1994 года, второй заявитель был включен в категорию военнослужащих, уволенных после 28 января 1992 года.

17. 16 октября 1995 года консул Российской Федерации в Риге представил Министерству иностранных дел Латвии несколько списков российских военных пенсионеров, которые были уволены из Вооруженных Сил Российской Федерации после 28 января 1992 года, включая также отдельный список тех, кто просил выдать временный вид на жительство в Латвии, и список тех, кто уже покинул Латвию. Имя второго заявителя было в последнем списке. Отмечалось, что 3 августа 1994 года ему предоставили место для проживания в г.Курске (Россия) и что второй заявитель выехал из Латвии 31 декабря 1994 года.

18. Однако фактически второй заявитель остался в Латвии. Он обжаловал в суд действия ДГИ, заявив, что отказ выдать ему временный вид на жительство был необоснованным. 2 января 1996 года Видземский районный суд г.Риги удовлетворил требования второго заявителя. ДГИ обжаловал это решение.

19. 19 июля 1996 года Рижский окружной суд удовлетворил жалобу ДГИ, постановив, что второй заявитель был российским военнослужащим до 5 июня 1994 года и что договором от 30 апреля 1994 года устанавливалась обязанность всех российских военнослужащих, находившихся на действующей службе после 28 января 1992 года,

покинуть Латвию вместе со своими семьями в соответствии с договором. Окружной суд ссылаясь на список от 16 октября 1995 года, где подтверждалось, что второй заявитель имел жилье в г. Курске и что он уехал из Латвии в 1994 году. Второй заявитель не подавал кассационную жалобу на решение апелляционной инстанции.

20. 20 августа 1996 года иммиграционными властями было издано предписание о высылке заявителей. Заявители были ознакомлены с ордером 22 августа 1996 года.

21. 22 августа 1996 года местные власти решили выселить заявителей из квартиры, которая была им предоставлена Министерством обороны Латвии. В жилом блоке, где была расположена квартира, проживали российские военнослужащие с семьями, а также иные жители Латвии. Ордер о выселении не был приведен в исполнение.

22. Неизвестного числа и месяца в 1996 году второй заявитель уехал в Россию, в то время как первый и третий заявители остались в Латвии.

23. Первый заявитель подала в суд иск от своего имени и от имени третьего заявителя, утверждая, что они были фактически постоянными жителями Латвии и что они не подлежат высылке из страны.

24. 19 февраля 1997 года Видземский районный суд г.Риги удовлетворил требования первого и третьего заявителей. Суд постановил, что первый заявитель приехала в Латвию как дочь своего отца, а не супруга своего мужа. Так как ее отец уволился в 1986 году, он не мог больше считаться военнослужащим, и члены его семьи, включая первого и третьего заявителей, могли быть включены в Регистр как постоянные жители Латвии. Суд отменил ордер о высылке первого и третьего заявителей и постановил внести их данные в Регистр.

25. 30 октября 1997 года Управление по вопросам гражданства и иммиграции МВД Латвии (УГИ) обжаловало решение от 19 февраля 1997 года. Рижский окружной суд отклонил жалобу, постановив, что суд первой инстанции правильно разрешил дело. Основываясь на кассационной жалобе УГИ, Верховный суд Латвии 7 января 1998 года отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию. Верховный суд Латвии основывался на том, что у заявителей была квартира в Курске, и что на них распространялись положения договора от 30 апреля 1994 года.

26. 6 мая 1998 года Рижский окружной суд удовлетворил апелляционную жалобу УГИ, постановив, что второй заявитель был военнослужащим до 5 июня 1994 года. Ссылаясь на то обстоятельство, что после увольнения из Вооруженных Сил Российской Федерации второму заявителю предоставили квартиру в г. Курске, суд решил, что он должен был покинуть Латвию вместе с семьей в соответствии с договором. Суд постановил, что решение иммиграционных властей об аннулировании записей о первом и третьем заявителях в Регистре было законным.

27. 12 июня 1998 года иммиграционные власти уведомили первого заявителя, что ордер о высылке от 20 августа 1996 года стал действовать с момента оглашения решения суда апелляционной инстанции от 6 мая 1998 года.

28. 29 июля 1998 года, основываясь на кассационной жалобе первого и третьего заявителей, Верховный суд Латвии оставил решение от 6 мая 1998 года в силе. Верховный суд Латвии постановил, что второй заявитель был уволен из Вооруженных Сил Российской Федерации 5 июня 1994 года. Верховный суд Латвии отметил, что заявители получили квартиру в г. Курске по программе США по оказанию материальной помощи в процессе вывода Вооруженных Сил Российской Федерации. Основываясь на том факте, что второй заявитель был уволен из Вооруженных Сил Российской Федерации после 28 января 1992 года, Верховный суд Латвии пришел к выводу о том, что первый и третий заявители, как члены его семьи, также должны были покинуть Латвию в соответствии с договором.

29. 14 сентября 1998 года первый заявитель обратилась к УГИ с просьбой отложить исполнение предписания о высылке. 22 сентября 1998 года ей было в этом отказано.

30. 7 октября 1998 года первый заявитель обратилась к иммиграционным властям Латвии с жалобой на решение о высылке, а также с просьбой выдать ей вид на жительство и внести ее данные в Регистр. Она утверждала, что Латвия является

родиной для нее и ее дочери и они жили там всю свою жизнь, не имея иного гражданства, и что ей необходимо заботиться о своих родителях-инвалидах, которые являются постоянными жителями Латвии.

31. 29 октября 1998 года первого и третьего заявителей поместили в центр содержания нелегальных иммигрантов на том основании, что они не выполнили требования предписания о высылке от 20 августа 1996 года.

32. В тот же день руководителем УГИ было принято решение выдать первому и третьему заявителям временные виды на жительство сроком на 90 дней с вышеупомянутой даты. В этот день также было направлено письмо в иммиграционную полицию, где указывалось, что арест первого и третьего заявителей был "преждевременным", так как 7 октября 1998 года заявители подали жалобу. В письме не было ссылки на национальное законодательство. Руководителем УГИ было дано предписание иммиграционной полиции освободить первого и третьего заявителей. Они были освобождены немедленно.

33. Решение от 29 октября 1998 года о предоставлении временного вида на жительство было доведено до сведения первого заявителя только после того, как решение утратило силу - 3 февраля 1999 года УГИ сообщило, что первый заявитель обязана покинуть Латвию немедленно, так как действовало предписание о высылке от 20 августа 1996 года. Ей также сообщили, что, если она добровольно выполнит условия распоряжения о высылке, ей, в дальнейшем, выдадут визу, позволяющую ей находиться в стране 90 дней в году.

34. 16 марта 1999 года был произведен обыск в квартире родителей первого заявителя. Третьего заявителя арестовали и 30 часов держали в центре для нелегальных иммигрантов. Ее освободили 17 марта 1999 года.

35. 11 июля 1999 года первый и третий заявители уехали в Россию ко второму заявителю. К тому времени третий заявитель завершила в Латвии среднее образование. В неопределенный день 2001 года первый и третий заявители получили гражданство Российской Федерации как граждане бывшего СССР. Сейчас заявители живут в г. Курске; их жилье находится в собственности Министерства обороны Российской Федерации.

36. В соответствии с утверждениями заявителей, родители первого заявителя серьезно больны, а заявители не могли приехать к ним в Латвию. Распоряжением о высылке от 20 августа 1996 года первому и третьему заявителям было запрещено въезжать в Латвию в течение пяти лет. Запрет прекратил действовать 20 августа 2001 года. В конце 2001 года первый и третий заявители получили визы, позволяющие им пребывать в Латвии не более 90 дней в году.

37. Так как второй заявитель покинул Латвию добровольно, на него не распространялся запрет на въезд в Латвию. С 1996 по 2001 год ему несколько раз было разрешено въехать в Латвию.

В. Применимое национальное законодательство и практика

Гражданство и национальность в Латвии

38. В законодательстве Латвии (Закон "О гражданстве" 1994 года, Закон "О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства" 1995 года, Закон "О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике" 1992 года) термин "гражданство" используется также, чтобы определить национальность лица. В официальных английских переводах национального законодательства термин "национальность" иногда используется в скобках вместе с термином "гражданство". Например, официальный английский перевод статьи 1 Закона "О гражданстве" звучит как:

"Иностранец - это лицо, имеющее гражданство (национальность) другого государства; апатрид - лицо, не имеющее гражданства (национальности).

Категории жителей Латвии

39. Существует две категории лиц, постоянно проживающих в Латвии:

- 1) граждане Латвии;
- 2) иностранцы.

Также существует два вида иностранцев:

- 1) лица, имеющие специальный статус "граждан бывшего СССР", который также может рассматриваться как статус "неграждан";
- 2) лица без гражданства или иностранцы, которые должны получать виды на жительство.

Латвийские граждане и "граждане бывшего СССР" ("неграждане") имеют право быть внесенными в Регистр жителей на основании соответственно Закона "О гражданстве" и Закона "О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства".

Статья 2 Закона "О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства" гарантирует "гражданам бывшего СССР" ("негражданам") все основные конституционные права и запрещает их высылку из Латвии, кроме как в особых обстоятельствах, разрешающих высылку.

Иностранцы, не имеющие статуса "граждан бывшего СССР" ("неграждан"), могут получить вид на жительство при соответствующем решении компетентных властей на основании Закона "О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике".

Вышеназванные законы исключают возможность постоянного проживания в Латвии лиц, которые приехали в Латвию до того, как она стала независимой в 1991 году, как советских военнослужащих и членов их семей. Такие лица могут считаться лицами без гражданства или иностранцами, и они должны получить временный вид на жительство или визу, чтобы пребывать в стране на законных основаниях в соответствии с Законом "О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике".

Высылка иностранцев и их задержание, предшествующее высылке

40. В соответствии с пунктом 3 статьи 36 Закона "О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике" вид на жительство аннулируется, если лицо без гражданства или иностранец представляют угрозу общественному порядку или национальной безопасности. В соответствии с пунктом 6 статьи 36 вид на жительство аннулируется, если лицо поступило на военную службу в другом государстве.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 38 распоряжение о выезде с требованием покинуть территорию государства издается в отношении лиц без гражданства и иностранцев, которые попадают под положения статьи 36, а также тех лиц без гражданства и иностранцев, которые проживают в Латвии без визы или временного вида на жительство.

В соответствии со статьей 40 Закона лицо должно покинуть территорию Латвии в течение семи дней после того, как ему/ей сообщили о распоряжении, если только лицо не обжалует распоряжение в соответствии с процедурой, установленной в этой статье. Лицо имеет право в течение семи дней с момента уведомления подать иммиграционным властям жалобу на распоряжение. Решение иммиграционных властей может быть обжаловано в суд.

В соответствии со статьей 48, если лицо не выполняет требования распоряжения о выезде, полиция может насильно выдворить его/ее из Латвии. В соответствии со статьей 48 - 4 полиция имеет право арестовать лицо в целях исполнения распоряжения о высылке.

В соответствии со статьей 48 - 5 полиция имеет право арестовать лицо при отсутствии решения о высылке, если:

- 1) лицо незаконно въехало в государство;
- 2) лицо умышленно предоставило компетентным властям ложную информацию, чтобы получить визу или вид на жительство;

3) власти обоснованно подозревают, что лицо будет скрываться, или что у него/нее нет постоянного места жительства;

4) власти обоснованно подозревают, что лицо представляет угрозу общественному порядку или национальной безопасности. В таких случаях полиция имеет право задержать лицо на срок не более 72 часов, или не более чем на 10 дней, при уведомлении прокурора. Полиция должна немедленно сообщить иммиграционным властям о задержании, чтобы было оформлено распоряжение о принудительной высылке. Лицо может обжаловать распоряжение в соответствии с положениями статьи 40 Закона.

В соответствии со статьей 48 - 6 лицо, относительно которого было оформлено такое распоряжение о высылке, может содержаться под стражей до исполнения распоряжения, при соответствующем уведомлении прокурора.

В соответствии со статьей 48 - 7 задержанному должны быть немедленно сообщены причины ареста, а также он должен быть осведомлен о своем праве на юридическую помощь.

В соответствии со статьей 48 - 10 полиция имеет право арестовывать иностранцев и лиц без гражданства, которые проживают в Латвии без действующей визы или вида на жительство. Такие лица должны быть доставлены иммиграционным властям или в полицию в течение трех часов.

С. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода

41. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода был подписан в Москве 30 апреля 1994 года и применялся с этой даты.

В силу п.1 статьи 2 договора Вооруженные Силы Российской Федерации должны были быть выведены из Латвии до 31 августа 1994 года.

В п.2 статьи 2 установлено, что вывод войск касался всех лиц, числящихся в Вооруженных Силах Российской Федерации, членов их семей и движимого имущества.

В п.3 статьи 2 установлено, что расформирование российских воинских частей на территории Латвии и увольнение из них военнослужащих после 28 января 1992 года "не может рассматриваться как вывод войск".

Договором был также установлен график вывода войск.

В соответствии с п.5 статьи 3 Российская Федерация была обязана предоставить Латвии сведения о своих военнослужащих на ее территории и о ходе вывода войск.

В соответствии со статьей 9 Латвия приняла на себя обязательство гарантировать служащим Российских вооруженных сил и членам их семей права и свободы в соответствии с Латвийским законодательством и принципами международного права.

Сущность и содержание жалобы

42. Заявители обжалуют в соответствии со статьей 8 Конвенции их высылку из Латвии, утверждая, что было нарушено их право на уважение "частной жизни", "семейной жизни" и "жилища" в смысле, указанном в этой статье. Они считают, что их высылка не требовалась по Договору между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода, если толковать его правильно, и что в любом случае вмешательство в их вышеперечисленные права не имело законной цели и не могло быть оправдано необходимостью в демократическом обществе.

43. Далее заявители утверждают, основываясь на статье 14 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 8, что их выслали из Латвии как членов русскоязычного национального меньшинства и как семью бывшего офицера Вооруженных Сил

Российской Федерации. Они заявляют, что к ним было другое отношение, чем к другим некоренным жителям Латвии, так как они не смогли получить статус "граждан бывшего СССР" по Закону Латвии "О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства", что не позволило бы выслать их из страны.

44. Далее первый и третий заявители утверждают, что их высылка нарушила статью 3 Протокола N 4 к Конвенции, учитывая, что Латвия была их родиной и что до 1991 года они были гражданами Латвийской Советской Социалистической Республики ("ССР").

45. В письме от 10 сентября 2000 года заявители также утверждают, что их высылка представляла собой "коллективную высылку" в смысле статьи 4 Протокола N 4 к Конвенции.

46. Заявители утверждают, что в нарушение статьи 6 Конвенции процедуры, касающиеся рассмотрения вопроса о законности их пребывания в Латвии, были несправедливы.

47. Они также утверждают, что в нарушение статьи 13 Конвенции они не располагали эффективными средствами правовой защиты относительно определения законности их пребывания в Латвии и предотвращения их высылки.

48. Далее первый и третий заявители утверждают, что условия их содержания при задержании 29 октября 1998 года и задержание третьего заявителя 16-17 марта 1999 года представляли собой бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции.

49. Первый и третий заявители утверждают, что в нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции их задержание было произвольным и незаконным и что факт задержания не рассматривался судом.

50. В письме Суду от 10 сентября 2001 года первый и третий заявители также ссылаются на статью 2 Протокола N 4 к Конвенции, предполагая, что их задержание представляло вмешательство в свободу передвижения и что в Латвии не было адекватных средств правовой защиты относительно предполагаемого незаконного вмешательства в эту свободу.

51. Заявители также утверждают в соответствии со статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции, что в результате лишения их в Латвии правового статуса и высылки они не смогли воспользоваться приватизационной схемой относительно квартиры, которая была им предоставлена местными властями. Далее они заявляют, что после того, как они уехали из Латвии, квартира была вскрыта и некоторые из оставленных в квартире личных вещей были украдены или уничтожены властями.

52. В заключение третий заявитель утверждает в соответствии со статьей 2 Протокола N 1 к Конвенции, что два задержания: 29 октября 1998 года и 16-17 марта 1999 года, а также постоянный страх за свою свободу и личную неприкосновенность, которые явились следствием процедуры выдворения ее из Латвии, помешали ей нормально учиться в школе.

Вопросы права

53. Заявители представили многочисленные жалобы, касающиеся нарушения нескольких статей Конвенции и Протоколов к ней относительно их выдворения из Латвии и иных, связанных с этим, вопросов. Государство-ответчик оспаривает полномочие Суда рассматривать дело на том основании, что обжалуемые действия были произведены во исполнение договора, заключенного Латвией до ратификации Конвенции, соответствие которого Конвенции, как утверждают власти Латвии, не может рассматриваться Судом. В любом случае власти Латвии заявляют, что многочисленные жалобы заявителей неприемлемы. Поэтому Суд должен сначала рассмотреть вопрос о своей собственной юрисдикции (пункт 2 статьи 32 Конвенции).

I. Относительно полномочий Суда рассматривать заявление

54. Государство-ответчик считает, что Суд не имеет права рассматривать данное дело, так как оспариваемые действия были произведены во исполнение Договора между

Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода от 30 апреля 1994 года. В соответствии с утверждениями государства-ответчика последующая ратификация Латвией Конвенции и Протоколов к ней 27 июня 1997 года была основана на предположении, что Договор соответствовал Конвенции. Власти Латвии подчеркивают, что вывод иностранных вооруженных сил был абсолютно необходим для суверенитета и национальной безопасности Латвии. Поэтому обязанности Латвии по Конвенции и Протоколам к ней должны рассматриваться как ограниченные "квази-оговорками" относительно Договора.

55. В соответствии с утверждениями заявителей и третьей стороны нельзя ссылаться на Договор, чтобы оправдать любые действия, которые не соответствуют требованиям Конвенции и Протоколов к ней. Они не согласны с аргументами государства-ответчика, что Суд не имеет полномочий рассматривать дело.

56. Таким образом, Суд столкнулся со спором между сторонами относительно того, обладает ли Суд необходимыми полномочиями или нет. В соответствии с пунктом 2 статьи 32 Конвенции этот вопрос должен разрешить сам Суд.

57. В первую очередь следует отметить, что в соответствии со статьей 19 Конвенции функцией Суда является обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней. По условиям пункта 1 статьи 32 юрисдикция Суда распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в том числе и через частные жалобы, поданные в соответствии со статьей 34 Конвенции. В соответствии с установившейся практикой полномочия Суда по интерпретации не ограничены самими текстами Конвенции и Протоколов, но также включают в себя право толковать оговорки и иные односторонние заявления, сделанные Высокими Договаривающимися Сторонами в отношении Конвенции и Протоколов к ней (см. среди других примеров в контексте требований о применении оговорки в соответствии со статьей 57 Конвенции дело "Ешиус против Литвы" ("Jecius v. Lithuania"), N 34578/97, дд 77 - 87, ECHR 2000-IX; см. также относительно отступления от соблюдения обязательств в соответствии со статьей 15 Конвенции постановление Суда по делу "Сакик и другие против Турции" ("Sakik and Others v. Turkey") от 26 ноября 1997 года, Reports, 1997-VII, дд 34 - 39).

58. Ратифицировав 27 июня 1997 года Конвенцию и Протоколы NN 1, 4, 6 и 7 к ней, Латвия приняла на себя обязательство "обеспечить" с этой даты определенные в Конвенции и Протоколах к ней права и свободы каждому, находящемуся под их юрисдикцией (статья 1 Конвенции), ограниченные только действующими оговорками, сделанными в соответствии со статьей 57 Конвенции. При ратификации Латвия сделала оговорку в отношении статьи 1 Протокола N 1 относительно определенных законов, регулирующих право собственности, действующих тогда на ее территории. Однако Латвия не сделала никаких оговорок относительно других статей Конвенции, в частности не сделала специальной оговорки относительно вышеупомянутого российско-латвийского договора или общих положений латвийского законодательства об иммиграции и гражданстве.

59. Государство-ответчик утверждает, что оно предполагало, что на время ратификации Конвенции и Протоколов вышеупомянутый договор не противоречил требованиям Конвенции, и поэтому, несмотря на отсутствие формальной оговорки, обязанности Латвии в соответствии с Конвенцией будут ограничены "квази-оговоркой" в отношении этого Договора, таким образом препятствуя рассмотрению Судом вопроса о соответствии Конвенции любых мер, принятых во исполнение вышеупомянутого Договора.

60. Суд не разделяет эту точку зрения. Из текста пункта 1 статьи 57 Конвенции в сочетании со статьей 1 Конвенции следует, что ратификация Конвенции государством предполагает, что любой закон, действующий в тот момент на его территории, должен соответствовать Конвенции. Если же такого не произошло, то государство, которого

это касается, имеет возможность сделать оговорку в отношении определенных положений Конвенции (или Протоколов к ней), которым оно не может полностью следовать по причине продолжительного действия рассматриваемого нормативного акта. Однако не разрешаются оговорки общего характера, особенно те, которые не уточняют имеющие отношение к делу положения национального законодательства или не указывают на статьи Конвенции, которые могут быть нарушены применением этих положений. У Суда всегда сохраняется право рассмотреть, была ли подразумеваемая оговорка сделана законно в соответствии с требованиями статьи 57 Конвенции; если оговорка признается действительной, то Суд не будет иметь права рассматривать вопрос о соответствии положений законодательства, затронутых оговоркой, статьям Конвенции, относительно которых была сделана оговорка (см., в частности, упомянутое выше дело "Ешиус против Литвы").

61. Суд считает, что те же принципы должны применяться в отношении положений международных договоров, которые договаривающееся государство заключило до ратификации Конвенции и которые могут расходиться с отдельными ее положениями. Некоторые государства действительно сделали оговорки относительно обязательств по предшествующим договорам (Оговорка Австрии к статье 1 Протокола N 1 относительно положений Государственного Договора от 1955 года). В данном деле Латвия имела возможность сделать специальную оговорку в отношении Договора от 30 апреля 1994 года. Так как этого не было сделано, Суд приходит к выводу, что он полномочен рассмотреть все вопросы, которые могут возникнуть в свете Конвенции и Протоколов к ней как следствие применения положений указанного Договора в отношении обстоятельств дела заявителей.

62. Этот вывод тем более оправдан в данном деле, так как заявители утверждают, что договор, если его правильно толковать, не применим к ним. Кроме того, в то время как оспариваемые меры были действительно основаны на договоре, как это преподносится властями Латвии, их интерпретацию, очевидно, не разделяют власти Российской Федерации - другой стороны по договору (которая является третьей стороной в данном процессе). Оказывается, что в отношении заявителей Латвийские власти исполняли договор с определенной долей осмотрительности. Наконец, сам договор в статье 9 установил для Латвии требование следовать принципам международного права, чтобы защитить права лиц, которых затронуло исполнение договора. При этих обстоятельствах предположение властей Латвии, что договор не противоречил Конвенции, не может служить законным основанием для лишения Суда его функции контроля за тем, имело ли место вмешательство в права и свободы заявителей, гарантированные Конвенцией, и, если оно имело место, было ли такое вмешательство оправданным.

63. Соответственно Суд делает вывод, что обладает необходимой юрисдикцией для рассмотрения жалоб заявителей и что возражения государства-ответчика должны быть отклонены.

II. Суть жалобы второго заявителя

64. Второй заявитель предполагает, что его высылка из Латвии нарушила его право на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Конвенции) и была частью коллективной высылки, запрещенной статьей 4 Протокола N 4 к Конвенции. Заявитель далее утверждает, что эта мера была дискриминационной, в нарушение статьи 14 Конвенции, и что были нарушены как его процессуальные права, гарантированные статьями 6 и 13 Конвенции, так и его право на защиту собственности, гарантированное статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции.

65. Государство-ответчик утверждает, что второй заявитель не использовал все средства внутригосударственной правовой защиты в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 35 Конвенции, так как он не подал кассационную жалобу в Верховный Суд Латвии на решение Рижского окружного суда от 19 июня 1996 года.

66. В ответ второй заявитель утверждает, что не имел возможности адекватно обжаловать решение от 19 июня 1996 года, так как оно вступило в силу с момента

оглашения, как следует из соответствующих национальных процессуальных норм, и, следовательно, являлось окончательным. Заявитель не подавал больше жалоб в суды и покинул Латвию, так как не хотел "создавать препятствий" для пребывания своей жены в Латвии. В соответствии с утверждениями второго заявителя, выдворение его из Латвии вызвало длящееся нарушение его конвенционных прав. Российское Правительство поддерживает выводы второго заявителя.

67. Суд отмечает, что не имеет полномочий рассматривать жалобы, которые относятся к событиям, произошедшим до 27 июня 1997 года, когда для Латвии Конвенция вступила в силу.

68. Кроме того, в соответствии с условиями пункта 1 статьи 35 Конвенции Суд может рассматривать жалобы, в отношении которых были использованы все средства внутригосударственной правовой защиты и которые были поданы в течение шести месяцев с даты "окончательного" внутригосударственного решения. Только соответствующие меры должны быть использованы для этой цели (см., mutatis mutandis, дело "Сиве против Франции" ("Civet v. France") N 29340/95, 28 сентября 1999 года, д 41, ECHR 1999-VI).

69. Суд отмечает, что второй заявитель покинул территорию Латвии в неопределенный день в 1996 году, после того как Рижский окружной суд 19 июня 1996 года вынес решение не в его пользу, то есть до вступления в силу Конвенции для Латвии.

70. Кроме того, хотя очевидно, что решение от 19 июня 1996 года вступило в силу в соответствии с национальным законодательством в тот же день, не вызывает сомнений и то обстоятельство, что у второго заявителя было полное право подать кассационную жалобу в Верховный Суд Латвии и что он этого не сделал. Нет никаких указаний на то, что это средство правовой защиты могло бы в то время считаться неадекватным. Даже когда второй заявитель утверждает, что нарушение его конвенционных прав продолжалось после того, как в Латвии Конвенция вступила в силу, следует, что он не выполнил требования пункта 1 статьи 35 Конвенции об использовании всех средств внутригосударственной правовой защиты.

71. Поэтому это требование должно быть отклонено в соответствии с пунктами 1, 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Суть жалоб первого и третьего заявителей

72. Что касается жалоб первого и третьего заявителей, Суд сначала рассмотрит, подпадает ли выдворение их из Латвии под абсолютные запреты, закрепленные в статьях 3 и 4 Протокола N 4, или оно является неоправданным вмешательством в их права, гарантированные статьей 8 Конвенции, взятой отдельно или в совокупности со статьей 14 Конвенции. Затем Суд рассмотрит жалобы относительно процедуры высылки заявителей, а также в этой связи и жалобы на содержание заявителей под стражей и, наконец, жалобы на последствия высылки с позиций статей 1 и 2 Протокола N 1 к Конвенции.

A. Жалобы относительно высылки заявителей из Латвии

73. Первый и третий заявители утверждают, что имело место нарушение статьи 3 Протокола N 4 Конвенции, где закреплено, что:

"1. Никто не может быть выслан путем индивидуальных или коллективных мер с территории государства, гражданином которого он является.

2. Никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства, гражданином которого он является".

74. Государство-ответчик утверждает, что понятие "гражданство" по смыслу статьи 3 Протокола N 4 регулируется исключительно нормами национального права и что соответственно государство правомочно определять, является ли лицо гражданином этого государства или нет. Тот факт, что заявители были гражданами Латвийской ССР до распада СССР, не имеет значения, так как заявители никогда не были "гражданами" независимой Латвии. Поэтому власти Латвии считают эти требования несовместимыми с Конвенцией.

75. Первый и третий заявители указывают, что первый заявитель приехала в Латвию в очень раннем возрасте и что третий заявитель родилась там. Обе были гражданками Латвийской ССР до 1991 года, когда она была частью СССР. Они утверждают, что не жили в ином государстве и не имели гражданства другого государства. Поэтому они могут считаться "гражданами" в смысле статьи 3 Протокола N 4 к Конвенции, и их высылка нарушила эти положения.
76. Власти Российской Федерации утверждают, что первого и третьего заявителей следует считать "гражданами" Латвии с учетом истории этого государства.
77. Суд отмечает, что статья 3 Протокола N 4 гарантирует абсолютную и безусловную свободу граждан от высылки. Однако Суд считает, что для целей статьи 3 Протокола N 4 "гражданство" заявителей должно быть определено в принципе со ссылкой на национальное законодательство. "Право на гражданство", идентичное праву, закрепленному в статье 15 Всеобщей декларации прав человека, не гарантировано Конвенцией или Протоколами к ней, хотя произвольный отказ в гражданстве, при определенных условиях, может рассматриваться как вмешательство в права, гарантированные статьей 8 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, дело "Карасев и семья против Финляндии" ("Karashev and Family v. Finland") N 31414/96, 12 января 1999 года, ECHR 1999-II).
78. Законодательство Латвии не разделяет понятия "гражданство" и "национальность", и не вызывает сомнений тот факт, что первый и третий заявители не были гражданами Латвии после 27 июня 1997 года, то есть после даты, когда Конвенция вступила в силу для Латвии. Также нет никаких указаний на то, что первому и третьему заявителям необоснованно отказали в латвийском гражданстве.
79. Следовательно, первого и третьего заявителей нельзя считать "гражданами" в смысле статьи 3 Протокола N 4 к Конвенции, и в этой части заявление несовместимо с указанными положениями по принципу *ratione materiae*. Соответственно, в этой части жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.
80. В письме от 10 сентября 2000 года первый и третий заявители также утверждали, что их высылка из Латвии представляла собой "коллективную высылку" в нарушение статьи 4 Протокола N 4 Конвенции, так как им было предписано покинуть Латвию на основании Договора от 30 апреля 1994 года.
81. Государство-ответчик считает, что первого и третьего заявителей физически не высылали. В любом случае, даже если предположить, что высылка имела место, она не была "коллективной", так как дело каждого заявителя рассматривалось национальными судами отдельно.
82. Суд напоминает, что в соответствии с условиями пункта 1 статьи 35 Конвенции, он может рассматривать жалобы, в отношении которых были использованы все средства внутригосударственной правовой защиты и которые были поданы в течение шести месяцев со дня принятия "окончательного" внутригосударственного решения (см. выше параграф 68).
83. Суд отмечает, что хотя это требование было впервые представлено Суду 10 сентября 2000 года, окончательное решение, имеющее отношение к делу заявителей, было принято 29 июля 1998 года, то есть более чем на шесть месяцев раньше. В силу пунктов 1 и 4 статьи 35 Конвенции Суд не уполномочен рассматривать эту часть заявления, так как оно было подано с нарушением срока.
84. Первый и третий заявители утверждают, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции, где закреплено, что:
1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
 2. Не допускается вмешательство со стороны публичной власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

85. Государство-ответчик утверждает, что не было вмешательства в права первого и третьего заявителей на уважение их частной и семейной жизни. В любом случае, даже если предположить, что вмешательство нарушило их права, гарантированные статьей 8 Конвенции, оно соответствовало договору и латвийскому законодательству, что подтверждается решениями латвийских судов по данному делу. Как следует из части 3 статьи 2 Договора, все те, кто входил в состав Вооруженных Сил Российской Федерации на 28 января 1992 года, включая и тех, кто уволился позднее, должны были покинуть Латвию. Кроме того, настаивая на выводе иностранных военнослужащих и членов их семей из Латвии, власти стремились защитить национальную безопасность и предотвратить беспорядки и преступления. Поэтому вмешательство преследовало законные цели и было необходимо в демократическом обществе в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции.

86. Первый и третий заявителями утверждают, что на основании неправильного толкования латвийскими судами российско-латвийского договора, они были лишены правового статуса в Латвии и были вынуждены покинуть свой дом и страну, несмотря на продолжительное проживание в Латвии, в результате политических изменений, а не собственных действий.

87. В соответствии с утверждениями властей Российской Федерации высылка была несовместима с договором и латвийским законодательством, так как второй заявитель был уволен из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации 2 марта 1994 года. Договор не относился к лицам, которые были уволены из Вооруженных Сил Российской Федерации до его подписания и вступления в силу. Российские власти не указывали латвийской стороне, что второй заявитель и члены его семьи должны были быть высланы в соответствии с пунктом 5 статьи 3 Договора. Поэтому, интерпретация государством-ответчиком, что заявители должны были покинуть Латвию в соответствии с выводом войск, основанном на Договоре, была неверной. В любом случае, вмешательство в права заявителей путем из высылки не преследовало никакой законной цели в смысле пункта 2 статьи 8 Конвенции и не было необходимым в демократическом обществе.

88. Суд считает, что, учитывая замечания сторон, эта часть заявления вызывает целый комплекс вопросов, касающихся фактов и закона, решение которых должно зависеть от исследования обстоятельств дела. Поэтому эту часть заявления нельзя рассматривать как явно необоснованную в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено и других оснований для признания этой части заявления неприемлемым.

89. Первый и третий заявителями также утверждают, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции, на основании установленного законом различия в обращении с членами семей военнослужащих, которые были обязаны покинуть Латвию, и с другими русскоговорящими жителями Латвии, которые могли получить разрешение проживать в стране, как граждане бывшего СССР. В статье 14 установлено:

"Пользование правами и свободами, признанными настоящей Конвенцией, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным признакам".

90. Государство-ответчик отрицает факт разного обращения по признаку языка или этнического происхождения лиц. Оно также утверждает, что разница в установленном законом обращении с военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации и членами их семей была оправдана, так как вывод иностранных вооруженных сил и членов их семей с территории независимой Латвии был осуществлен для защиты национальной безопасности и предотвращения беспорядков и преступлений.

91. Суд считает, что эта часть заявления тесно соотносится с вышеупомянутой жалобой относительно статьи 8 Конвенции, и поэтому должна быть рассмотрена по существу. Поэтому эту часть заявления нельзя оценивать как явно необоснованную в смысле

пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено иных оснований для признания этой части заявления неприемлемой.

В. Жалобы относительно процедур, касающихся законности пребывания заявителей в Латвии

92. Первый и третий заявители утверждают, что имели место многочисленные процессуальные ошибки при рассмотрении вопроса о законности пребывания заявителей в Латвии, что, с их точки зрения, нарушало статью 6 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к данному делу, устанавливает следующее:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона".

93. Государство-ответчик возражает, указывая, что статья 6 Конвенции не применима к рассматриваемым процедурам.

94. Суд отмечает, что процедуры, касающиеся законности пребывания первого и третьего заявителя в Латвии, относились исключительно к сфере публичного права и не включали определения "гражданских" прав заявителей или "рассмотрения уголовного дела" против них (см. *mutatis mutandis*, дело Маауя против Франции" (*Maouia v. France*), N 39652/98, 5 октября 2000 года, дд 34-41, ECHR 2000-X).

95. Следовательно, статья 6 не может быть применена, и в этой части жалоба должна быть отклонена по причине несоответствия, по принципу *ratione materiae*, положениям пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

96. Первый и третий заявители также утверждают, что не имели эффективных средств правовой защиты для подтверждения законности своего пребывания в Латвии и для предупреждения своей высылки из страны, в нарушение статьи 13 Конвенции, которая устанавливает, что:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

97. Государство-ответчик считает, что не было нарушения положений этой статьи, так как дело рассматривалось национальными судами в трех инстанциях.

98. Суд в первую очередь указывает, что статья 13 может быть названа заявителями по данному делу, так как статья 1 Протокола N 7 к Конвенции, являющаяся *lex specialis* для процедур высылки, не применяется. Действительно, первый и третий заявители не могли положиться на более специальные нормы, касающиеся вышеупомянутых положений, так как они не были законными жителями Латвии. Однако у них было заявление о нарушении их конвенционных прав в результате лишения их правового статуса в Латвийской Республике. Соответственно, статья 13 Конвенции применима в данном деле.

99. Суд повторяет, что судебные процедуры составляют в принципе эффективное средство правовой защиты в смысле статьи 13 Конвенции в отношении жалоб относительно высылки и экстрадиции, если суды могут эффективно контролировать законность исполнения по независимым и процессуальным основаниям и отменять решения, если это необходимо (см. *mutatis mutandis*, дело "Хилал против Великобритании" (*Hilal v. the United Kingdom*), N 45276/99, от 6 марта 2001 года, дд 75-77, ECHR 2001).

100. Суд убежден, что национальные суды тщательно проверили жалобы первого и третьего заявителей в трех инстанциях. Не вызывает сомнений, что суды имели полномочия предоставить заявителям требуемое возмещение, что было подтверждено решением суда первой инстанции, которым были отменены административные решения против заявителей.

101. Однако эффективность средств правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции не зависит от вероятности вынесения решения в пользу истца (см. упомянутое выше дело, д 78). Тот факт, что суды в конечном счете, вынесли решение

против первого и третьего заявителей, как таковой не означает неэффективность средств правовой защиты в смысле статьи 13 Конвенции.

102. При отсутствии указаний на необоснованность внутригосударственных судебных решений суд приходит к выводу, что располагали эффективными средствами правовой защиты в отношении их жалоб, касающихся законности пребывания заявителей в Латвии.

103. Соответственно, эта часть заявления является явно необоснованной в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

С. Жалобы относительно задержания первого и третьего заявителей 29 октября 1998 года и задержания третьего заявителя 16-17 марта 1999 года

104. Первый и третий заявители утверждают, что условия задержания первого и третьего заявителей 29 октября 1998 года на один день и задержания третьего заявителя 16-17 марта 1999 года на 30 часов за невыполнение требований ордера о депортации представляли собой нарушение положений статьи 3 Конвенции:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

105. Первый и третий заявители утверждают, что пространство, вентиляция, санитарные условия и условия снабжения в центре для нелегальных иммигрантов были ниже уровня, допустимого по статье 3 Конвенции. Эта позиция поддерживается властями Российской Федерации.

106. Государство-ответчик считает, что обжалуемые условия задержания не достигали уровня жестокости, необходимого для применения статьи 3 Конвенции.

107. Суд считает, что даже если предположить, что относительно условий задержания первого и третьего заявителей им не были доступны адекватные средства правовой защиты (см. выше параграф 68; см. mutatis mutandis, решение о приемлемости по делу "Валашинас против Литвы" (Valasinas v. Lithuania) N 44558/98, 14 марта 2000 года), они не доказали, что оспариваемое обращение достигало уровня жестокости, необходимого, чтобы действия попадали в сферу действия статьи 3 Конвенции, учитывая, в частности, короткий срок заключения и отсутствие медицинских документов или других свидетельств, подтверждающих причинение страданий или вреда здоровью первому и третьему заявителям в результате обжалуемых действий (см. mutatis mutandis, дело "Валашинас против Литвы" (Valasinas v. Lithuania), N 44558/98, 24 июля 2001 года, дд 100-113, ECHR 2001). Следовательно, в любом случае эта часть заявления является явно необоснованной в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции.

108. Соответственно, эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1, 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

109. В своем письме от 10 сентября 2000 года первый и третий заявители утверждали, что вышеупомянутое задержание представляло собой неоправданное вмешательство в их право на свободу передвижения в соответствии со статьей 2 Протокола N 4 к Конвенции, и что им не были доступны адекватные средства правовой защиты относительно предположительно незаконного вмешательства в их права в соответствии с этим положением.

Статья 2 Протокола N 4 к Конвенции:

"Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора места жительства".

110. Государство-ответчик считает, что не было вмешательства в права первого и третьего заявителей, гарантированные указанными положениями.

111. Суд напоминает, что по условиям пункта 1 статьи 35 Конвенции он может рассматривать только те жалобы, в отношении которых были использованы все средства внутригосударственной правовой защиты и которые поданы в течение шести месяцев со дня вынесения "окончательного" внутригосударственного решения. Если обжалуется отсутствие эффективных средств правовой защиты против определенного

действия, которое, предположительно, нарушает Конвенцию, шесть месяцев отсчитываются с даты, когда действие было осуществлено (см. mutatis mutandis, дело "Папон против Франции" (Papon v. France, N 64666/01, 7 июня 2001 года, ECHR 2001).

112. Первый и третий заявители считают, что им не были доступны эффективные средства правовой защиты относительно предполагаемого вмешательства в их право на свободу передвижения. Однако обжалуемые обстоятельства имели место 29 октября 1998 года и с 16 на 17 марта 1999 года соответственно, в то время как это требование было представлено Суду 10 сентября 2000 года, то есть позднее, чем через шесть месяцев после рассматриваемых событий. В соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции Суд не полномочен рассматривать эту часть заявления, как поданную с нарушением срока.

113. Далее первый и третий заявители утверждают, что задержание нарушило статью 5 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к данному делу, закрепляет следующее:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, предусмотренном законом.

(...)

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче

(...)

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

(...)"

114. Государство-ответчик утверждает, что арест соответствовал положениям статьи 5 Конвенции, так как незаконность пребывания первого и третьего заявителя в Латвии была подтверждена действующими решениями национальных судов, и существовало предписание о высылке заявителей. Власти Латвии утверждают, что в соответствии с Законом Латвии "О въезде и пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства в Латвийской Республике" контроль за законностью задержания осуществляет прокурор.

115. Первый и третий заявители утверждают, что их задержание было необоснованным и незаконным и что он не мог быть и не был рассмотрен судом. Власти Российской Федерации поддерживают эту точку зрения.

116. Суд считает, что учитывая замечания сторон, эта часть заявления вызывает ряд вопросов о фактах и законе, решение которых должно зависеть от исследования обстоятельств дела. Поэтому эту часть жалобы нельзя считать необоснованной в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено иных оснований для признания этой части жалобы неприемлемой.

D. Жалобы на последствия процедур, касающихся выдворения заявителей из Латвии

117. Первый и третий заявители обжалуют нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, где установлено:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом или общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или иных сборов или штрафов".

118. Государство-ответчик утверждает, что Латвия сделала оговорку к статье 1 Протокола N 1 к Конвенции, учитывая определенные положения национального

законодательства о реституции и приватизации собственности. Власти Латвии утверждают, что в любом случае не было вмешательства в право первого и третьего заявителей на пользование "имуществом" по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

119. Первый и третий заявители утверждают, что в результате процедур, касающихся законности их пребывания в Латвии и их последующей высылки, они не смогли воспользоваться приватизационной схемой, касающейся арендованной квартиры. Они также утверждают, что после того, как они уехали из Латвии, квартира была вскрыта, и некоторые из личных вещей, оставленных в квартире, были украдены или уничтожены властями. Власти Российской Федерации поддерживают эту жалобу.

120. Суд считает, что нет необходимости определять, применима ли оговорка Латвии относительно статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции к рассматриваемым событиям, так как эта часть жалобы должна быть отклонена в любом случае по следующим причинам.

121. Суд напоминает, что Конвенция не гарантирует право на приобретение имущества как таковое. Заявитель может предполагать нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, только если оспариваемое решение имеет отношение к его/ее "имуществу" в смысле, указанном в статье. "Имущество" может означать "собственность в наличии" или активы, включая требования, на основании которых он/она могут, как минимум, "правомерно ожидать" приобретения эффективного права распоряжения собственностью. И напротив, надежда на признание права собственности, которое было невозможно эффективно использовать раньше, после вступления в силу для рассматриваемого государства Протокола N 1 к Конвенции не может считаться "имуществом" в смысле статьи 1 Протокола N 1, так же как и условное требование, являющееся результатом невыполнения установленных законом условий (см., mutatis mutandis, решение Суда по приемлемости по делу "Мальхаус против Чешской Республики" ("Malhous v. the Czech Republic"), N 33071/96, 13 декабря 2000 года, ECHR 2000-ХП).

122. Не вызывает сомнений, что первый и третий заявители не имели спорную квартиру в собственности и что у них не было личного права и они не могли требовать приватизации квартиры в соответствии с национальным законодательством, действующим на 27 июня 1997 года, когда для Латвии вступил в силу Протокол N 1. В отношении квартиры у заявителей не было достаточных для собственников полномочий, чтобы считать эту квартиру своим "имуществом" в смысле статьи 1 Протокола N 1 (см., mutatis mutandis, дело "Бейелер против Италии" ("Beyeler v. Italy"), N 33202/96, 5 января 2000 года, дд 100-105, ECHR 2000-1). Следовательно, жалобы первого и третьего заявителей на невозможность приватизации квартиры несовместимы с данным положением, так как не относятся к компетенции Суда (ratione materiae).

123. Относительно жалоб заявителей на то, что квартира была вскрыта и некоторые из оставленных вещей были украдены или уничтожены, Суд отмечает, что заявители не обжаловали эти факты в судах Латвии. Следовательно, они не использовали в этом отношении все средства внутригосударственной правовой защиты, как установлено в пункте 1 статьи 35 Конвенции.

124. Соответственно, эта часть жалобы подлежит отклонению в соответствии с пунктами 1, 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

125. Третий заявитель также утверждает, что власти также нарушили статью 2 Протокола N 1 к Конвенции, где закреплено следующее:

"Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям".

126. Государство-ответчик указывает, что третий заявитель окончила среднюю школу в 1999 года.

127. Третий заявитель утверждает, что два задержания: 29 октября 1998 года и 16-17 марта 1999 года, а также постоянный страх за свою свободу и личную

неприкосновенность, которые явились следствием процедуры выдворения ее из Латвии, помешали ей нормально учиться в школе.

128. Суд отмечает, что несмотря на то, что на имя третьего заявителя было издано предписание о депортации, ей позволили завершить среднее образование. Не было установлено, что два коротких задержания: 29 октября 1998 года и 16-17 марта 1999 года создали серьезные препятствия для возможности заявителя нормально учиться в школе или что произошло вмешательство в ее права, гарантированные статьей 2 Протокола N 1 к Конвенции.

129. Соответственно, эта часть жалобы является явно необоснованной в смысле пункта 3 статьи 35 Конвенции и поэтому должна быть отклонена по пункту 4 статьи 35 Конвенции.

По этим основаниям Суд

Единогласно постановляет, что для Суда нет препятствий к рассмотрению жалобы из-за того обстоятельства, что оспариваемые меры были приняты при исполнении Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода.

Большинством голосов объявляет неприемлемыми требования второго заявителя. Большинство объявляет приемлемыми, не рассматривая по существу требования первого и третьего заявителей по статье 5 Конвенции.

Единогласно объявляет приемлемыми, не рассматривая по существу, требования первого и третьего заявителей по статьям 8 и 14 Конвенции.

Единогласно объявляет неприемлемыми остальные требования первого и третьего заявителей.

Совершено на английском и французском языках, причем оба текста являются аутентичными.

Секретарь-канцлер Суда Пол Махони

Председатель Люциус Вильдхабер

Перевод: Ю.Берестнева, Д.Михайлиной, Е.Крючковой

Смирнова против Российской Федерации

Европейский Суд по правам человека (Третья секция) Дело Смирновой против Российской Федерации (Жалобы N 46133/99 и 48183/99)

(Страсбург, 24 июля 2003 г.)

Факты

I. Обстоятельства дела

7. Заявительницы – Елена Павловна Смирнова (далее - ЕС) и Ирина Павловна Смирнова (далее - ИС) – сестры-близнецы. Они являются гражданками Российской Федерации, 1967 года рождения, и проживают в городе Москве.

A. Уголовное преследование

Обвинения. Первое заключение ЕС под стражу.

8. 5 февраля 1993 года в отношении заявительниц было возбуждено уголовное дело по подозрению в мошенничестве при получении кредита в одном из Московских банков. Заявительницы обвинялись в том, что, действуя совместно, они получили банковский кредит под гарантию квартиры, в действительности им не принадлежавшую.

9. 26 августа (по версии заявительниц), 27 августа 1995 года (по версии властей), ЕС была арестована и заключена под стражу. Несколько дней спустя, 31 сентября 1995, ей было предъявлено обвинение в мошенничестве в крупном размере.

10. 5 сентября 1995 года расследование уголовного дела в отношении ИС было прекращено.

11. После ареста ЕС, адвокат заявительницы подал ходатайство в Суд Тверского района г. Москвы об освобождении ЕС из-под стражи. 13 сентября 1995 суд постановил, что рассмотрение ходатайства нецелесообразно в связи с тем, что стадия предварительного расследования уже завершена.

12. 26 марта 1996 следственные органы передали дело ЕС в суд Тверского района.

13. 21 марта 1997 Тверской районный суд пришел к выводу, что, несмотря на то, что доказательства, собранные против ЕС, существенны, однако они не охватывают все преступления возможно совершенные заявительницей. Суд так же решил, что уголовное преследование ИС не должно было быть прекращено, поскольку есть достаточные свидетельства о её причастности к совершению преступления. Суд отправил дело ЕС на дальнейшее расследование. Суд на

основании своего по своей инициативе возобновил уголовное дело против ИС и объединил два дела в единое производство. Суд продлил срок пребывания ЕС под стражей и постановил, что ИС должна быть немедленно арестована, как только органы милиции установят её местонахождение.

14. Обе заявительницы обжаловали решение от 21 марта 1997, однако, 23 июля 1997 Московский городской суд в удовлетворении жалоб отказал.

15. В связи с тем, что ИС продолжала скрываться от следственных органов, дело ИС было выделено в отдельное производство и расследование по нему было приостановлено. Срок пребывания ЕС под стражей был продлен.

Первое освобождение ЕС из-под стражи.

16. 9 декабря 1997 года суд Люблинского района г. Москвы, на основании предыдущего продления срока пребывания ЕС под стражей было незаконно и в связи с её слабым состоянием здоровья, постановил об освобождении ЕС из-под стражи. ЕС была освобождена под условием запрета покидать свое место постоянного проживания.

17. 15 декабря 1997 года дело ЕС во второй раз было направлено в суд Тверского района для судебного разбирательства.

Первое заключение под стражу ИС.

18. 30 марта 1999, милиция задержала и заключила под стражу ИС. Расследование её дела было возобновлено.

Второе заключение под стражу ЕС.

19. Второе слушание дела ЕС прошло в суде Тверского района 31 марта 1999. Суд постановил, что в связи с арестом ИС и наличием фактических связей между делами сестер, производство против них должно быть объединено в одно дело. Суд также отметил, что у ЕС не было достаточно времени для ознакомления с материалами обвинения перед началом судебного разбирательства. В результате, дело ЕС было соединено с делом её сестры и направлено на дальнейшее расследование.

20. В этот же день ЕС была заключена под стражу на основании тяжести выдвинутых против неё обвинений.

21. Решение от 31 марта 1999 вступило в силу 13 мая 1999 после того, как Московский городской суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы на данное решение.

Первое освобождение ИС из-под стражи.

22. 29 апреля 1999 суд Люблинского района удовлетворил ходатайство ИС об освобождении из-под стражи на основании того, что следственными органами не были представлены достаточные доказательства необходимости продления

срока задержания. Данное решение суда было обжаловано следственными органами, и 19 мая 1999 Московский городской суд жалобу удовлетворил. Однако к этому времени ИС уже была освобождена из-под стражи.

23. 20 мая 1999 суд Тверского района постановил, что для того, чтобы объединить два дела в единое производство, необходимо отправить дело ИС на дальнейшее расследование.

Второе заключение под стражу ИС.

24. 3 сентября 1999 ИС была задержана и заключена под стражу.

Второе освобождение обеих заявительниц из-под стражи.

25. В связи с завершением стадии предварительного расследования и истечением допустимого срока задержания, 2 октября 1999 ЕС была освобождена из-под стражи.

26. Вскоре после этого, 7 октября 1999, ИС была также освобождена. Обе заявительницы подписали письменное обязательство не покидать место своего постоянного проживания.

Суд разбирательство. Третье заключение заявительниц под стражу.

27. 29 октября 1999 следственные органы передали уголовное дело обеих заявительниц в суд Тверского района. 10 ноября 1999 судья, принявший дело к рассмотрению, постановил, что заявительницы в ожидании суда должны находиться под стражей в связи с тяжестью предъявленных обвинений и характера личности заявительниц.

Рассмотрение дела в Конституционном суде. Третье освобождение ИС из-под стражи.

28. 14 января 2000 Конституционный суд рассмотрел жалобу, поданную ранее ИС. Суд постановил, что статья 256 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации является неконституционной, поскольку наделяет суды правом инициировать уголовное преследование в отношении третьих лиц, не являющихся участниками первоначального разбирательства, налагать меры пресечения и отправлять дело на дальнейшее расследование. Суд признал, что право возбуждения уголовного дела судами в целом предполагает осуществление обвинительных функций в нарушение принципа разделения властей.

29. На основании решения Конституционного суда, действующий Председатель Московского городского суда подал ходатайство о пересмотре дела вышестоящей инстанцией.

30. 24 февраля 2000 дело было рассмотрено Президиумом Московского городского суда. Решения от 21 марта и 23 июля 1997 года были отменены в отношении ИС. Решение 31 марта 1999 было отменено в отношении обеих

заявительниц. Решения от 13 и 20 мая и 10 ноября также были отменены. Дело против обеих заявительниц было отправлено на дальнейшее расследование. ИС была освобождена из-под стражи, однако её сестра осталась в заключении.

Третье освобождение ЕС из-под стражи.

31. 20 марта 2000 прокурор Тверского района возобновил дело против ИС и соединил дела обеих заявительниц в единое производство.

32. 20 апреля 2000 расследование уголовного дела против обеих заявительниц было завершено. 25 апреля 2000 материалы дела и обвинительное заключение были направлены в суд Тверского района. В тот же день, ЕС была освобождена из-под стражи в связи с истечением срока задержания.

Судебное разбирательство. Четвертое заключение заявительниц под стражу. Их освобождение.

33. Рассмотрение уголовного дела заявительниц было назначено на 9 июня 2000. Однако суд не состоялся в связи с неявкой заявительниц, несмотря на то, что они были неоднократно извещены повестками.

34. Слушание дела было отложено до 22 августа 2000, однако оно опять не состоялось в связи с неявкой заявительниц.

35. В связи с тем, что заявительницы неоднократно не являлись на судебные заседания, а также не проживали по месту постоянного места жительства, 28 августа 2000 суд Тверского района вынес решение об их задержании.

36. 12 марта 2001 года заявительницы были задержаны и заключены под стражу. Слушание дела было возобновлено, и 24 сентября 2001 суд продлил срок задержания обеих заявительниц на 3 месяца.

37. 9 января 2002 суд Тверского района признал заявительниц виновными и приговорил ЕС к 8 годам заключения с конфискацией имущества, а ИС к 6 годам заключения с конфискацией имущества.

38. 9 апреля 2002 Московский городской суд отменил приговор, закрыл уголовное дело и освободил заявительниц от отбывания наказания в связи с зачетом фактического срока нахождения под стражей.

39. Заявительницы были освобождены из-под стражи в зале суда.

В. Рассмотрение вопроса, связанного с паспортом ЕС

40. При проведении ареста ЕС, следственными органами у неё был изъят внутренний общегражданский паспорт. Паспорт вместе с материалами дела находился в суде Тверского района. ЕС было предпринято несколько безрезультатных попыток получить паспорт обратно путем подачи жалоб в судебные органы и органы прокуратуры различных инстанций.

41. Отсутствие паспорта серьезным образом затрудняло повседневную жизнь ЕС. В декабре 1997 и апреле 1998 Московской службой социального обеспечения, а также одной из юридических фирм заявительнице было отказано в приеме на работу на основании отсутствия у неё паспорта. В декабре Московская больница проинформировала ЕС, что бесплатная медицинская помощь может быть ей оказана только в случае предоставления страхового сертификата и её паспорта. По этой же причине, в апреле 1998 московская телефонная компания отказалась установить телефон в квартире ЕС. 2 июня 1998 Московская городская нотариальная контора разъяснила ЕС, что, если она желает совершить нотариальные действия, ей необходимо предоставить документы, подтверждающие личность, например паспорт. 10 марта 1998 ЕС было отказано в регистрации брака. 19 марта 1999 она была остановлена органами милиции для проверки документов. В связи с тем, что она не могла предоставить паспорт, ЕС была доставлена в милицейский участок и была вынуждена заплатить административный штраф.

42. 29 апреля 1998 прокуратура г. Москвы ходатайствовала в суд Тверского района о возвращении паспорта ЕС.

43. В неуказанный день Председатель суда Тверского района уведомил ЕС, что она может воспользоваться паспортом для определенных целей. Однако сам документ должен оставаться в материалах дела, поскольку в противном случае правоохранительные органы не смогут отличить ЕС от её сестры-близнеца, которая на тот момент продолжала скрываться.

44. 29 июня 1998 Председатель суда Тверского района подтвердил, что паспорт должен оставаться в материалах дела.

45. 31 марта 1999 наряд милиции прибыл на квартиру заявительниц для сопровождения ЕС на судебное заседание. Обе заявительницы находились дома. Сконфуженные их почти идентичной внешностью, милиционеры потребовали заявительниц предоставить документы, удостоверяющие их личность. Получив отказ, и располагая сведениями о том, что ЕС находится в розыске, милиционеры задержали и доставили обе заявительницы в отделение милиции.

46. 6 октября 1999, следователь по делу ЕС вернул ей паспорт.

В. Правовые нормы, касающиеся обращения общегражданского паспорта

Статья 1 Правил, касающихся паспорта гражданина Российской Федерации, утвержденные указом Правительства Российской Федерации № 828 от 8 июля 1997 предусматривает, что гражданский паспорт является основным документом, удостоверяющим личность гражданина на территории Российской Федерации.

В соответствии с разделом 5, в паспорте должна содержаться информация о месте проживания гражданина, отметка о прохождении воинской службы, семейном положении, о наличии несовершеннолетних детей, отметка о выдаче каких либо других документов, удостоверяющих личность.

Статья 21 предусматривает, что паспорта осужденных лиц или лиц, находящихся под стражей, должны быть изъяты следственными органами или судом и находиться в материалах уголовного дела. В случае освобождения лица, паспорт должен быть возвращен.

Статья 178 Кодекса об административных правонарушениях устанавливает, что пребывание без действительного паспорта или вида на жительство наказывается официальным предупреждением или штрафом.

Указ правительства г. Москвы № 713 от 17 июля 1995, касающийся правил регистрации и проживания, устанавливает штраф в размере до пяти минимальных заработных плат, в случае проживания без прописки или отметки о регистрации; и штраф до пятидесяти минимальных заработных плат в случае повторного нарушения.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции

47. Статья 5 Конвенции, в части касающейся данной жалобы, предусматривает:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

....

(с) законный арест или задержание лица, произведенные в целях передачи его компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо для предотвращения совершения им правонарушения или, чтобы помешать ему скрыться после его совершения;

....

3. Каждое арестованное или задержанное в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 данной статьи лицо ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд.

В. Оценка суда

1. Принципы, подлежащие применению

56. Статья 5 § 1 (с) Конвенции должна рассматриваться в совокупности со статьей 5 § 3, составляющие вместе одно единое целое (см. Сиула (Ciulla) против Италии, решение от 22 февраля 1989, серия А, № 148, § 38).

57. При оценке продолжительности срока содержания под стражей после даты вступления в силу Конвенции, суд принимает во внимание стадию процесса, на которой рассмотрение дела было прекращено. Для этого суд может также

рассмотреть предшествующий период нахождения под стражей (см. Вентура против Италии, № 7438/76, решение Комиссии от 9 марта 1978 года, с. 38).

58. Лицо, обвиняемое в преступлении, должно быть всегда освобождено из-под стражи на время ожидания суда, до тех пор пока государство не предоставит соответствующих и достаточных доказательств необходимости продления срока пребывания под стражей. (см. Вемхольф (Wemhoff) против Германии, решение от 27 июня 1968, серия А, № 7, сс. 24-25, § 12; Йагси (Yagci) и Саргин (Sargin) против Турции, решение от 8 июня 1995, серия А № 319-А, стр. 24-25, § 52).

59. В процессе применения Конвенции судебной практикой были разработаны четыре главных основания в отказе отпуска под залог: риск неявки обвиняемого в суд (см. решение по делу Штогмулер (Stogmuller) против Австрии, решение от 10 ноября 1969, серия А № 9, § 15); опасение, что, в случае освобождения, обвиняемый может предпринять действия препятствующие осуществлению правосудия (см. цитированное выше дело Вемхольфа, § 14); необходимость предотвратить совершение обвиняемым новых преступлений. (см. Matznetter против Австрии, решение от 10 ноября 1969, серия А № 10, § 9), или риск нарушения публичного порядка (см. Летельер (Letellier) против Франции, решение от 26 июня 1991, серия А № 207, § 51).

60. Опасность уклонения от правосудия не может измеряться только в зависимости от суровости возможного наказания; она должна определяться с учетом ряда других релевантных факторов, которые могут либо подтвердить существование опасности уклонения от правосудия, либо сделать ее настолько незначительной, что это не может служить оправданием содержания под стражей. При этом необходимо учесть характер обвиняемого, его моральные качества, его финансовые средства, связи с государством, в котором он преследовался по закону, и его международные контакты. (см. решение по делу W против Швейцарии, решение от 26 января 1993 года, серия А № 254-А, § 33).

61. Разумное время пребывания под стражей не может быть определено *in abstractio*. Разумный срок содержания обвиняемого в заключении должен определяться в каждом деле в соответствии с его специфическими чертами. Непрерывное содержание под стражей может быть оправданно, только если в деле есть конкретные указания на то, что требование защиты публичного интереса, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает требование уважения личной свободы. (см. цитированное выше решение по делу W против Швейцарии, § 30).

62. Национальные судебные власти призваны, в первую очередь, следить за тем, чтобы в каждом конкретном случае длительность предварительного заключения обвиняемого не превышала разумных пределов. С этой целью они должны рассматривать все обстоятельства, позволяющие подтвердить наличие публичного интереса, который с учетом презумпции невиновности оправдывал бы исключения из общей нормы уважения свободы личности, и учитывать их в своих решениях, принимаемых по просьбам об освобождении. Именно на основании мотивов, содержащихся в вышеназванных решениях, а также мотивов, указанных заявителем в его обращениях, Суд и будет определять,

имело ли место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции (см. цитированное выше решение по делу Летельер, § 35).

63. Аргументы, приведенные в обоснование продолжения заключения либо об освобождении из-под стражи, не должны быть «общими и абстрактными». (см. решение по делу Клоот против Бельгии от 12 декабря 1991 г. Серия А, № 225, § 44).

64. В случае освобождения обвиняемого на время ожидания суда его дело должно быть расследовано компетентными органами с должной тщательностью (см. цитированное выше решение по делу Мацнеттера, § 12).

2. Применение правовых норм к обстоятельствам настоящего дела.

65. Суд отметил, что освобождение обвиняемых от необходимости отбывать наказание, не лишает их статуса жертвы предполагаемых нарушений Конвенции, поскольку данные нарушения не были признаны государством (см. Далбан против Румынии, решение от 28 сентября 1999, Сборник решений Европейского суда по правам человека 1999-VI, § 44).

66. Суду необходимо теперь определить подлежащий рассмотрению период пребывания заявителя под стражей. ЕС была заключена под стражу четыре раза: с 26 августа 1995 по 9 декабря 1997; с 31 марта по 2 октября 1999; с 10 ноября 1999 по 25 апреля 2000; и с 12 марта 2001 по 9 апреля 2002. В сумме срок задержания длился 4 года, 3 месяца и 29 дней. Принимая во внимание, что Конвенция вступила в силу для Российской Федерации с 5 мая 1998, только период в 2 года и 15 дней попадает под *ratione temporis* юрисдикции суда.

ИС также находилась под стражей четыре раза: с 30 марта по 29 апреля 1999; с 3 сентября по 7 октября 1999; с 10 ноября 1999 по 24 февраля 2000; и с 12 марта 2001 по 9 апреля 2002. В сумме это составляет 1 год, 6 месяцев и 16 дней.

67. В большинстве случаев, связанных со статьей 5 § 3 суду приходилось иметь дело с ситуациями, когда государственные органы отказывали в течение долгого непрерывного периода времени освободить подозреваемого из-под стражи. Данное дело отличается тем, что, во-первых, суду приходится оценивать законность срока содержания под стражей как такового; и, во-вторых, рассматривать вопрос о соответствии повторности заключения под стражу требованиям статьи 5 § 3.

68. Период времени, проведенный заявителями под стражей, является значительно долгим. Тем не менее, это не означает, что суд не может при определенных обстоятельствах признать необходимость такой меры.

69. Однако для того чтобы прийти к такому заключению, суду в первую очередь необходимо проанализировать основания, представленные государственными

органами для обоснования задержания. В настоящем деле данные основания представляются недостаточными.

70. В действительности мотивы, послужившие обоснованием для задержания заявительниц, представляются суду недостаточными и не охватывают истинное положение дел. Единственным мотивом в принятии решения судом Тверского района о заключении ЕС под стражу 31 марта 1999 года было серьезность выдвинутых против заявительницы обвинений. Решение от 10 ноября 1999 относится к личностным характеристикам заявительницы, при этом, однако, не уточняя, что под этим подразумевается и почему оно достаточное основание для заключения под стражу. Аналогичным образом, суд Тверского района постановил о задержании заявительниц только на основании факта их неоднократной неявки в суд без указания конкретных деталей и, не рассматривая вопрос об альтернативной мере пресечения.

71. Другими словами, повторное заключение заявительниц под стражу в период предварительного следствия является нарушением статьи 5 §§ 1 и 3 на основании необоснованности послуживших этому мотивов.

II Предположительное нарушение статьи 6 § 1 Конвенции

72. Заявительницы также жалуются на длительность разбирательства их дела, ссылаясь на статью 6 § 1 Конвенции, которая, в соответствующей части, предусматривает нижеследующее:

“При рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного лицу, каждый имеет право ... на разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом ...”

В. Оценка суда

1. Принципы, подлежащие применению

80. При оценке продолжительности разбирательства после даты вступления в силу Конвенции, суд принимает во внимание стадию процесса, на которой рассмотрение дела было прекращено. Для этого суд может также рассмотреть период, предшествующий дате вступления Конвенции в силу (см. цитированное выше решение по делу Вентура).

81. Время, в течение которого заявитель скрывался от правосудия, должно быть вычтено из периода, подлежащего рассмотрению судом. (см. Гиrolами (Girolami) против Италии, решение от 19 февраля 1991 года, серия А, № 196-И, §13).

82. Разумность срока разбирательства оценивается в каждом случае в зависимости от конкретных обстоятельств и с учетом критериев, сложившихся в практике Суда, в частности принимается во внимание сложность дела, поведение заявителя и соответствующих властей (см. решение по делу Кемаше (Kemache) против Франции, решение от 27 ноября 1991 г. Серия А, № 218, § 60).

83. В случае если лицо в период ожидания предъявления обвинений находилось под стражей, то при оценке разумности срока разбирательства должен анализироваться факт его заключения под стражу (см. Адоэлла (Abdoella) против Нидерландов, решение от 25 ноября 1992 года, Серия А, № 248-А, § 24).

2. Применение правовых норм к обстоятельствам настоящего дела.

84. Прежде всего, суду необходимо определить отрезок временные рамки, которые подлежат рассмотрению.

Уголовное преследование ЕС началось 5 февраля 1993 в тот момент, когда государственными органами было инициировано расследование деятельности заявительницы. Уголовное преследование было прекращено 9 апреля 2002 года после вынесения решения Московским городским судом по кассационной жалобе заявительниц. В сумме, уголовное преследование длилось 9 лет, 2 месяца и 4 дня. Из этого периода только 3 года, 11 месяцев и 4 дня подпадают под юрисдикцию суда *ratione temporis*. Временной отрезок с 28 августа 2000 и по 12 марта 2001 (6 месяцев и 15 дней) должен быть исключен из периода, подлежащего рассмотрению судом, поскольку в то время ЕС находилась на свободе. Таким образом, период, подлежащий рассмотрению, составляет 3 года, 4 месяцев и 19 дня.

Уголовное преследование ИС также началось 5 февраля 1993. Расследование дела было прекращено 5 сентября 1995 года и вновь возобновлено 21 марта 1997. 24 февраля 2000 дело было закрыто во второй раз, и во второй раз возобновлено 20 марта 2000. Окончательно уголовное преследование было прекращено 9 апреля 2002 года после вынесения решения Московским городским судом по кассационной жалобе заявительниц. Общий срок уголовного преследования составлял 7 лет, 6 месяцев и 23 дня. Из этого периода только 3 года, 10 месяцев и 9 дней подпадают под юрисдикцию суда *ratione temporis*. Более того, поскольку с 21 марта 1997 по 30 марта 1999 года и с 28 августа по 12 марта 2001 ИС находилась на свободе, данный период времени должен быть исключен из общего срока рассмотрения. Таким образом, период, подлежащий рассмотрению, составляет 2 года, 5 месяцев и 27 дней.

85. Суд признает, что характер предъявленных обвинений заявительницам не представляли особой сложности, чтобы этим можно было оправдать проволочки в производстве. По мнению суда, расследование преступления, инкриминировавшегося заявительницам, мошенничество с банковским кредитом и незаконное присвоение чужого имущества, при исполнении надлежащим образом не должно было длиться несколько лет.

86. Что касается поведения заявительниц, суд признает, что, скрываясь несколько месяцев от следственных органов, заявительницы тем самым не способствовали скорейшему осуществлению юрисдикции. Более того, десятки жалоб, поданные заявительницами, даже будучи хорошо мотивированными,

могли привести к тому, что вместо того, чтобы полностью сосредоточиться на главной проблеме, суду приходилось тратить некоторое время на рассмотрение жалоб.

87. Касательно поведения властей, суд пришел к выводу, что наблюдались значительные периоды бездействия со стороны правоохранительных органов без видимого обоснования. Предварительное расследование длилось с февраля 1993 по март 1996. Первое судебное рассмотрение дела прошло 21 марта 1997, почти год спустя год с момента окончания следствия. Второе слушание прошло 31 марта 1999, два года спустя первое. Окончательное судебное слушание имело место 9 января 2002, почти три года с момента второго разбирательства. Решение Конституционного суда, с одной стороны, признало неправомерность обвинений против ИС, однако с другой привели к еще большему затягиванию процесса. Более того, вынося слабо мотивированные частые решения то, о заключении то, об освобождении из-под стражи, суд тем самым вызвал чувство недоверия заявительниц в правосудие и тем самым косвенно способствовал их решению скрываться от властей.

88. Таким образом, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, суд пришел к выводу, что продолжительность уголовного разбирательства превысила "разумный срок". Из этого следует, что статья 6 § 1 была нарушена.

III. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

89. ЕС утверждает, что изъятие её паспорта, документа, важно необходимого для повседневной жизни, составляет нарушение статьи 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции.

2. Вмешательство публичной власти в осуществление этого права не допускается, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц».

1. Рассмотрение вопроса о применении статьи 8 в данном деле.

95. Суд неоднократно выносил решения о том, что термин «частная жизнь» должен пониматься более широко и не подлежит в узкому толковании (см. недавние решения Пек (Реск) против Соединенного Королевства, № 44647/98, § 57, ЕСПЧ 2003-...). Тем не менее, суд отметил, что данная статья охватывает физическую и моральную стороны жизни индивида (см. X и Y против Нидерландов), включая право на частную жизнь без не желаемого вмешательства. Она также охраняет сферу частной жизни индивида, необходимой для свободно развития и реализации личности. (см. Врюгеман и Шетен (Bruggeman and Scheuten) против Германии, № 6959/75, решение Комиссии от 12 июля 1977 года, CP 10, стр. 115, § 55)

96. Суд отмечает, что паспорт ЕС был изъят 26 августа 1995 и возвращен 6 октября 1999. ЕС не указала ни одного конкретного случая после 5 мая 1998 года – дата вступления в силу Конвенции в отношении Российской Федерации – который мог бы свидетельствовать о предполагаемом нарушении её права на частную жизнь. Однако характер вмешательства в частную жизнь ЕС специфичен в том смысле, что вмешательство являлось следствием не одного спонтанного действия, а целой серии ежедневных неудобств, в целом длившихся до 6 октября 1999. Таким образом, суд имеет юрисдикцию на рассмотрение данного вопроса, по крайней мере, в период, следующий после 5 мая 1998 года.

97. Суд пришел к выводу, что паспорт является документом первостепенной важности для повседневной жизни российских граждан. Представление паспорта необходимо для совершения целого ряда действий – даже таких простых как, обмен валюты или покупка железнодорожных билетов. Наличие внутреннего паспорта обязательно для осуществления таких важных целей как прием на работу и получение медицинской помощи. Таким образом, лишение паспорта является длящимся вмешательством в частную жизнь заявительницы. (см. *mutatis mutandis*, Кристин Гудвин против Соединенного Королевства, № 28957/95, § 77, ЕСПЧ 2002 - VI)

2. Было ли вмешательство "предусмотрено законом"

98. Основной вопрос заключается в том, было ли данное вмешательство допустимым по смыслу статьи 8 § 2, в частности было ли это «предусмотрено законом» и было ли «необходимо в демократическом обществе» для достижения целей, перечисленных в статье 8.

99. Суд напоминает, что формулировка «в соответствии с законом» предполагает, прежде всего, что оспариваемое действие должно иметь основание в национальном праве. (см. Малон против соединенного Королевства, решение от 2 августа 1984, серия А, № 82, §§ 66).

100. Власти не предоставили никаких доказательств, что изъятие и хранение паспорта ЕС после её освобождения, имело хоть какие либо юридические основания. Таким образом, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 8.

По этим основаниям суд единогласно

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 5 §§ 1 и 3 Конвенции в отношении обеих заявительниц;

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в отношении обеих заявительниц;

3. Постановил, что была нарушена статья 8 Конвенции в отношении первой заявительницы;

4. Постановил,

(a) государство-ответчик в трехмесячный срок со дня вступления решения в силу, в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции должно выплатить следующие суммы:

(i) первой заявительнице – 3.500 евро (три тысячи пятьсот евро) в качестве справедливой компенсации;

(ii) второй заявительнице – 2.000 евро (две тысячи евро) в качестве справедливой компенсации;

(iii) обеим заявительницам – 1.000 евро (тысячу евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(b) простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

5. Отклонил остальные требования заявителец о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и письменные уведомления направлены 24 июля 2003. в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Георг Ресс – Председатель секции

Венсан Бергер - Секретарь секции

Тимофеев против Российской Федерации

(Жалоба N 58263/00)

(Страсбург, 7 мая 2002 г.)

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой (N 58263/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Николаем Васильевичем Тимофеевым (далее - заявитель) 17 марта 2000 г.

2. Власти Российской Федерации (далее - власти) были представлены в Суде Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А.Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, в частности, что неисполнение вступившего в законную силу решения суда, вынесенного в его пользу, является нарушением Конвенции.

4. Жалоба была передана во Вторую секцию Суда (правило 52 § 1 Регламента Суда). Палата в составе указанной Секции, рассматривавшая данное дело (статья 27 § 1 Конвенции), была сформирована в соответствии с Правилем 26 § 1 Регламента Суда.

5. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав секции (Правило 25 § 1 Регламента Суда). Дело было передано на рассмотрении в вновь сформированную Третью секцию (Правило 25 § 1 Регламента Суда).

6. Своим решением от 5 сентября 2002 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1948 году и проживает в городе Орске.

1. Преследование со стороны советских властей (режима) и последующая реабилитация.

8. В 1981 против заявителя были выдвинуты уголовные обвинения в распространении антисоветской пропаганды. 30 июля 1982 года органы милиции произвели обыск в доме заявителя, в ходе которого были изъяты некоторые предметы – радио, аудиокассеты, книги, обрывки газет и рукописей – которые, как утверждалось, могли быть использованы в процессе его незаконной деятельности

9. 30 июля 1982 года Оренбургский областной суд признал заявителя невиновным на основании его невменяемости и постановил о помещении заявителя в психиатрический стационар.

10. 23 апреля 1986 года суд Октябрьского района города Орска заключил, что психическое состояние заявителя улучшилось, и постановил об его освобождении.

11. 15 сентября 1992 года Оренбургская областная прокуратура вынесла заключение, в котором признала, что преследование заявителя со стороны государства было незаконным. Заявитель был полностью восстановлен в своих правах.

2. Требование о выплате компенсации и об исполнении решения.

12. В период с 1995 по 1997 год заявитель предпринял несколько неудачных попыток вернуть себе имущество, которое было изъято в 1981 году. Его обращения в органы прокуратуры и организации, в которых это имущество находилось, были отклонены.

13. 28 июня 1996 года заявитель подал иск о возврате имущества против Оренбургской областной прокуратуры и городского комитета добровольного общества помощи армии, военно-воздушным силам и морскому флоту г. Орска. Он также подал иск против Орского городского совета о выплате компенсации.

14. 22 июля 1998 года суд Ленинского района города Орска частично удовлетворил жалобу заявителя и обязал Управление федерального казначейства выплатить заявителю компенсацию в размере 2.570,92

российских рублей и 200 российских рублей для покрытия судебных расходов. Решение было обжаловано, однако оставлено без изменений Коллегией по гражданским делам Оренбургского областного суда 8 декабря 1998 года.

15. 5 февраля 1999 года заявитель предъявил исполнительный лист, выданный на основании решения от 22 июля 1998 года, в секретариат суда Октябрьского района.

16. Заявитель не был уведомлен в надлежащее время было ли начато исполнительное производство, или какие действия были предприняты в связи с исполнением решения. По этим причинам заявитель подал иск против судебного исполнителя. 14 мая 1999 года суд Октябрьского района вынес решение в пользу заявителя, признав, что действия судебного исполнителя были незаконны. Заявитель был также уведомлен, что ответственность по исполнению решения перешла к другой службе исполнительных приставов, а именно службе исполнительных приставов Ленинского района г. Оренбурга.

17. 25 мая 1999 года суд Ленинского района вынес определение касательно того, как должно быть исполнено его решение от 22 июля 1998 года. В частности, было указано, что, несмотря на то, что ответчиком по делу являлось Министерство финансов, компенсация должна быть взыскана с управления казначейства (отдела, ответственного за расходы министерства). Заявитель обжаловал данное определение, указав что, для упрощения процедуры исполнения в резолютивной части решения необходимо указать детали банковского счета ответчика. Жалоба была отклонена 8 июля 1999 года.

18. В связи с тем, что не наблюдалось никакого движения по делу об исполнении, в точно не установленный день заявитель подал жалобу против судебного исполнителя в связи с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей. 28 июля 1999 года суд Ленинского района г. Оренбурга рассмотрел и отклонил жалобу. Суд постановил, что судебный исполнитель приостановил исполнительное производство на законном основании в связи с тем, что прокурором Оренбургской области была начата процедура пересмотра решения от 22 июля 1998 года. Суд указал, что в соответствии с внутренним законодательством, исполнительное производство может быть приостановлено в случае пересмотра решения вышестоящими инстанциями. Заявитель подал жалобу на данное решение, однако 23 сентября 1999 года она была отклонена областным судом.

19. 3 февраля 2000 судебный исполнитель предпринял попытку наложить арест на счета Управления Федерального казначейства. Данные действия судебного исполнителя были обжалованы Управлением в суд. Жалоба была удовлетворена судом Центрального района г. Оренбурга 23 марта 2000 года. Суд пришел к мнению, что наложение ареста на денежные средства Управления является незаконным. В соответствии с определением, вынесенным 25 мая 1999 года касающегося исполнения решения, взыскание исполнения должно быть наложено на Управление казначейства Российской Федерации. Заявитель не получил никакого извещения о слушании и не был уведомлен о данном разбирательстве. По этим причинам решение от 23 марта было отменено и дело было направлено на новое рассмотрение.

20. 9 февраля 2000 суд Ленинского района отказал в удовлетворении жалобы заявителя об изменении способа исполнения решения. Его жалоба на данное решение была также отклонена 21 марта 2000.

21. 10 и 21 февраля 2000 судебный исполнитель приостановил исполнительное производство в связи с подачей Управлением казначейства жалобы с просьбой о вышестоящем пересмотре решения от 22 июля 1998 года.

22. В марте 2000 года заявитель узнал, что Председатель областного суда приостановил исполнительное производство в связи с рассмотрением дела о пересмотре решения от 22 июля 1998 года. Заявитель подал жалобу на данное решение Председателя суда, однако она была отклонена 12 апреля 2000 года судом Советского района г. Орска как неприемлемая для судебного пересмотра. Заявитель был в последствие извещен об окончании приостановления исполнительного производства.

23. 27 сентября 2000 Главный судебный исполнитель службы исполнительных приставов Ленинского района решил, что исполнительное производство должно быть прекращено в связи с невозможностью установить должным образом наименование должника. Заявитель успешно обжаловал данное решение: 16 ноября 2000 года суд Центрального района города Оренбурга признал, что главный судебный пристав, приняв решение о прекращении исполнительного производства, тем самым превысила свои служебные полномочия.

24. 30 ноября 2000 судебный исполнитель, ответственная за рассмотрение дела заявителя, отменила свое решение от 9 апреля 1999 о начале исполнительного производства, в связи с что исполнительный лист не содержал должных сведений о наименовании должника и его адреса. Заявитель успешно обжаловал данное решение в суд Центрального района: 1 марта 2001 года суд обязал судебного исполнителя возобновить производство по исполнению решения.

25. 14 декабря 2000 этот же суд вынес решение, что приостановление исполнительного производства в ожидании результата вышестоящего пересмотра было незаконно, и обязал судебного пристава продолжать исполнение решения.

26. 21 марта 2001 судебный пристав обратился в суд Ленинского района с просьбой разъяснить каким образом решение должно быть исполнено, какие правовые нормы подлежат применению и на какие счета какого отдела казначейства должно быть наложено взыскание. Суд отказал в вынесении такого определения, сославшись на достаточность информации, содержащийся в исполнительном листе, а также на то, что суд неуполномочен давать разъяснения исполнителю на счет возможных способов исполнения решения.

27. 4 апреля 2001 года действующий прокурор Оренбургской области принес протест о пересмотре решения от 22 июля 1998 года на основании того, что решение о компенсации было вынесено против региональных властей, а не против управления казначейства. 16 апреля 2001 Президиум суда Оренбургской

области удовлетворил протест прокурора и отменил решение от 22 июля 1998 года и 8 декабря 1998 года. Дело было отправлено на новое рассмотрение.

28. 15 мая 2001 года суд Центрального района города Оренбурга отказал в удовлетворении ходатайства управления казначейства об освобождении из-под ареста его счетов. Вместо этого, суд постановил, что исполнительное производство должно быть прекращено в связи с тем, что 16 апреля 2001 года решения, на основании которых был выдан исполнительный документ, были отменены.

29. 29 июня 2001 года суд Ленинского района вынес новое решение по делу. Заявителю была присуждена выплата компенсации ущерба в размере 2,869.50 российских рублей и 1000 российских рублей для покрытия судебных расходов. Денежные суммы должны были быть взысканы с финансового отдела Орского городского совета. Требования о возврате имущества и о покрытии морального ущерба были отклонены. Жалоба заявителя на данное решение была отклонена судом Оренбургской области 14 августа 2001 года.

30. 18 декабря 2001 года судебный исполнитель прекратил исполнительное производство в связи с переводом соответствующих денежных сумм на счет банка заявителя 30 ноября 2001 года. Заявитель однако утверждал, что он не получал никаких денежных сумм. 15 февраля 2002 года суд Ленинского района признал, что нет достаточных доказательств полагать, что соответствующие денежные суммы были выплачены заявителю и отменил решение судебного исполнителя о прекращении исполнительного производства.

31. В письме от 31 октября 2002 года власти уведомили суд, что компенсация, присужденная на основе решения от 29 июня 2001 года, была выплачена заявителю 30 ноября 2001 года.

32. В письме от 18 октября 2002 года заявитель проинформировал суд, что никакие денежные суммы им получены не были.

II. Соответствующие внутригосударственные нормы права

33. Статья 9 Федерального закона "Об исполнительном производстве" от 21 июля 1997 г. предусматривает, что в постановлении судебного пристава о возбуждении исполнительного производства должен быть установлен срок для добровольного исполнения ответчиком содержащихся в исполнительном листе требований. Такой срок не может превышать 5 дней. Судебный пристав также обязан уведомить ответчика, что, в случае неисполнения содержащихся в исполнительном листе требований в указанный срок, последует принудительное исполнение.

34. В соответствии со статьей 13 указанного Федерального закона исполнительное производство должно быть завершено в двухмесячный срок с момента получения судебным приставом исполнительного листа.

ПРАВО

I. Статус жертвы

35. Перед тем как обратиться к рассмотрению жалобы по существу, суду необходимо установить, является и если является, то да какого момента времени, заявитель жертвой предполагаемых нарушений Конвенции.

36. Суд также напоминает, что решение или мера, принимаемые в пользу заявителя, в принципе не являются достаточными для того, чтобы лишать его статуса "жертвы", пока национальные власти не признают, прямо или по сути, факт нарушения Конвенции и не предоставят соответствующую компенсацию (см. решение по делу Бурдов против Российской Федерации, № 589498/00, § 31, ЕСПЧ 2002-III).

37. В соответствии со сведениями, представленными властями, – однако, оспариваемым заявителем – власти выплатили заявителю денежные суммы, присужденные ему по решению от 28 июня 2001 года. Однако даже, если заявитель в действительности получил данные суммы, это не лишает его статуса жертвы, поскольку решение не было исполнено с момента, когда исполнительное производство могло быть инициировано.

38. Учитывая данные обстоятельства, Суд полагает, что заявитель все еще может утверждать, что он является жертвой нарушения статьи 6 § 1 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 § 1 Конвенции

39. Статья 6 § 1 Конвенции, в части относящейся к настоящему делу, предусматривает:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом ...".

40. Суд вновь напоминает, что статья 6 § 1 Конвенции закрепляет за каждым право обращаться в суд в случае любого спора о его гражданских правах и обязанностях; таким образом, она включает в себе "право на суд", одним из аспектов которого является право на доступ к правосудию, представляющее собой право возбуждать исковое производство в судах по вопросам гражданско-правового характера. Однако такое право было бы иллюзорным, если бы правовая система государства-участника Европейской Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы недействующим в отношении одной стороны в ущерб ее интересам. Немыслимо, что пункт 1 Статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон - справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство - не предусматривал бы защиты процесса исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства вероятней всего привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, который государства-участники Европейской Конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию.

Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как составляющая "судебного разбирательства" по смыслу Статьи 6 Конвенции (см. цитированное выше решение по делу Бурдова, § 34).

41. Суд указывает, что решение от 22 июля 1998 года, вступившее в силу 8 декабря 1998 года, оставалось неисполненным, по меньшей мере, до 30 ноября 2001 года, что составляет практически три года.

42. Предполагается, что задержка исполнения судебного решения была вызвана незаконными действиями судебного исполнителя, многочисленными фактами (случаями) приостановления исполнительного производства в связи с пересмотром решения вышестоящими инстанциями и, наконец, неясностью самого судебного решения. Однако суд полагает, что заявитель не должен расплачиваться (нести ответственность) за ошибки властей. (см. с некоторыми изменениями цитированное выше решение по делу Бурдова, § 35).

Суд находит неприемлемым факт неисполнения судебного решения, вынесенного против органов государства, в течение такого долгого времени.

43. Соответственно имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции

44. Статья 1 Протокола N 1 предусматривает:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

45. Суд вновь напоминает, что "требование" может пониматься как "собственность" по смыслу Статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано (см. цитированное выше решение по делу Бурдова, § 40).

46. Решение суда Ленинского района города Орска от 22 июля 1998 вступило в силу 8 декабря 1998 года. Однако в пользу заявителя не были взысканы соответствующие суммы с органов государства ни с момента, когда решение могло быть исполнено, ни в течение периода, установленного в национальном праве.

47. Не исполнив решения суда Ленинского района города Орска, власти государства-ответчика тем самым лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти

государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя.

48. Таким образом, в данном случае имело место также нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

49. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

50. Суд обращает внимание на то, что в соответствии с правилом 60 Регламента Суда любое требование о выплате справедливой компенсации представляется в подробном перечне по пунктам с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, "в противном случае Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично".

51. Что касается данного дела, то 16 сентября 2002 года, после того как жалоба была признана приемлемой, заявителю было предложено представить в свои требования в отношении выплаты справедливой компенсации. Заявитель не представил никаких подобных требований в предусмотренный срок.

52. В виду данных обстоятельств, суд не присуждает никакой компенсации на основании статьи 41.

На основании вышеизложенного Суд единогласно

1. Постановил, что заявитель может утверждать, что он является "жертвой" по смыслу статьи 34 Конвенции;

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции;

3. Постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Совершено на английском языке, письменные уведомления направлены 23 октября 2003 г. в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Георг Ресс – Председатель секции

Венсан Бергер - Секретарь секции

Чахал (Chahal) против Соединенного Королевства

Судебное решение от 15 ноября 1996 г.

Краткое неофициальное изложение обстоятельств дела

А. Основные факты

Заявители - Карамджит Сингх Чахал и его жена Даршан Каур Чахал, граждане Индии, и двое их детей, Киранприит Каур Чахал и Бикарамджит Сингх Чахал, британские подданные. Все заявители по национальности сикхи.

Первый заявитель незаконно прибыл в Соединенное Королевство в 1971 г. В 1974 г., в соответствии с условиями амнистии по отношению к лицам, незаконно въехавшим в страну, он получил разрешение Министерства внутренних дел проживать в Соединенном Королевстве в течение неограниченного срока. Второй заявитель поселилась в Соединенном Королевстве в 1975 г., где родились их дети.

В 1984 г., незадолго до штурма Золотого храма в Амритсаре индийской армией, г-н Чахал посетил Пенджаб. Во время пребывания там он стал приверженцем учения ортодоксального сикхизма и принял участие в организации пассивного сопротивления в поддержку создания независимого сикхского государства Халистан, примерно в границах нынешнего индийского штата Пенджаб. Он был арестован полицией Пенджаба, в течение 21 дня содержался под стражей и подвергался пыткам.

По возвращении в Соединенное Королевство он стал заметной фигурой в движении британских сикхов. Дважды ему предъявлялось обвинение в нападении и драке в общественном месте, возникавших в связи с беспорядками в храмах, но в первом случае Апелляционный суд отменил обвинительный приговор, а во втором - Чахал был оправдан. Сведений о выдвигании против него каких-либо других уголовных обвинений ни в Соединенном Королевстве, ни в Индии, ни где бы то ни было еще не имеется.

14 августа 1990 г. министр внутренних дел принял решение о высылке г-на Чахала из Соединенного Королевства в интересах национальной безопасности и международной борьбы с терроризмом. Утверждалось *inter alia*, что он участвовал в финансировании и организации поставок боевой техники террористам в Пенджабе, планировании терактов и руководстве ими в Индии, Соединенном Королевстве и других странах, а также в проведении кампаний запугивания против сикхов умеренного толка в Соединенном Королевстве. Г-н Чахал категорически отрицал эти обвинения.

16 августа 1990 г. он был доставлен в тюрьму Бедфорд, где с тех пор и содержится. Он обратился с просьбой о политическом убежище, утверждая, что, если его вышлют в Индию, он станет жертвой пыток и преследований. 27 марта 1991 г. министр внутренних дел отклонил его просьбу.

Г-н Чахал не имел права обжаловать это решение в независимом суде, поскольку дело связано с вопросами национальной безопасности. Однако 10 июля 1991 г. дело было рассмотрено Консультативным комитетом в составе члена Апелляционного суда, судьи Ллойда, и бывшего председателя Апелляционной комиссии по вопросам иммиграции.

Г-на Чахала не информировали относительно доказательств, на которых основаны обвинения против него, адвокату г-на Чахала не было разрешено представлять его интересы в ходе этого разбирательства, и г-на Чахала не информировали о заключении, представленном Консультативным комитетом министру внутренних дел, который в любом случае не был обязан следовать ему.

Министр внутренних дел в конце концов подписал приказ о высылке 25 июля 1991 г. Прошение г-на Чахала о судебном пересмотре решения об отказе в предоставлении политического убежища было удовлетворено. Решение было аннулировано как недостаточно обоснованное и возвращено министру внутренних дел.

1 июня 1992 г. министр внутренних дел еще раз принял решение отказать в предоставлении убежища г-ну Чахалу. Тот снова обратился с прошением о судебном контроле. После того как прошение было отклонено Высоким Судом правосудия 12 февраля 1993 г., он обратился с жалобой в Апелляционный суд, который отказался принять решение по данному вопросу.

22 октября 1993 г. Апелляционный суд пришел к выводу, что министр внутренних дел должен был взвесить угрозу жизни или свободе г-на Чахала в случае его высылки и сопоставить ее с опасностью для государственной безопасности в случае, если ему будет разрешено остаться. Отказывая в предоставлении убежища, министр внутренних дел, по всей вероятности, принял во внимание доказательства, связанные с риском преследования [г-на Чахала] в Индии, а определить, было ли решение о высылке г-на Чахала необоснованным или неправомерным, суд не имел возможности, т.к. он не имел доступа к доказательствам, связанным с противоположными аргументами - опасностью для государственной безопасности. В марте 1994 г. Палата лордов отказала в разрешении на апелляцию.

После представления доклада Европейской Комиссией по правам человека г-н Чахал обратился с просьбой об освобождении из-под стражи в ожидании решения Европейского Суда. Это прошение было отклонено 10 ноября 1995 г. господином Макферсоном, судьей подразделения Высокого суда правосудия, на том основании, что он не может постановить, что решение о содержании под стражей г-на Чахала является необоснованным или неправомерным, в особенности принимая во внимание, что он не имел доступа к доказательствам, относящимся к угрозе для государственной безопасности, на которых это решение основано.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 27 июля 1993 г., заявитель утверждал, что в результате высылки он рискует подвергнуться пыткам, бесчеловечному и унижительному обращению, что является нарушением статьи 3 Конвенции. Процедура, которой он подвергся в Англии, нарушает, по его мнению, статью 5 п. 1, 4. Жалоба была объявлена приемлемой 1 сентября 1994 г.

После безуспешной попытки добиться мирового соглашения Комиссия установила факты и 27 июня 1995 г. в своем докладе единогласно признала, что в случае высылки г-на Чахала в Индию будут нарушены статьи 3 и 8 и что были нарушены статья 5 п. 1 и статья 13 Конвенции. Комиссия также пришла к выводу (шестнадцатью голосами против одного), что нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение статьи 5 п. 4.

Извлечение из судебного решения

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции

72. Первый заявитель подал жалобу на то, что его высылка в Индию является нарушением статьи 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

Комиссия поддержала эту жалобу, которую Правительство оспаривало.

A. Применимость статьи 3 в делах о высылке

73. Как отмечал Суд в прошлом, государства - участники Конвенции имеют право, и это признано международным правом, при условии соблюдения договорных обязательств, включая обязательства по настоящей Конвенции, осуществлять контроль за въездом иностранных граждан в свою страну, их проживанием в ней и их высылкой из страны. Более того, необходимо отметить, что ни в Конвенции, ни в Протоколах к

ней не закреплено право на политическое убежище (см. решение по делу Вилвараджьях и другие от 30 октября 1991 г. Серия А, т. 215, с. 34, п. 102).

74. Однако в практике Суда четко установлено, что высылка государством-участником Конвенции может привести к нарушению статьи 3 и, следовательно, повлечь за собой ответственность данного государства в тех случаях, когда имеются веские основания полагать, что лицо, о котором идет речь, в случае его высылки столкнется в государстве, куда будет выслан, с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему статье 3. При таких обстоятельствах в статье 3 имплицитно содержится обязательство не высылать данное лицо в эту страну (см. решение по делу Серинг против Соединенного Королевства от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, с. 35, п. 90-91; решение по делу Круз Варас и другие против Швеции от 20 марта 1991 г. Серия А, т. 201, с. 28, п. 69-70, и упомянутое выше решение по делу Вилвараджьях и другие, с. 34, п. 103).

Правительство оспаривало этот принцип при разбирательстве в Комиссии, но признало его в ходе разбирательства дела в Суде.

В. Высылка, связанная с предполагаемой угрозой национальной безопасности

75. Суд отмечает, что приказ о высылке первого заявителя был издан на том основании, что продолжение его пребывания в Соединенном Королевстве противоречит интересам общественного блага с точки зрения национальной безопасности, а именно борьбы с терроризмом (см. п. 25 выше). Стороны расходятся во мнениях относительно того, влияет ли тот факт, что заявитель может представлять собой угрозу для безопасности Соединенного Королевства, на обязательства данного государства в соответствии со статьей 3, и если да, то в какой степени.

76. Основное утверждение Правительства состояло в том, что не было установлено наличие реального риска того, что заявитель в случае высылки станет жертвой плохого обращения (см. п. 88 и 92 ниже), оно также подчеркнуло, что причиной высылки являются интересы национальной безопасности. В связи с этим Правительство утверждало, что гарантии, предоставленные статьей 3, не являются абсолютными в случаях, когда государство-участник Конвенции намеревается выдворить индивида со своей территории. Одновременно с примерным прогнозом событий в принимающем государстве во внимание должны приниматься и такие факторы, как угроза, которую представляет данное лицо для безопасности страны его пребывания. Таким образом, существует имплицитное ограничение действия статьи 3, которое дает право государству-участнику Конвенции выслать данное лицо в страну, даже если оно рискует подвергнуться там плохому обращению, если такое выдворение необходимо в интересах национальной безопасности. Правительство обосновывает это утверждение в первую очередь возможностью существования имплицитных ограничений, как это признается в судебной практике Суда, особенно в п. 88, 89 решения Суда по вышеупомянутому делу Серинг против Соединенного Королевства. В обоснование своей позиции Правительство далее ссылается на принцип международного права, согласно которому право иностранца на убежище ограничивается определенными оговорками, содержащимися *inter alia* в статьях 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г. (см. п. 6 выше) *.

В субсидиарном порядке Правительство полагало, что угроза, которую данное лицо представляет для безопасности государства - участника Конвенции, является одним из факторов в поисках баланса в свете статьи 3. Такой подход учитывает, что в подобных случаях существуют различные степени риска стать жертвой плохого обращения. Чем больше риск плохого обращения, тем меньший вес должна иметь угроза национальной безопасности. Но в тех случаях, когда существуют значительные сомнения относительно возможности риска плохого обращения, угроза безопасности может иметь весьма значительный вес при поисках баланса между защитой прав отдельного человека и общественным интересом. Именно так обстояло дело в данном случае: были основания для веских сомнений относительно того, будет ли на самом деле иметь место предполагаемый риск плохого обращения; следовательно, тот факт, что г-н Чахал

представляет серьезную угрозу безопасности Соединенного Королевства, оправдывает его высылку.

77. Заявитель отрицал, что представлял какую бы то ни было угрозу безопасности Соединенного Королевства, и утверждал, что в любом случае соображения национальной безопасности не могут служить оправданием риска плохого обращения и тем более пыток, которым мог подвергнуться заявитель за рубежом.

78. Комиссия, мнение которой разделяют *amicus curiae* (см. п. 6 выше), отвергает аргументы Правительства. Она ссылается на решение Суда по делу Вилвараджьях и другие (упомянутое выше в п. 73) и выражает мнение, что гарантии, предусматриваемые статьей 3, имеют абсолютный характер и не допускают исключений.

При слушании дела в Суде представитель Комиссии предложил, чтобы те пункты решения Суда по делу Серинга, на которые ссылалось Правительство в обоснование своей позиции (см. п. 76 выше), были приняты как авторитетное подтверждение той точки зрения, что, когда маловероятно применение к высланному обращения или наказания, противоречащих статье 3, предпочтение должно быть отдано депортирующему государству, чьим национальным интересам угрожает пребывание данного лица на его территории. Однако нельзя ссылаться на национальные интересы государства как имеющие приоритет по отношению к интересам индивида в тех случаях, когда приведены веские основания полагать, что это лицо в случае его высылки станет жертвой плохого обращения.

79. В статье 3 сформулирована норма, воплощающая одну из основополагающих ценностей демократического общества (см. упомянутое выше решение по делу Серинга, с. 34, п. 88). Суд полностью отдает себе отчет в том, с какими огромными трудностями сталкивается в наши дни государство, защищая население своей страны от насилия со стороны террористов. Однако, даже учитывая эти обстоятельства, Конвенция запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения жертвы. В отличие от большинства норм Конвенции и Протоколов N 1 и N 4 к ней в статье 3 не говорится ни о каких исключениях, и никакие отступления от нее в соответствии со статьей 15 невозможны даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации (см. решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 65, п. 163, а также решение по делу Томази против Франции от 27 августа 1992 г. Серия А, т. 241-А, с. 42, п. 115).

80. Запрещение плохого обращения, содержащееся в статье 3, имеет такой же абсолютный характер в случае высылки. Так, если доказано, что есть веские основания полагать, что данное лицо в случае выдворения столкнется с реальным риском стать жертвой обращения, противоречащего статье 3, возникает обязанность государства-участника Конвенции защитить лицо от такого обращения (см. упомянутое выше решение по делу Вилвараджьях и другие, с. 34, п. 103). При таких обстоятельствах деятельность конкретного лица, о котором идет речь, какой бы нежелательной и опасной она ни была, не может приниматься в расчет. Таким образом, защита, предусматриваемая статьей 3, шире, чем защита, обеспечиваемая статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г. (см. п. 61 выше).

81. В пункте 88 вышеупомянутого решения Суда по делу Серинга, где речь шла о выдаче Соединенным Штатам Америки, сформулированная выше точка зрения выражена четко и определенно. Что касается замечаний Суда в п. 89 того же решения относительно риска подорвать основы института высылки, из них не следует, что существует возможность установления некоторого баланса между риском плохого обращения и причинами высылки при определении ответственности государства по статье 3.

82. Из вышесказанного следует, что Суд не должен входить в рассмотрение не подвергавшихся проверке, но, несомненно, сделанных *bona fide* утверждений Правительства относительно террористической деятельности первого заявителя и угрозы, которую он представляет для национальной безопасности.

С. Применимость статьи 3 в обстоятельствах данного дела

1. Дата, которую надлежит принять во внимание при оценке риска

83. Хотя точки зрения относительно ситуации в Индии и Пенджабе различны (см. п. 87-91 ниже), тем не менее все согласны, что насилие и нестабильность в этом регионе достигли апогея в 1992 г. и с тех пор уменьшались. По этой причине важен момент, выбранный Судом для оценки риска для г-на Чахала в случае высылки его в Индию.

84. Заявитель утверждал, что Суд должен исходить из положения дел на июнь 1992 г. - момент, когда было принято окончательное решение о его высылке (см. п. 35 выше). Целью отсрочки его высылки, которую потребовала Комиссия (см. п. 4 выше), было предотвратить нанесение непоправимого ущерба, а отнюдь не дать государству-участнику Конвенции возможность лучше аргументировать свою позицию. Кроме того, органам Конвенции в Страсбурге не подобает постоянно заниматься установлением фактов.

85. Правительство утверждало, и Комиссия с этим согласилась, что, поскольку ответственность государства в соответствии со статьей 3 Конвенции в случаях, связанных с высылкой, возникает, когда риск для индивида стать жертвой плохого обращения становится реальным, датой оценки риска является момент предполагаемой высылки. Поскольку г-н Чахал не был выслан на тот момент, реально значимой датой является время разбирательства дела в Суде.

86. Из доводов, приведенных в п. 74 выше, вытекает, что в том, что касается нарушения статьи 3, особенно важно точно знать, достаточно ли доказано наличие реального риска того, что в случае высылки г-на Чахала он станет жертвой обращения, запрещаемого этой статьей. Поскольку он до сих пор не выслан, отправным моментом должна стать дата рассмотрения дела в Суде. Отсюда вытекает, что, хотя положение дел с исторической точки зрения и представляет интерес, поскольку это может пролить свет на то, какова ситуация в настоящий момент и каким образом она будет развиваться в будущем, решающее значение имеет именно нынешнее положение дел.

2. Оценка риска плохого обращения

(а) Аргументация

i. Общие условия

87. Обосновывая свою позицию, заявитель утверждал, что оценка Правительством условий в Индии и, в частности, в Пенджабе была глубоко ошибочной на протяжении всего разбирательства в национальных судах и в ходе рассмотрения дела в Страсбурге. Он ссылаясь на ряд докладов, подготовленных различными правительственными органами и межправительственными и неправительственными организациями, о ситуации в Индии в целом и в Пенджабе в частности, особо уделяя внимание тем из них, которые касались 1994 и 1995 гг. (см. п. 49-56 выше). Он утверждал, что этот материал подтверждает, что нарушение прав человека силами безопасности в Индии, особенно полицией, остается повсеместным.

В ответ на предложение Правительства вернуть его в любую часть Индии по его выбору он заявил, что полиция Пенджаба в прошлом осуществляла похищения и убийства воинствующих сикхов за пределами их родного штата.

Признав, что положение в Пенджабе несколько улучшилось с момента апогея беспорядков в 1992 г., он продолжал настаивать на том, что режим существенным образом не изменился. Напротив, из вышеупомянутых докладов следует, что в практике секретных служб существует преемственность. В этой связи он указывал на тот факт, что генерального директора полиции Пенджаба, на котором лежит ответственность за многие нарушения прав человека в период, когда он занимал этот пост, с 1992 по 1995 г., сменил на этом посту после его ухода на пенсию его бывший заместитель и начальник отдела разведки.

88. Правительство утверждало, что в случае высылки г-на Чахала он реально не рисковал стать жертвой плохого обращения, и подчеркивало, что его намеревались

вернуть в любую часть Индии по его выбору, а не обязательно в Пенджаб. В этом контексте Правительство указало, что оно регулярно наблюдает за ситуацией в Индии через Представительство Верховного комиссара Соединенного Королевства в Дели. На основе полученной информации можно сделать вывод, что были предприняты и продолжают предприниматься конкретные позитивные шаги для того, чтобы решить проблему нарушения прав человека. С этой целью были приняты новые законы в этой сфере; Национальная Комиссия по правам человека, которая играет в этом отношении важную роль, продолжает укрепляться и развиваться; как исполнительные, так и судебные власти предприняли ряд шагов, чтобы положить конец продолжающимся случаям злоупотребления властью. Таким образом, ситуация в Индии в целом такова, что служит доказательством вышеупомянутого утверждения Правительства.

Кроме того, относительно вопросов, рассматриваемых в п. 45-48 выше, Правительство утверждало, что ситуация в Пенджабе за последние годы существенно улучшилась. Оно подчеркивало, что в этом штате сейчас нет террористической деятельности или она весьма незначительна. Создан пост омбудсмана для рассмотрения жалоб на злоупотребления властью, и новый главный министр штата публично объявил о намерении Правительства положить конец нарушению прав человека. Полицейские, которые, как утверждалось, были причастны к незаконным действиям, предстали перед судом.

89. Организация "Международная амнистия" информировала Суд, что видные сикхские сепаратисты все еще сталкиваются с серьезным риском "исчезновения", заключения под стражу без предъявления обвинения и без суда, пыток и внесудебных расправ, особенно часто от рук пенджабской полиции. "Международная амнистия" ссылается на свой доклад 1995 г., в котором описывалось и было документально подтверждено, каким образом права человека нарушались должностными лицами пенджабской полиции в ходе тайных операций за пределами их собственного штата (см. п. 55 выше).

90. Однако Правительство призвало Суд с осторожностью отнестись к материалу, подготовленному "Международной амнистией", т.к. не было возможности проверить многие факты, упоминаемые в нем. Кроме того, при изучении этих докладов легко упустить из виду более широкую картину улучшения ситуации, уделяя слишком много внимания индивидуальным случаям предполагаемых серьезных нарушений прав человека. Наконец, так как ситуация в Пенджабе в последние годы значительно изменилась, доклады, подготовленные "Международной амнистией" и другими организациями ранее, представляют теперь небольшой интерес.

91. На основе материалов, представленных Комиссии, она признала, что ситуация в Индии и конкретно в Пенджабе улучшилась. Однако Комиссия не смогла найти в материалах, представленных Правительством и относящихся к последнему периоду, какие-либо убедительные доказательства того, что полиция Пенджаба теперь находится под демократическим контролем или что судебные власти сумели полностью восстановить здесь свой авторитет и независимость.

ii. Факторы, касающиеся лично г-на Чохала

92. Стороны, выступавшие по данному делу в Суде, также придерживались различных точек зрения относительно того, какие последствия для безопасности г-на Чохала возникнут в Индии, когда его высылка станет общеизвестной.

По мнению Правительства, весьма вероятно, что индийское правительство проявит прозорливость и, зная, что весь мир будет наблюдать за судьбой г-на Чохала, позаботится, чтобы он не стал жертвой плохого обращения. Более того, в июне 1992 г. и в декабре 1995 г. Правительство Соединенного Королевства обращалось к Правительству Индии с просьбой о таких гарантиях, и они были предоставлены (см. п. 37 выше).

93. Заявитель утверждал, что его репутация и известность увеличат опасность преследования. Принимая решение выслать его в интересах национальной безопасности, правительство, как отмечал судья г-н Попплуэлл в ходе слушаний в рамках первого судебного пересмотра (см. п. 34 выше), по сути дела публично

заклеймило его как террориста. Статьи в индийской прессе, опубликованные после 1990 г., говорят о том, что его считают таковым и в Индии, и ряд его родственников и знакомых в Пенджабе подвергались задержанию и плохому обращению из-за связей с ним. Гарантии, предоставленные Правительством Индии, не представляют собой большой ценности, поскольку Правительство этой страны продемонстрировало свою неспособность контролировать силы безопасности в Пенджабе и за его пределами. Заявитель также ссылался на примеры "исчезновения" в последнее время известных лиц.

94. По мнению Комиссии, г-н Чахал как один из ведущих деятелей в движении воинствующих сикхов, подозреваемый в причастности к террористическим актам, по всей вероятности, будет представлять особый интерес для сил безопасности, независимо от того, в какую часть Индии он будет возвращен.

(b) Подход Суда

95. В соответствии с системой, предусмотренной Конвенцией, установление и проверка фактов должны осуществляться главным образом Комиссией (статьи 28 и 31). Соответственно Суд использует свои полномочия в этой области только в исключительных обстоятельствах (см. решение по делу Круз Варас и другие, упомянутое выше в п. 74).

96. Однако Суд не связан соответствующими выводами Комиссии и имеет право дать фактам свою собственную оценку. В делах, подобных данному, рассмотрение Судом вопроса о существовании реального риска плохого обращения должно обязательно быть очень тщательным в силу абсолютного характера статьи 3, воплощающей одну из основополагающих ценностей демократических стран, входящих в Совет Европы (см. упомянутое выше в п. 73 решение по делу Вилвараджьях и другие, с. 36, п. 108).

97. Чтобы установить наличие реального риска для заявителя в случае его высылки в Индию стать жертвой обращения, противоречащего статье 3, Суд опирается на все материалы, представленные ему, а также, в случае необходимости, на материалы, полученные по его собственной инициативе, (см. упомянутое выше решение по делу Вилвараджьях и другие, с. 36, п. 107). Более того, поскольку точкой отсчета времени, существенно значимой для оценки риска, является дата рассмотрения дела Судом (см. п. 86 выше), ему необходимо будет принять во внимание доказательства, которые стали известны после рассмотрения дела Комиссией.

98. Принимая во внимание предложение Правительства вернуть г-на Чахала в любой аэропорт в Индии по его выбору, Суд должен оценить риск того, что он станет жертвой плохого обращения с точки зрения условий в Индии в целом, а не только в Пенджабе. Необходимо не упускать из виду тот факт, что заявитель является видным сторонником сикхского сепаратистского движения. Из этих замечаний следует, что доказательства преследования сикхов силами безопасности за пределами штата Пенджаб имеют самое непосредственное отношение к данному делу.

99. Суд принял к сведению комментарии Правительства относительно информации, содержащейся в докладах "Международной амнистии" (см. п. 90 выше). Тем не менее он придает немалое значение некоторым наиболее впечатляющим обвинениям, содержащимся в этих докладах, в особенности относительно внесудебных расправ, предположительно совершенных сотрудниками полиции Пенджаба за пределами их родного штата, и действиям, предпринятым Верховным Судом Индии, правительством штата Западная Бенгалия и Министерством внутренних дел в ответ на них (см. п. 55 выше). Более того, аналогичные утверждения были признаны Британской Комиссией по обжалованию по вопросам иммиграции при рассмотрении дела Чаран Сингх Джилл против Министра внутренних дел (см. п. 54 выше) и включены в доклад Государственного департамента Соединенных Штатов Америки по Индии 1995 г. (см. п. 52 выше). Доклад Национальной Комиссии по правам человека 1994 г. подтверждает впечатление, что полицейские силы в штате Пенджаб полностью вышли из-под контроля законных органов власти (см. п. 49 выше).

100. Суд считает убедительными эти доказательства, подтвержденные информацией из ряда различных объективных источников и говорящие о том, что по крайней мере до середины 1994 г. определенные силы в полиции Пенджаба имели обыкновение действовать в отношении подозреваемых сикхов, не думая о правах человека, и были способны продолжать преследование таких лиц на территории других штатов Индии далеко за пределами Пенджаба.

101. Комиссия в п. 111 своего доклада пришла к выводу, что в последние годы имело место улучшение в сфере защиты прав человека в Индии, и особенно в Пенджабе, и факты, ставшие известными в период после рассмотрения дела Комиссией, говорят о том, что ситуация продолжает улучшаться.

В частности, складывается впечатление, что масштабы насилия со стороны повстанческих сил в Пенджабе уменьшились; Суд отмечает весьма существенное снижение числа погибших от террористических актов в этом регионе, по данным Правительства-ответчика (см. п. 45). Более того, в последние годы в Пенджабе произошли и другие обнадеживающие события, такие, как возобновление демократических выборов, проведение ряда судебных процессов, на которых были осуждены сотрудники полиции; создание поста омбудсмана для расследования случаев злоупотребления властью и обещание нового главного министра штата "обеспечить прозрачность и подотчетность" (см. п. 46, 48 выше). В докладе Государственного департамента Соединенных Штатов Америки за 1996 г. говорится, что в течение 1995 "имели место заметные успехи в устранении нарушений в работе полиции [Пенджаба]" (см. п. 53 выше).

102. Тем не менее имеющиеся сведения говорят о том, что по-прежнему сохраняются проблемы, связанные с нарушением прав человека со стороны сил безопасности в Пенджабе. Как напомнило само Правительство-ответчик, Представительство Верховного комиссара Соединенного Королевства в Индии продолжает получать жалобы на действия полиции Пенджаба, хотя за последние месяцы они связаны главным образом с вымогательством, а не с нарушениями политического характера (см. п. 47 выше). "Международная амнистия" утверждает, что в результате действий полиции Пенджаба на протяжении всего 1995 г. время от времени "исчезали" видные деятели сикхского движения (см. п. 56 выше), а в докладе Государственного департамента США за 1996 г. говорится об убийстве двух сикхских сепаратистов в течение этого года (см. п. 53 выше).

103. Суд считает исключительно важным отсутствие конкретных доказательств того, что в последние годы была осуществлена сколь-нибудь фундаментальная реформа или реорганизация полиции Пенджаба. Факты, упоминаемые выше (см. п. 49-56), указывают на настоятельную необходимость таких перемен, и именно это рекомендовала Национальная Комиссия по правам человека (см. п. 49 выше). Хотя в 1995 г. сменилось руководство полиции Пенджаба, генерального директора, при котором были совершены наиболее вопиющие нарушения последнего десятилетия, сменил на этом посту его бывший заместитель и начальник отдела разведки (см. п. 87 выше).

Менее двух лет назад те же самые полицейские силы осуществляли рейды на территорию других штатов Индии, что убедительно подтверждается документами (см. п. 100 выше), и Суд не может полностью отклонить как несостоятельные утверждения заявителя о том, что любое снижение активности сепаратистских сил проистекает из того, что ключевые фигуры сикхского сепаратистского движения были либо убиты, либо вынуждены покинуть страну, либо лишены возможности действовать в результате пыток или страха перед пытками. Более того, из публикаций прессы складывается впечатление, что только сейчас становятся известными в полной мере факты о масштабах нарушений прав человека в прошлом (см. п. 53 выше).

104. Хотя Суд придерживается мнения, что для г-на Чахала в случае его возвращения в Индию наибольший риск будут представлять силы безопасности Пенджаба, действующие либо на территории самого Пенджаба, либо за пределами границ этого штата, Суд придает большое значение и тому факту, что против полицейских сил в

других штатах Индии также выдвигаются обоснованные утверждения о серьезных нарушениях прав человека. В этой связи Суд отмечает, что специальный докладчик Организации Объединенных Наций по пыткам охарактеризовал практику применения пыток к лицам, находящимся в предварительном заключении, как "повсеместную" и выразил сожаление, что не принимаются надлежащие меры для того, чтобы виновные предстали перед судом (см. п. 51 выше). Национальная Комиссия по правам человека также привлекает внимание к проблеме широкого распространения жестокого обращения с заключенными, часто приводящего к смертельному исходу, и призывает к реформе всей системы полиции в масштабах Индии (см. п. 50 выше).

105. Хотя Суд не сомневается в добросовестности и добрых намерениях Правительства Индии, предоставившего гарантии, упомянутые выше (п. 92), создается впечатление, что, несмотря на усилия правительства, Национальной Комиссии по правам человека и индийских судов, направленные на то, чтобы добиться перемен, нарушения прав человека некоторыми должностными лицами в силах безопасности Пенджаба и других штатов Индии представляют собой трудноразрешимую и затяжную проблему (см. п. 104 выше).

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, Суд не считает, что вышеупомянутые гарантии обеспечат г-ну Чахалу надлежащую безопасность.

106. Суд также считает, что репутация и известность заявителя скорее увеличат, чем уменьшат для него риск стать жертвой плохого обращения. Никто не оспаривает тот факт, что г-н Чахал хорошо известен в Индии как сторонник сикхского сепаратистского движения и тесно связан с другими руководителями этого движения (см. п. 17, 20 выше). Правительство-ответчик выступило с серьезными, хотя и непроверенными, заявлениями о причастности г-на Чахала к террористической деятельности, о чем, несомненно, известно индийским властям. Суд считает, что эти факты с большой степенью вероятности могут привлечь к нему внимание сторонников жесткой линии в силах безопасности, которые в прошлом безжалостно преследовали всех, кого подозревали в участии в сикхском сепаратистском движении (см. п. 49-56 выше).

107. В силу всех вышеизложенных причин и, в частности, из-за доказанной причастности полиции Пенджаба к убийствам и похищениям за пределами территории штата, а также из-за обвинений в серьезных нарушениях прав человека, которые по-прежнему выдвигаются против должностных лиц индийских сил безопасности в целом, Суд считает обоснованным утверждение, что существует реальный риск того, что, если г-н Чахал будет возвращен в Индию, он может стать жертвой обращения, противоречащего статье 3.

Следовательно, решение о его высылке в Индию, если она произойдет, приведет к нарушению статьи 3.

III. О предполагаемом нарушении статьи 5 Конвенции

A. Статья 5 п. 1

108. Заявитель приносит жалобу на то, что его содержание под стражей в ожидании высылки представляет собой нарушение статьи 5 п. 1 Конвенции, где, в частности, говорится:

"Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законный арест или задержание лица... против которого предпринимаются меры по его высылке..."

109. Г-н Чахал содержится в тюрьме Бедфорд с 16 августа 1990 г. (см. п. 25 выше). Не оспаривался тот факт, что он был задержан в рамках процедуры высылки в смысле статьи 5 п. 1 (f). Однако он утверждал, что его задержание перестало соответствовать "порядку, установленному законом", с точки зрения целей статьи 5 п. 1 из-за чрезмерной длительности.

В частности, заявитель приносит жалобу на длительность периода (16 августа 1990 г. - 27 марта 1991 г.), который потребовался для того, чтобы рассмотреть и отклонить его прошение о предоставлении ему статуса беженца; периода (9 августа 1991 г. - 2 декабря 1991 г.) между его прошением о судебной проверке решения отказать ему в предоставлении убежища и решением национального суда; периода, который потребовался (2 декабря 1991 г. - 1 июня 1992 г.) для принятия повторного решения об отказе в предоставлении убежища.

110. Комиссия согласилась с этим и считает, что упомянутое выше судебное разбирательство не осуществлялось с надлежащей безотлагательностью и что столь длительное содержание под стражей, таким образом, перестало быть оправданным.

111. Однако Правительство утверждало, что все обращения за судебной помощью со стороны г-на Чахала рассматривались настолько быстро, насколько это было возможно.

112. Суд напоминает, что никем не оспаривается, что г-н Чахал был задержан в рамках процедуры высылки в смысле статьи 5 п. 1 (f) (см. п. 109 выше). Эта статья не требует, чтобы задержание лица, против которого начата процедура высылки, считалось разумно необходимым, например, для того, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться; в этом отношении статьи 5 п. 1 (f) предусматривает иной уровень защиты, чем п. 1 (c) той же статьи.

Действительно, единственное, что требуется в соответствии с рассматриваемым пунктом, - это чтобы "против лица предпринимались меры по высылке". Поэтому, с точки зрения целей статьи 5 п. 1 (f), не существенно, оправдано ли национальным правом или Конвенцией решение о высылке, на основе которого осуществлено задержание.

113. Однако Суд напоминает, что любое лишение свободы в соответствии со статьей 5 п. 1 (f) оправдано, только пока рассматривается вопрос о высылке. Если эта процедура не осуществляется с должной тщательностью, задержание перестает быть допустимым в соответствии со статьей 5 п. 1 (f) (см. решение по делу Куинн против Франции от 22 марта 1995 г. Серия А, т. 311, с. 19, п. 48, а также решение по делу Коломпар против Бельгии от 24 сентября 1992 г. Серия А, т. 235-С, с. 55, п. 36).

Таким образом, необходимо установить, продолжалось ли разбирательство по вопросу о высылке чрезмерно долго.

114. Рассматриваемый период времени начался 16 августа 1990 г., когда г-н Чахал был первоначально задержан. Он закончился 3 марта 1994 г., когда внутреннее судебное разбирательство завершилось отказом дать согласие г-ну Чахалу на подачу апелляционной жалобы в Палату лордов (см. п. 25, 42 выше). Хотя г-н Чахал находится под стражей по настоящее время, этот последний период должен быть признан иным по характеру, поскольку на протяжении этого периода Правительство воздержалось от его высылки в ответ на ходатайство Комиссии согласно статье 36 ее Регламента (см. п. 4 выше).

115. Суд принял во внимание длительность периода времени, потребовавшегося для принятия различных решений в ходе внутреннего разбирательства.

Что касается принятых министром внутренних дел решений об отказе в предоставлении убежища, Суд не считает, что сроки их принятия, а именно с 16 августа 1990 г. по 27 марта 1991 г. и со 2 декабря 1991 г. по 1 июня 1992 г., были чрезмерными, учитывая необходимость детального и внимательного рассмотрения прошения заявителя о политическом убежище и возможности, предоставленные заявителю для подготовки аргументированного обоснования своих прошений и представления соответствующей информации (см. п. 25-27 и п. 34-35 выше).

116. В связи с разбирательством в порядке судебного контроля в национальных судах отмечается, что первое прошение было подано г-ном Чахалом 9 августа 1991 г., и решение по нему было вынесено судьей г-ном Попплуэллом 12 декабря 1991 г. Г-н Чахал подал второе прошение 16 июля 1992 г., слушания по нему прошли с 18 по 21 декабря 1992 г., а решение было вынесено 12 февраля 1993 г. Апелляционный суд отклонил апелляцию по этому решению 22 октября 1993 г. и отказал г-ну Чахалу в разрешении на подачу апелляционной жалобы в Палату лордов. 3 марта 1994 г. Палата

лордов также отказала в разрешении на подачу апелляционной жалобы (см. п. 34, 38 и п. 40-42 выше).

117. Как отмечал Суд в контексте статьи 3, дело г-на Чахала связано с соображениями чрезвычайно серьезного и весомого характера. Поспешное принятие таких решений, без рассмотрения должным образом всех связанных с ним вопросов и доказательств, не отвечало бы ни интересам конкретного заявителя, ни заинтересованности общества в целом в надлежащем отправлении правосудия.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства и отдавая себе отчет в том, как это может сказаться на судьбе заявителя, а также в том, насколько он заинтересован, чтобы его жалобы были тщательно рассмотрены судами, ни один из периодов, на чрезмерную длительность которых он жалуется, не может считаться таковым ни по отдельности, ни вместе взятые. Следовательно, не было нарушения статьи 5 п. 1 (f) Конвенции с точки зрения достаточной или недостаточной тщательности в ходе разбирательства внутри страны.

118. На Суд также ложится задача рассмотреть, было ли задержание г-на Чахала "законным" с точки зрения целей статьи 5 п. 1 (f) Конвенции, с особым упором на гарантии, обеспечиваемые национальной системой.

В тех случаях, когда речь идет о "законности" задержания, в т.ч. и при рассмотрении вопроса, был ли соблюден "порядок, установленный законом", Конвенция указывает главным образом на обязанность соблюдать нормы материального и процессуального национального права, но, кроме этого, требует, чтобы при любом лишении свободы лицо в целях статьи 5 было защищено от произвола.

119. Нет сомнений в том, что задержание г-на Чахала было законным с точки зрения национального права и было осуществлено "в порядке, установленном законом" (см. п. 43, 64 выше). Однако ввиду чрезвычайной длительности его содержания под стражей необходимо также рассмотреть, существовали ли достаточные гарантии от произвола.

120. В связи с этим Суд отмечает, что заявитель находится под стражей с 16 августа 1990 г. главным образом на основании того, что несколько министров внутренних дел, сменявшие друг друга на этом посту, утверждали, что его нельзя освободить, не поставив под угрозу национальную безопасность (см. п. 43 выше). Однако заявитель постоянно отрицал, что он представляет какую-либо угрозу для безопасности, и приводил аргументы в подтверждение своей позиции (см. п. 31, 77 выше).

121. Суд далее отмечает, что, поскольку министры утверждали, что речь идет о национальной безопасности, внутренние суды не могли эффективно проверить, были ли решения о содержании г-на Чахала под стражей оправданными, поскольку им не была предоставлена в полном объеме та информация, на которой основывались эти решения (см. п. 43 выше).

122. Однако в контексте статьи 5 п. 1 (f) Конвенции процедура рассмотрения дела Консультативным комитетом (см. п. 29-32, 60 выше) является важной гарантией против произвола. Этот комитет, в который входят опытные судьи с большим стажем работы (см. п. 29 выше), сумел рассмотреть во всей полноте доказательства, подтверждающие, что заявитель представляет угрозу национальной безопасности. Хотя содержание доклада этого комитета не разглашалось на слушаниях в Суде, Правительство указало, что этот комитет согласился с министром внутренних дел о необходимости высылки г-на Чахала по причинам, связанным с обеспечением национальной безопасности. Суд считает, что рассмотрение дела этим комитетом обеспечило достаточные гарантии того, что существуют по крайней мере причины полагать *prima facie*, что, если бы г-н Чахал был на свободе, возникла бы угроза национальной безопасности, и таким образом органы исполнительной власти не допустили произвола, отдав распоряжение о его задержании.

123. В заключение Суд напоминает, что г-н Чахал, вне всякого сомнения, находится под стражей в течение такого длительного срока, который не может не вызвать серьезной обеспокоенности. Однако ввиду исключительных обстоятельств данного дела и того, что государственные органы действовали с должной тщательностью на протяжении всего разбирательства дела о высылке г-на Чахала, а также того, что были

достаточные гарантии против произвольного лишения его свободы, его содержание под стражей не является нарушением требований, содержащихся в статье 5 п. 1 (f).

Из вышесказанного следует, что нарушения статьи 5 п. 1 (f) не было.

В. Статья 5 п. 4

124. Заявитель утверждал, что ему было отказано в праве на то, чтобы законность его задержания была установлена национальным судом, что представляет собой нарушение статьи 5 п. 4 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно".

Он утверждал, что безоговорочно приняв на веру в качестве обоснования его задержания ссылку на интересы национальной безопасности, внутренние суды не смогли рассмотреть вопрос о том, было ли его задержание законным и обоснованным. Более подробно он развил этот аргумент в связи со своей жалобой на нарушение статьи 13 Конвенции (см. п. 140-141 ниже).

125. Комиссия пришла к выводу, что эту жалобу следует рассматривать в связи с нарушением статьи 13, и Правительство согласилось с таким подходом (см. п. 142-143 ниже).

126. Суд напоминает прежде всего, что статья 5 п. 4 представляет собой *lex specialis* по сравнению с более общими требованиями статьи 13 (см. решение по делу Де Йонг, Балье и Ван ден Бринк против Нидерландов от 22 мая 1984 г. Серия А, т. 77, с. 27, п. 60). Из этого следует, что, независимо от метода, выбранного г-ном Чахалом для обоснования своей жалобы на отказ в судебной проверке законности его задержания, Суд должен прежде всего рассмотреть эту жалобу в связи со статьей 5 п. 4.

127. Суд далее напоминает, что понятие "законность" ("правильность", "правомерность") в п. 4 статьи 5 имеет то же самое значение, что и в ее п. 1; поэтому лицо, подвергшееся задержанию, имеет право на судебный контроль за решением о его задержании не только в свете требований внутреннего права, но и в контексте Конвенции, ее общих принципов и цели, которую преследуют ограничения, установленные в п. 1 (см. решение по делу Е. против Норвегии от 29 августа 1990 г. Серия А, т. 181-А, с. 21, п. 49).

Пределы обязательств по статье 5 п. 4 не являются одинаковыми для любого вида лишения свободы (см. *inter alia* решение по делу Буамар против Бельгии от 29 февраля 1988 г. Серия А, т. 129, с. 24, п. 60); и это в особенности касается обеспечения судебного контроля. Совершенно ясно, что статья 5 п. 4 не гарантирует права на судебный контроль настолько широко, чтобы суд имел право по всем аспектам дела, включая вопросы чистой целесообразности, подменять усмотрение соответствующего уполномоченного органа власти своим. Тем не менее судебный контроль должен быть достаточно широким, чтобы выносить решение о соблюдении тех условий, которые являются необходимыми для законного задержания лица в соответствии со статьей 5 п. 1 (см. упомянутое выше решение по делу Е. против Норвегии, с. 21, п. 50).

128. Суд вновь обращает внимание на требования статьи 5 п. 1 применительно к задержанию лица в процедуре высылки (см. п. 112 выше). Из этих требований следует, что в п. 4 статьи 5 не содержится требование, чтобы внутренние суды были правомочны проверять, является ли решение о высылке, на основе которого осуществлено задержание, оправданным с точки зрения национального законодательства или Конвенции.

129. Понятие "законный" в п. 1 (f) статьи 5 не только указывает на обязанность соблюдать нормы национального материального и процессуального права; оно к тому же означает требование, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 (см. п. 118 выше). Возникает вопрос, обеспечивали ли надлежащий контроль со стороны национальных судов имевшиеся у г-на Чахала процессуальные возможности оспорить законность задержания и добиваться освобождения под залог.

130. Суд напоминает, что, поскольку дело связано с интересами национальной безопасности, внутренние суды не имели возможности рассмотреть вопрос, являлись ли решения о задержании г-на Чахала и содержании его под стражей оправданными по этой причине (см. п. 121 выше). Хотя процедура рассмотрения Консультативным комитетом обеспечила некоторую степень контроля, тем не менее, помня, что г-н Чахал не имел права быть представленным перед этим комитетом своим адвокатом, что ему было передано лишь краткое резюме причин, послуживших основанием для намерения выслать его, что Консультативный комитет не имел полномочий принимать решения, а его заключение, направленное министру внутренних дел, не являлось для последнего обязательным и не было обнародовано (см. п. 30, 32, 60 выше), Консультативный комитет не может рассматриваться как "суд" в смысле статьи 5 п. 4 (см. mutatis mutandis решение по делу X против Соединенного Королевства от 5 ноября 1981 г. Серия А, т. 46, с. 26, п. 61).

131. Суд признает, что, когда речь идет о национальной безопасности, использование конфиденциальных материалов может оказаться неизбежным. Тем не менее это не означает, что власти страны могут быть свободны от эффективного контроля со стороны национальных судов во всех случаях, когда заявляют, что дело связано с национальной безопасностью и терроризмом (см. mutatis mutandis решение по делу Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства от 30 августа 1990 г. Серия А, т. 182, с. 17, п. 34, и решение по делу Мюррей против Соединенного Королевства от 28 октября 1994 г. Серия А, т. 300-А, с. 27, п. 58). Суд придает большое значение тому факту, что, как указал в связи со статьей 13 *amicus curiae* (см. п. 144 ниже), в Канаде для дел такого рода создана более эффективная форма судебного контроля. Этот пример показывает, что существуют способы, которые позволяют, с одной стороны, учесть законные опасения, связанные с безопасностью, характером и источниками информации, а с другой - обеспечить конкретному лицу достаточные процессуальные гарантии.

132. На основании, вышеизложенного Суд считает, что ни судебное разбирательство в рамках *habeas corpus* и в порядке судебного контроля за решением о задержании г-на Чахала в национальных судах, ни рассмотрение дела Консультативным комитетом не удовлетворяют требованиям статьи 5 п. 4. Это несоответствие тем более существенно, что г-н Чахал, безусловно, лишен свободы в течение столь длительного срока, что это не может не вызывать серьезной обеспокоенности (см. п. 123 выше).

133. Отсюда вывод, что имело место нарушение статьи 5 п. 4 Конвенции.

III. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

134. Все четыре заявителя указывали на то, что, если бы г-н Чахал был выслан в Индию, это составило бы нарушение статьи 8, которая гласит:

"1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах национальной безопасности..."

135. Правительство не оспаривало, что высылка г-на Чахала означала бы вмешательство в осуществление прав заявителей, предусмотренных в статье 8 п. 1, на уважение их семейной жизни.

Заявители, со своей стороны, признали, что это вмешательство "предусмотрено законом" и преследовало правомерную цель в свете статьи 8 п. 2.

Следовательно, единственным существенным вопросом в связи с этим является, было ли бы это вмешательство (т.е. высылка) "необходимым в демократическом обществе в интересах национальной безопасности" в смысле статьи 8 п. 2.

136. Правительство утверждало, что высылка г-на Чахала является необходимой и соразмерной ввиду той угрозы, которую он представляет для безопасности

Соединенного Королевства, и учитывая широкие пределы усмотрения, предоставленные государствам в делах такого рода.

137. Заявители отрицали, что высылка г-на Чахала может быть оправдана по причинам национальной безопасности, и подчеркивали, что, если бы существовали неопровержимые доказательства того, что он был причастен к террористической деятельности, против него в Соединенном Королевстве могло бы быть возбуждено уголовное дело.

138. Комиссия признала, что согласно Конвенции государства располагают широкими пределами усмотрения в тех случаях, когда речь идет о национальной безопасности, но не считает, что при всех данных обстоятельствах применение суровой меры - высылки необходимо и соразмерно.

139. Суд напоминает свой вывод о том, что решение о высылке первого заявителя в Индию представляло бы собой нарушение статьи 3 Конвенции (см. п. 107 выше). Не имея причин сомневаться, что Правительство-ответчик выполнит настоящее решение, Суд считает, что нет необходимости выносить решение по гипотетическому вопросу, имело ли бы место также и нарушение прав заявителей в соответствии со статьей 8 Конвенции в случае высылки г-на Чахала в Индию.

IV. О предполагаемом нарушении статьи 13 Конвенции

140. Кроме того, заявители утверждали, что им не были предоставлены эффективные правовые средства в национальных судах в нарушение статьи 13 Конвенции, в которой говорится:

"Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

141. Заявители утверждали, что единственным правовым средством, которым они располагали для обжалования нарушения статей 3, 5 и 8 Конвенции, был судебный контроль, а процедура рассмотрения в Консультативном комитете (см. п. 29, 60 выше) не была ни таковым "средством", ни тем более "эффективной".

Они заявили, во-первых, что полномочия английских судов отменить решение исполнительного органа по делам о предоставлении убежища, связанным со статьей 3, недостаточны; суды не могут исследовать все факты, чтобы установить, насколько обоснованы доводы о наличии реального риска плохого обращения в государстве, в которое высылается данный человек, они могут лишь судить о том, является ли решение министра относительно существования такого риска разумным согласно принципам "Wednesbury" (см. п. 66 выше).

Все это особенно важно в делах, где исполнительные органы ссылаются на проблемы национальной безопасности. В данном деле утверждение, что высылка г-на Чахала необходима в интересах национальной безопасности, привело к тому, что было невозможно дать эффективную судебную оценку ни риска для него стать жертвой плохого обращения в Индии, ни вопросов, возникающих на основе статьи 8. Это утверждение сделало невозможным осуществление любого эффективного судебного контроля по вопросу, было ли оправданным продолжающееся содержание заявителя под стражей.

142. Правительство признало, что объем судебного контроля является более ограниченным в тех случаях, когда распоряжение о высылке отдается в интересах национальной безопасности. Однако Суд в прошлом высказывал мнение, что в случаях, когда речь идет о национальной безопасности, "эффективное правовое средство" в смысле статьи 13 должно означать "правовое средство, которое является по возможности эффективным", учитывая необходимость учета секретных источников информации (см. решение по делу Класс и другие против Федеративной Республики Германии от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 31, п. 69, и решение по делу Леандер против Швеции от 26 марта 1987 г. Серия А, т. 116, с. 32, п. 84).

Необходимо помнить, что все имеющие отношение к делу материалы, в т.ч. секретные, были рассмотрены Консультативным комитетом, в состав которого входили два авторитетных судьи с большим опытом работы - судья Апелляционного суда и бывший председатель Апелляционной комиссии по вопросам иммиграции (см. п. 29 выше). Процедура рассмотрения Консультативным комитетом должна была, с одной стороны, удовлетворить необходимость в независимом рассмотрении всей совокупности материалов, на основе которых делались выводы о предполагаемой угрозе, а с другой стороны, обеспечить неразглашение секретной информации. Таким образом, это разбирательство представляло собой тщательное, независимое, квазисудебное исследование дела.

143. С точки зрения Комиссии, рассматриваемое дело отличается от дела Вилвараджьях и другие (упоминавшегося в п. 73 выше). Там Суд пришел к выводу, что английский судебный контроль представляет собой эффективное правовое средство в отношении жалоб заявителей на нарушения статьи 3. Поскольку министр сослался на соображения безопасности в качестве основания для его решений о высылке г-на Чахала и его задержании в ожидании высылки, полномочия английских судов по контролю оказались ограничены. Суды не могли сами рассмотреть доказательства, на которых министр основывал свое решение об угрозе национальной безопасности со стороны заявителя, или самостоятельно оценить риск в связи со статьей 3. Вместо этого им приходилось ограничиваться рассмотрением вопроса, должным ли образом министр выполнил задачу по сбалансированному сопоставлению всех факторов, как того требует национальное право (см. п. 41 выше).

144. Все стороны, вступившие в процесс (см. п. 6 выше), придерживались мнения, что судебный контроль не представляет собой эффективного правового средства в делах, связанных с национальной безопасностью. В статье 13 содержится требование, чтобы по крайней мере какой-либо независимый орган был поставлен в известность обо всех фактах и доказательствах, и он должен иметь полномочия вынести решение, которое было бы обязательным для министра.

В этой связи организации "Международная амнистия", "Либерти", Совместный совет по вопросам социального обеспечения иммигрантов (см. п. 6 выше) привлекают внимание к процедуре, применяемой при рассмотрении подобных дел в Канаде. Согласно Канадскому Акту об иммиграции 1976 г. (в редакции 1988 г.), судья Федерального суда проводит закрытое судебное слушание, где исследуются все имеющиеся доказательства и заявитель получает краткий итоговый документ; заявитель имеет право быть представленным адвокатом, а также вызывать свидетелей и представлять доказательства. Конфиденциальность секретных материалов, связанных с национальной безопасностью, обеспечивается требованием, чтобы такие материалы рассматривались в отсутствие как заявителя, так и его представителя. Однако при этих обстоятельствах их место занимает проинструктированный судом адвокат, кандидатура которого согласована со службами безопасности; он осуществляет перекрестный опрос свидетелей и в целом помогает суду проверить убедительность обвинений, предъявляемых от имени государства. Краткое изложение доказательств, полученных в ходе этого разбирательства, вручается заявителю.

145. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует на национальном уровне эффективные правовые средства для осуществления прав и свобод, предусматриваемых Конвенцией, независимо от того, каким образом они выражены в правовой системе той или иной страны. Таким образом, суть этой статьи сводится к требованию предоставить человеку такие меры правовой защиты внутри страны, которые позволили бы компетентному государственному органу рассматривать по существу жалобы на нарушение положений Конвенции и предоставлять соответствующую судебную защиту, хотя государства - участники Конвенции имеют некоторую свободу усмотрения относительно того, каким образом они обеспечивают при этом выполнение своих обязательств (см. решение по делу Вилвараджьях и другие, упоминавшееся в п. 73 выше, с. 39, п. 122).

Кроме того, Суд отмечает, что при некоторых обстоятельствах требования статьи 13 могут обеспечиваться всей совокупностью средств, предусматриваемых национальным правом (см. *inter alia* вышеупомянутое решение по делу Леандера, с. 30, п. 77).

146. Суду нет необходимости рассматривать утверждение о предполагаемом нарушении статьи 13 в сочетании со статьей 5 п. 1, поскольку он уже пришел к выводу о том, что имело место нарушение статьи 5 п. 4 (см. п. 133 выше). Точно так же Суду нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 8, в силу того что он уже пришел к выводу относительно гипотетического характера данной жалобы (см. п. 139 выше).

147. В результате остается только жалоба первого заявителя на нарушение статьи 3 в сочетании со статьей 13. Поскольку никем не оспаривалось, что жалоба на нарушение статьи 3 может быть предметом обсуждения, Суд делает вывод, что статья 13 применима к настоящему делу (см. упомянутое выше решение по делу Вилвараджьях и другие, с. 38, п. 121).

148. Суд напоминает, что в своем решении по делу Вилвараджьях и другие (там же, с. 9, п. 122-126) он пришел к выводу, что разбирательство в порядке судебного контроля является эффективным средством правовой защиты в отношении жалоб заявителей на нарушение статьи 3. Суд признал, что английские суды могут пересмотреть решение министра внутренних дел об отказе в предоставлении убежища и признать его незаконным на том основании, что оно небезупречно с точки зрения правомерности, обоснованности или соблюдения процессуальных норм (см. п. 66 выше). В частности, было признано, что суд правомочен отменить оспариваемое решение о высылке беженца в страну, где, как установлено, для него существует серьезный риск стать жертвой бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, на том основании, что при подобных обстоятельствах ни один министр, действуя разумно, не мог принять решения о высылке (там же, п. 123).

149. Суд, кроме того, напоминает, что при оценке того, существует ли в случаях высылки реальный риск стать жертвой обращения в нарушение статьи 3, не должен приниматься в расчет тот факт, что данное лицо, как утверждается, представляет угрозу национальной безопасности государства-ответчика (см. п. 80 выше).

150. Как справедливо указывает Правительство, в решениях по делу Класс и другие и по делу Леандера (упомянутых в п. 142 выше) Суд пришел к выводу, что в условиях, когда соображения безопасности не позволяют разглашать определенную секретную информацию, статья 13 требует обеспечить лишь "по возможности эффективную" правовую защиту. Однако необходимо помнить, что в том деле речь шла о жалобах на нарушения статей 8 и 10 Конвенции и что их рассмотрение требовало, чтобы Суд принял во внимание ссылки Правительства на интересы государственной безопасности. Требование обеспечить "по возможности эффективную" правовую защиту неприменимо в отношении жалобы на то, что высылка лица подвергнет его реальному риску стать жертвой обращения в нарушение статьи 3, т.е. сферы, где вопросы национальной безопасности не должны приниматься во внимание.

151. В подобных случаях, учитывая необратимый характер ущерба, который может быть причинен, если риск плохого обращения превратится в реальность, а также важность, которую Суд придает статье 3, понятие эффективной правовой защиты в смысле статьи 13 требует особо изучить, существуют ли веские причины опасаться реального риска стать жертвой обращения, противоречащего статье 3. Такое изучение не должно учитывать действия, возможно, совершенные данным лицом, которые делают его высылку обоснованной, а также предполагаемую угрозу со стороны данного лица для национальной безопасности высылающей страны.

152. Такое изучение не обязательно должно осуществляться судебным органом, но, если оно осуществляется каким-либо иным органом, его полномочия и гарантии, которые он предоставляет, имеют существенное значение при определении, является ли данное правовое средство эффективным (см. вышеупомянутое решение по делу Леандера, с. 29, п. 77).

153. В данном деле ни Консультативный комитет, ни суды не могли осуществить пересмотр решения министра внутренних дел о высылке г-на Чахала в Индию, рассмотрев исключительно вопрос о риске и оставив в стороне соображения национальной безопасности. Подход судов состоял лишь в том, чтобы убедиться, что министр внутренних дел взвесил риск для г-на Чахала и сопоставил его с угрозой для национальной безопасности (см. п. 41 выше). Из вышеизложенного следует, что эти средства правовой защиты не могут в целях статьи 13 Конвенции считаться эффективными в отношении жалобы г-на Чахала на нарушение статьи 3.

154. Кроме того, Суд отмечает, что при разбирательстве в Консультативном комитете заявитель не имел права *inter alia* быть представленным своим адвокатом, что ему было вручено лишь краткое резюме причин, послуживших основанием для уведомления о высылке, что комитет не имел полномочий принимать решения, а его консультативное заключение, направленное министру внутренних дел, не являлось для него обязательным и не было оглашено (см. п. 30, 32 и 60 выше). В этих обстоятельствах Консультативный комитет не может рассматриваться как обеспечивающий достаточные процессуальные гарантии в целях статьи 13.

155. Приняв во внимание всю степень недостаточности разбирательства как в порядке судебного контроля, так и в Консультативном комитете, Суд не может считать, что эти правовые средства, вместе взятые, удовлетворяют требованиям статьи 13 в сочетании со статьей 3.

Следовательно, имело место нарушение статьи 13.

V. Применение статьи 50 Конвенции

156. Заявители просят Суд принять решение о справедливом возмещении им в соответствии со статьей 50, которая гласит:

"Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

A. Моральный вред

157. Заявители потребовали возмещения морального вреда, причиненного длительным содержанием под стражей г-на Чахала, в размере 30 000-50 000 фунтов стерлингов за каждый год.

Правительство утверждает, что признание нарушения само по себе является справедливым возмещением морального вреда.

158. Поскольку Суд принял решение о том, что нарушение статьи 5 п. 1 (см. п. 123 выше) не имело места, Суд отказывается в возмещении морального вреда за тот период времени, который г-н Чахал содержался под стражей. В отношении других жалоб Суд считает, что его выводы о том, что высылка г-на Чахала, в случае ее осуществления, представляла бы нарушение статьи 3 и что имели место нарушения статьи 5 п. 4 и статьи 13, представляют сами по себе достаточное справедливое возмещение.

B. Судебные издержки и расходы

159. Кроме того, заявители требовали возмещения судебных издержек в Страсбурге, которые составили в сумме 77 755,97 фунта стерлингов (включая налог на добавленную стоимость - НДС).

В отношении судебных издержек Правительство отметило, что значительная их часть не была необходима, поскольку заявители представили Суду большое количество материалов, лишь косвенно связанных с делом. Оно предложило определить судебные издержки в сумме 20 000 фунтов стерлингов за вычетом суммы судебной помощи.

160. Суд считает, что судебные издержки, возмещения которых требуют заявители, являются чрезмерными, и возмещает их в сумме 45 000 фунтов стерлингов (включая

НДС) за вычетом 21 141 французского франка, уже полученных заявителем в порядке судебной помощи от Совета Европы.

С. Начисление процента

161. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, процентная ставка, установленная в Соединенном Королевстве на момент принятия настоящего решения, составляет 8% годовых.

По этим основаниям Суд

1. Постановил двенадцатью голосами против семи, что, в случае если бы решение министра внутренних дел о высылке первого заявителя в Индию было исполнено, имело бы место нарушение статьи 3 Конвенции;
 2. Постановил тринадцатью голосами против шести, что нарушение статьи 5 п. 1 Конвенции места не имело;
 3. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 5 п. 4 Конвенции;
 4. Постановил семнадцатью голосами против двух, что, принимая во внимание свои выводы относительно статьи 3, Суд не должен рассматривать жалобу заявителей на нарушение статьи 8 Конвенции;
 5. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции;
 6. Постановил единогласно, что вышеперечисленные выводы относительно имевших место нарушений представляют сами по себе достаточное справедливое возмещение морального вреда;
 7. Постановил единогласно
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев в возмещение издержек и расходов 45 000 фунтов стерлингов (сорок пять тысяч фунтов стерлингов) за вычетом 21 141 (двадцати одной тысячи ста сорока одного) французского франка, конвертированного в фунты стерлингов по курсу на момент вынесения настоящего решения;
 - (б) что с момента истечения, вышеупомянутого трехмесячного срока до полной выплаты указанной суммы выплачиваются простые проценты из расчета 8% годовых;
 8. Отклонил единогласно остальные требования о справедливом возмещении.
- Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 15 ноября 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

Совпадающее мнение судьи Вальतिकоса

Настоящее мнение относится к формулировке, использованной в п. 123 решения по делу Чахал против Соединенного Королевства, касающейся статьи 5 п. 1. Разделяя мнение большинства Большой Палаты и соглашаясь с их выводом, что данная норма не была нарушена, я не могу согласиться с утверждением в первом подпункте п. 123, что задержание г-на Чахала "соответствовало требованиям статьи 5 п. 1 (f)". Этот пункт предусматривает, что "... никто не может быть лишен свободы иначе [как в случае]... законного ареста или задержания лица... против которого предпринимаются меры по его высылке...". Эта норма должна толковаться добросовестно и на основе здравого смысла, как и любая правовая норма. У меня есть серьезные сомнения в том, что в данном случае период в четыре или пять лет может действительно считаться "[соответствующим] требованиям" этой статьи и "законным" задержанием в течение переходного и в принципе ограниченного периода. Следует признать, что в настоящем деле были особые причины, которые помешали безотлагательно выслать заявителя

(рассмотрение его ходатайства о судебном контроле и, что важнее всего, проблема, будет ли его высылка в Индию надлежащим шагом). Но утверждение, что данная ситуация "соответствует требованиям" статьи 5 Конвенции, представляется мне чрезмерным. Однако нельзя поддержать и другую точку зрения, что имело место нарушение Конвенции, поскольку Правительство сумело привести достаточно веские причины в обоснование данной ситуации. По моему мнению, было бы предпочтительнее сказать лишь, что задержание г-на Чахала "не противоречило" требованиям статьи 5. Такова причина моего возражения против формулировки, содержащейся в п. 123.

С другой стороны, я согласен с решением Суда (п. 2 постановляющей части), что нарушения статьи 5 п. 1 не было.

Совпадающее мнение судьи Ямбрека

1. В этом деле Суду снова пришлось рассматривать вопрос об использовании конфиденциальных материалов во внутренних судах, когда речь идет об угрозе национальной безопасности. Я согласен с выводом Суда, что в национальных судах разбирательство habeas corpus и в порядке судебного контроля за решением о задержании г-на Чахала не удовлетворяют требованиям статьи 5 п. 4.

Я также согласен с мотивировкой Суда относительно релевантных принципов и их применения, а именно:

- (a) что использование конфиденциальных материалов может быть неизбежным в случаях, когда речь идет об угрозе национальной безопасности;
- (b) что национальные органы власти не свободны в этом отношении от эффективного контроля со стороны внутренних судов;
- (c) что существуют методы, позволяющие учесть законную обеспокоенность, связанную с обеспечением национальной безопасности, и в то же время дающие конкретному лицу достаточные процессуальные гарантии.

Последнее утверждение (пункт c) представляет собой новое слово в развитии нашей судебной практики и, следовательно, на мой взгляд, заслуживает особого внимания.

2. В решении по делу Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства (30 августа 1990 г. Серия А, т. 182, с. 17-18, п. 34-35) Суд указал на обязанность Правительства представить по крайней мере некоторые факты или информацию, которые могли бы убедить Суд, что арестованное лицо подозревается на разумных основаниях в совершении правонарушения, в котором его обвиняют. Тот факт, что г-н Фокс и г-жа Кэмпбелл ранее были судимы и осуждены за совершение террористических актов, не убедил Суд, что в их случае имело место "обоснованное подозрение", и поэтому Суд постановил, что была нарушена статья 5 п. 1 (п. 34, 35). В решении по делу Мюррей от 28 октября 1994 г. (Серия А, т. 300-А, с. 27-29, п. 58-63) Суд подтвердил стандарт, установленный им в решении по делу Фокса, Кэмпбелл и Хартли, но пришел к выводу, что тот факт, что двое из братьев г-жи Мюррей были осуждены в Соединенных Штатах Америки за преступления, связанные с закупкой оружия для Временной Ирландской Республиканской Армии, а также ее поездки в США и контакты с братьями представляют собой достаточные свидетельства соответствия вышеупомянутому стандарту - иными словами, они представляют собой вполне заслуживающее доверия и объективное основание для "обоснованного подозрения".

3. Я выразил несогласие с мнением большинства в процитированном выше решении по делу Мюррей (с. 45-47, в отношении нарушения статьи 5 п. 1, 2 и 5). В моем частично особом мнении я сомневался в обоснованности подозрения, полагая, что условие "обоснованности и разумности" в том случае не было соблюдено, поскольку Правительство не сумело представить "по крайней мере некоторые факты или информацию", которые убедили бы объективного наблюдателя, что данное лицо, возможно, совершило это преступление.

В своем мнении по делу Мюррей я также предвидел вопрос, который возник в данном деле, о котором я говорю в п. 1 (b), а именно: "Возможно ли, чтобы Суд установил

какие-то модифицированные стандарты для "обоснованного подозрения" в контексте чрезвычайных законов, принятых для борьбы с преступной деятельностью террористов?" Пытаясь дать ответ на этот вопрос в общей форме, я предложил применять различные подходы к доказательствам в зависимости от степени их конфиденциальности.

4. В решении по делу Фокса, Кэмпбелл и Хартли Суд также ссылаясь на "информацию, которая... не может... быть сообщена подозреваемому лицу или предъявлена в суде в поддержку обвинения" (п. 32). На мой взгляд, различие между этими двумя понятиями поднимает два непосредственно имеющих отношение к делу вопроса: первый, можно ли оправдать различие между сообщением информации подозреваемому лицу и предъявлением ее в суде? И второй, существует ли различие между информацией, представленной суду, и информацией, предъявленной в суде, которая таким образом становится известной также и подозреваемому (см. мое особое мнение по делу Мюррей)?

В данном деле Чахала Суд, рассматривая предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции, обращает внимание сторон на технику, используемую Канадским Актом об иммиграции 1976 г. В Канаде судья Федерального суда проводит закрытое слушание по всем имеющимся доказательствам, а конфиденциальный характер материалов, связанных с национальной безопасностью, охраняется требованием, чтобы такие доказательства рассматривались в отсутствие как заявителя, так и его представителя. Однако при этих обстоятельствах их место занимает проинструктированный судом адвокат, кандидатура которого согласована со службами безопасности. Заявителю вручается краткое резюме полученных доказательств с необходимыми изъятиями.

5. В своем особом мнении по делу Мюррей я предложил следующий подход, сходный с вышеупомянутым и сформулированный мною в достаточно общей форме (отчасти в силу отсутствия информации о процедуре, применяемой в Канаде), в качестве компромисса между желанием сохранить стандарт, установленный в решении по делу Фокса, Кэмпбелл и Хартли, и необходимостью расширить возможности принятия Судом более мотивированных решений по другим аналогичным делам. Таким образом, я задался вопросом, "нельзя ли информацию, которая в ином случае была бы конфиденциальной, перефразировать, изложить в другой форме или каким-то иным образом видоизменить, чтобы скрыть ее источник, и только после этого предъявлять ее в ходе разбирательства. В таком случае внутренние суды могли бы запрашивать независимые экспертные оценки, не полагаясь исключительно на утверждения тех государственных органов, которые осуществили арест".

6. Цель настоящего совпадающего мнения, таким образом, состоит в том, чтобы представить эту часть решения Суда в контексте развития судебной практики Суда. Суд может быть полностью уверен, рассматривая аналогичные дела в будущем, что некоторая секретная информация может быть предъявлена в национальном суде или даже при разбирательстве в Страсбурге, причем не станет известна подозреваемому или задержанному лицу - по крайней мере во всей ее полноте и в ее первоначальной немодифицированной форме.

И тогда Суду останется примирить требования принципа состязательности с необходимостью защитить конфиденциальность информации, полученной из секретных источников, связанных с национальной безопасностью.

Частично совпадающее, частично особое мнение судьи Де Мейера

I. Решение о высылке

A. Статья 3 и статья 13 в сочетании со статьей 3

Я полностью согласен с решением в этом отношении.

B. Статья 8 и статья 13 в сочетании со статьей 8

Придя к заключению, что вопрос, имело ли место нарушение прав, предусматриваемых статьей 8 Конвенции, является "гипотетическим" (см. п. 139, 146 решения), Суд не счел

необходимым выносить решение по жалобе на нарушение статьи 8 или на предполагаемое нарушение положений этой статьи в сочетании со статьей 13. Я хотел бы указать, что в данном деле вопрос о нарушении прав, предусматриваемых статьей 8, является не более "гипотетическим", чем вопрос относительно прав, предусмотренных статьей 3. Оба в равной степени возникают "в случае, если решение министра о высылке первого заявителя в Индию будет выполнено". Следовательно, если мы рассматриваем один, мы также должны рассматривать и другой. Я согласен по существу с аргументами, единогласно одобренными Комиссией в п. 134-139 ее доклада, и разделяю ее мнение, что, если бы решение о высылке было выполнено, имело бы место нарушение права заявителей на уважение их личной и семейной жизни. Я также считаю, что в данном деле имело место нарушение права на эффективную правовую защиту по статье 13. Замечания Суда относительно нарушения статьи 13 в сочетании со статьей 3 в равной степени справедливы в отношении предполагаемого нарушения статьи 13 в сочетании со статьей 8. В данном деле эти два нарушения тесно связаны между собой и по сути дела неразделимы. Высылка первого заявителя представляла бы собой нарушение как его личного права не стать жертвой обращения, о котором говорится в статье 3, так и права всех заявителей на уважение их личной и семейной жизни. Таким образом, недостаточность средств правовой защиты для того, чтобы оспорить решение о высылке, одновременно затрагивает каждое из этих прав.

II. Задержание первого заявителя

A. О статье 5 п. 1

Справедливо утверждение, что первый заявитель был лишен свободы в рамках процедуры высылки и что первоначально, в августе 1990 г., его задержание могло считаться законным на этом основании.

Однако он с тех пор находится под стражей, а сейчас уже конец октября 1996 г.

Несомненно, это является чрезмерным.

Те "соображения чрезвычайно серьезного и весомого характера", о которых упоминается в п. 117 настоящего решения, возможно, достаточны для того, чтобы объяснить длительность разбирательства о высылке. Тем не менее они в той же мере не могут оправдать длительность срока содержания под стражей, как сложность уголовного дела не оправдывает длительность досудебного содержания под стражей. Более того, речь в данном случае идет не о выдаче по требованию другого государства преступника, приговоренного к нескольким годам тюремного заключения, как в деле Коломпар против Бельгии (решение от 24 сентября 1992 г. Серия А, т. 235-С), а о решении государства-ответчика о высылке лица, которое, как говорится в п. 23, 24 настоящего решения, было в этом государстве осуждено только за два незначительных правонарушения, причем эти обвинительные приговоры были впоследствии отменены.

B. О статье 5 п. 4 и статье 13 в сочетании со статьей 5

В отличие от Комиссии, которая решила рассматривать жалобу заявителя на недостаточность правовых средств для обжалования задержания в свете статьи 13, Суд рассматривал ее в свете статьи 5 п. 4.

Мотивировка Суда, безусловно, больше соответствует и духу, и букве этих положений. Прежде всего необходимо еще раз напомнить, что статья 5 п. 4 предусматривает, что "каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания", имеет право на разбирательство, в то время как статья 13 предоставляет это право "каждому человеку, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены". Это говорит о том, что для того, чтобы иметь право опираться в судебном разбирательстве на первое из упомянутых положений, достаточно лишения свободы самого по себе, в то время как для того, чтобы второе положение стало применимым, должно иметь место также нарушение какого-либо права или свободы, установленных Конвенцией.

Необходимо также подчеркнуть, что в статье 5 п. 4 говорится, что разбирательство должно осуществляться "судом", в то время как в статье 13 содержится более неопределенное требование "эффективных средств правовой защиты перед государственным органом".

Наконец, интересно отметить, что, помимо права на обращение в суд, которое, как признал Суд в решении по делу Голдер против Соединенного Королевства от 21 февраля 1975 г. (Серия А, т. 18), гарантируется статьей 6 Конвенции, статья 5 является единственным материально-правовым положением Конвенции, в котором предусматривается конкретное право на разбирательство путем возбуждения дела в суде, в дополнение к праву на судебное разбирательство, предусмотренному в п. 3 той же статьи в случаях, когда имеет место ситуация, описанная в п. 1 (с).

Все вышесказанное является иллюстрацией того, насколько хорошо те, кто разрабатывал Конвенцию, осознавали необходимость обеспечить тем, кто лишен свободы, судебную защиту, которая шла бы гораздо дальше, чем "эффективные правовые средства", гарантированные в более общей форме статьей 13.

Из этого следует, что в делах, связанных с лишением свободы, недостаточно рассмотреть, имело ли место нарушение статьи 13, чтобы отпала необходимость рассматривать, имело ли место нарушение статьи 5 п. 4 - именно его наличие или отсутствие должно быть рассмотрено.

Но это не все.

Статья 13, которая гарантирует эффективные средства правовой защиты перед "государственным органом", должна рассматриваться в сочетании со статьей 26, которая требует, чтобы "были исчерпаны все внутренние правовые средства", прежде чем Комиссия может принять дело к рассмотрению. Эти два положения дополняют друг друга и демонстрируют, что в первую очередь и главным образом сами государства должны наказывать за нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, а защита, обеспечиваемая органами Конвенции, является лишь вторичной. Именно с этой точки зрения особое значение приобретает вопрос, имеются ли "эффективные правовые средства", как того требует статья 13. Для Комиссии и Суда этот вопрос не имеет существенного значения, если он относится к "правам и свободам", которые, по их мнению, не были "нарушены"; именно это и означает существующая формулировка данной статьи.

Но это нельзя отнести к праву на судебную защиту, гарантированному статьей 5 п. 4 лицам, которые лишены свободы и которые всегда должны иметь возможность обращения в суд и "разбирательства, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности [их] задержания и выносит постановление об (их) освобождении, если задержание незаконно". Если даже мы приходим к выводу, что их задержание как таковое является законным в соответствии со статьей 5 п. 1, это не освобождает нас от обязанности рассмотреть, имел ли конкретный индивид возможность использовать такие средства правовой защиты, которые удовлетворяли бы требованиям статьи 5 п. 4.

Совместное частично особое мнение судей Гелькюкю, Матшера, Фрилэнда, Бака, Готчева, Мифсуда Бонничи и Левитса

1. Мы согласны с мнением большинства, что нельзя ссылаться на соображения национальной безопасности для оправдания плохого обращения со стороны государства - участника Конвенции в рамках его собственной юрисдикции и что в этом смысле защита, обеспечиваемая статьей 3, носит абсолютный характер. Но, с нашей точки зрения, дело обстоит иначе, когда, как в настоящем деле, речь идет об экстерриториальном (или косвенном) применении этой статьи. В таком случае государство-участник Конвенции, которое рассматривает вопрос о выдворении какого-либо лица за пределы своей юрисдикции под юрисдикцию другого государства, может, оставаясь в рамках законности, найти справедливый баланс между, с одной стороны, угрозой для его национальной безопасности, если данное лицо остается на его территории, и, с другой стороны, степенью потенциального риска для этого лица стать жертвой плохого обращения в государстве, куда он будет выдворен. В тех случаях,

когда, согласно имеющимся доказательствам, существуют значительные сомнения в том, что это лицо действительно станет жертвой плохого обращения в этом государстве, угроза безопасности может в этом уравнении приобрести больший вес. Соответственно, чем больше риск стать жертвой плохого обращения, тем меньшее значение следует придавать критерию безопасности.

2. Что касается обстоятельств настоящего дела, мы не согласны с выводом большинства по вопросу, подтвержден ли доказательствами реальный риск для г-на Чахала стать жертвой обращения, противоречащего статье 3, если он будет возвращен в Индию. Таким образом, мы не согласны (и были бы не согласны, даже если бы приняли мотивировку большинства относительно вопроса, рассмотренного в п. 1 выше) с выводом, что в случае, если бы решение выслать его в эту страну было выполнено, имело бы место нарушение данной статьи.

3. В деле Серинга Суд также рассматривал перспективу высылки заявителя в другую страну. В своем решении по этому делу (впервые упомянутому в п. 74 настоящего решения) Суд констатировал, что "обычно в задачи органов Конвенции не входит принятие решений относительно того, существует или нет возможность потенциальных нарушений Конвенции. Однако в тех случаях, когда заявитель утверждает, что исполнение решения о его выдаче будет нарушением статьи 3 в силу предсказуемых последствий для него в запрашивающей его выдачи стране, чтобы обеспечить эффективность гарантий, предоставляемых данной статьей, необходимо отступить от этого принципа ввиду серьезного и необратимого характера предполагаемого ущерба, жертвой которого он может стать...".

4. В вышеупомянутом деле Серинга запрашивающее государство требовало выдачи заявителя для того, чтобы он предстал перед судом по уголовному обвинению, наказуемому смертной казнью, при таких обстоятельствах, которые привели Суд к заключению, что вероятность того, что данное лицо испытает на себе "синдром камеры смертников", настолько велика, что может составить нарушение статьи 3. Проанализировав, что на практике будет означать "синдром камеры смертников" для заявителя, Суд далее пришел к заключению, что его выдача подвергла бы его "реальному риску обращения, превышающего порог, установленный статьей 3".

5. В деле Серинга (которое отличалось от настоящего дела еще и по фактической стороне в том отношении, что там не было необходимости принимать во внимание вопрос о национальной безопасности) риск для заявителя, проходившего в качестве обвиняемого по делу, было гораздо легче предсказать и оценить, чем тот риск, которому подвергся бы первый заявитель по данному делу, если бы он сейчас был возвращен в Индию. Для последствий исполнения решения о его высылке характерен совершенно иной, гораздо более низкий уровень предсказуемости.

6. По настоящему делу Суду было представлено большое количество материалов о положении в Индии и, в частности, в Пенджабе начиная с 1990 г. и далее (хотя, на наш взгляд, необходимо отметить, среди них не было ни одного, который относился бы к более позднему сроку, чем Доклад о положении в Индии Государственного департамента Соединенных Штатов Америки от марта 1996 г. - см. п. 53 настоящего решения). Суд пришел к заключению в п. 86 (с чем мы согласны), что "... хотя положение дел с исторической точки зрения и представляет интерес, поскольку это может пролить свет на то, какова ситуация в настоящий момент и каким образом она будет развиваться в будущем, решающее значение имеет именно нынешнее положение дел".

7. Что касается нынешнего положения, представляется несомненным, что в последние годы имело место улучшение положения дел в сфере защиты прав человека в Индии и особенно в Пенджабе, где насилие достигло наивысшей точки в 1992 г. После рассмотрения настоящего дела Комиссией ситуация продолжала улучшаться (см. п. 101 настоящего решения). С другой стороны, продолжают высказываться обвинения в серьезных нарушениях в адрес некоторых должностных лиц сил безопасности Пенджаба, действующих и на территории этого штата, и за его пределами, а также в адрес некоторых сотрудников других сил безопасности, действующих на всей

территории Индии (п. 102-104). Хотя доказательная ценность некоторых материалов, представленных Суду, может быть подвергнута сомнению, мы убеждены, что эти материалы дают достаточно оснований, чтобы исключить возможность вывода, что для г-на Чахала не будет никакого риска, если он будет выслан в Индию, даже если бы он был доставлен в какое-то место по его выбору за пределами Пенджаба.

8. Главная сложность заключается в том, чтобы дать количественную оценку риска. Размышляя о степени риска, большинство членов Суда заявляют, что они не убеждены, что гарантии, предоставленные Правительством Индии, обеспечат г-ну Чахалу достаточную безопасность, и считают, что его репутация и известность скорее увеличат риск, которому он подвергнется, чем уменьшат его (п. 105, 106). Однако можно утверждать с такой же, если не с большей, убедительностью, что его широкая известность обеспечит ему дополнительную защиту. В свете гарантий, предоставленных индийским правительством, и учитывая, что, в случае если бы ему был причинен какой-либо вред, это, несомненно, вызвало бы возмущение и внутри страны, и за ее пределами, имеются убедительные основания предполагать, что если он проявит себя в Индии как законопослушный гражданин, то и обращаться с ним будут соответственно. Вполне вероятно, что наличие или степень любой потенциальной угрозы для него будут главным образом зависеть от его собственного поведения в будущем.

9. Таким образом, по нашему мнению, вывод относительно риска, поддерживаемый большинством, оставляет слишком много места для сомнений, и "не было подкреплено доказательствами, что существует реальный риск" того, что первый заявитель станет жертвой обращения, противоречащего статье 3, если он будет выслан в Индию. Для того чтобы вывод Суда относительно вероятности потенциального нарушения этой статьи в будущем был оправданным, требуется более высокая степень предсказуемости такого обращения, чем существует в данном деле.

10. В остальных отношениях, за исключением выводов Суда по вопросу о нарушении статьи 3, мы согласны с выводами Суда, за исключением г-на Гелькюкю, что видно из его отдельного мнения.

Совместное частично особое мнение судей Гелькюкю и Макарича

Мы согласны с особым мнением судьи Де Мейера относительно статьи 5 п. 1.

Совместное частично особое мнение судей Мартенса и Палм

1. Мы полностью согласны с выводами Суда в отношении статей 3, 5 п. 4, 8 и 13. Что касается его выводов в отношении статьи 5 п. 1 (f), мы согласны с п. 112-121 настоящего решения.

Однако мы не можем согласиться с выводами Суда:

(a) что разбирательство в Консультативном комитете представляло собой достаточную гарантию против произвола; и

(b) что, следовательно, задержание первого заявителя в этом отношении также соответствовало требованиям статьи 5 п. 1 (f) (п. 122, 123 настоящего решения).

2. Как справедливо отмечает Суд в п. 112 своего решения, статья 5 п. 1 (f) не содержит положительно выраженного требования, чтобы задержание считалось разумно необходимым. Это подчеркивает важность предмета и цели статьи 5 п. 1 (f) в целом, а именно обеспечение того, чтобы никто не был лишен свободы в результате произвола.

3. В этом контексте мы отмечаем, что внутренние суды были не в состоянии эффективно контролировать, были ли решения о задержании и о содержании под стражей г-на Чахала оправданны (см. п. 41, 43, 121, 130 решения Суда). Таким образом, единственной возможной гарантией против произвола, согласно внутреннему праву, было разбирательство в Консультативном комитете.

4. Проанализировав статус этого комитета и процедуры в нем, Суд пришел к выводу, что это разбирательство не отвечает требованиям статьи 5 п. 4 и статьи 13 Конвенции (п. 130, 132, 152, 153). Нам трудно понять, почему Суд не сделал аналогичного вывода в контексте статьи 5 п. 1 (f).

5. Как бы то ни было, мы отмечаем:

- (a) никто не утверждал, что члены этого комитета как таковые независимы от Правительства;
- (b) разбирательство в комитете не является публичным, как и его выводы, которые не сообщаются даже подлежащему высылке лицу;
- (c) при разбирательстве в отношении этого лица существуют жесткие ограничения: оно не имеет права быть представленным своим адвокатом, ему вручается лишь краткое резюме выводов комитета, обосновывающих намерение выслать его без каких-либо объясняющих их материалов и доказательств;
- (d) комитет не имеет полномочий принимать решения, и его консультативное заключение не является обязательным для министра внутренних дел.

6. Принимая во внимание важность гарантий против произвола, особенно в отношении задержания согласно статье 5 п. 1 (f) (см. п. 2 выше), а также необходимость применения в этом отношении ко всем государствам-членам единообразных стандартов, мы не можем не сделать вывод, что, в силу его особенностей, указанных в п. 5 выше, комитет не предоставляет достаточной гарантии против произвола. Тот факт, что в него входят "опытные судьи с большим стажем работы" (см. п. 122 настоящего решения), не может изменить этот вывод.

- 6. Суммируя вышесказанное: заявитель был лишен свободы в течение более чем шести лет, в то время как гарантии против произвола были недостаточными. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 п. 1.

Частично особое мнение судьи Петтити

Я согласен с тем, что имело место нарушение статьи 3, статьи 5 п. 4 и статьи 13.

Однако я категорически не согласен с большинством в отношении статьи 5 п. 1 и считаю, что имело место явное и серьезное ее нарушение.

Несколько недель назад Суд совершенно верно идентифицировал проблему административного задержания в случае судебного разбирательства, подпадающего под Женевскую Конвенцию 1951 г. и входящего в компетенцию Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Суд решил, что имело место нарушение Францией тех правил административного задержания, которые действовали на тот момент и разрешали такое задержание на период примерно до двадцати дней, без возможности встретиться с адвокатом и без какого-либо судебного контроля (см. решение по делу Амююр против Франции от 15 июня 1996 г. Reports, 1996-III). Второй период содержания под стражей в деле Чахала ставит аналогичные проблемы.

В отношении решения о высылке г-на Чахала, принятого на основании общего права, не оспаривалось, что его задержание началось 16 августа 1990 г. и что он обратился с ходатайством о судебном контроле.

После того как прошение г-на Чахала о предоставлении ему убежища как политическому беженцу было отклонено, 25 июля 1991 г. на основании Женевской Конвенции было принято решение о высылке. Задержание г-на Чахала рассматривалось Судом под этим углом зрения. Таким образом, возникло противоречие между Женевской Конвенцией и Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, когда одно и то же государство является участником обеих конвенций.

Государство имеет право выслать тех лиц, которым отказано в статусе политического беженца. Если возникают какие-либо сложности (в отношении переезда, опасностей, с которыми они могут столкнуться по возвращении, или поисков государства, где им не будет грозить опасность), это лицо должно быть задержано в административном порядке, а не содержаться в обычной тюрьме с соответствующим режимом. Кроме того, задержание должно быть безотлагательно подвергнуто процедуре судебного контроля (см. упомянутое выше решение по делу Амююра).

Г-н Чахал содержался под стражей не в результате осуждения судом.

Если заинтересованное лицо прибегает к процедуре обжалования, слушания должны быть проведены быстро и безотлагательно. Процедура судебного контроля

определяется Женевской Конвенцией и резолюциями Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Существует возможность обращаться с жалобами в этом отношении в Комиссию ООН по правам человека. Европейский Суд не может осуществлять надзор за этими процедурами, но может рассматривать их в связи со статьями 3 и 5, когда предположительно имело место их нарушение.

Однако большинство, напротив, утверждает, что, поскольку заявитель обратился с жалобой, его содержание под стражей оправданно, если разбирательство затянулось. Если применить эту логику к другим ситуациям, обвиняемому, который обратился с ходатайством об освобождении в ожидании суда, нужно было бы ответить, что его содержание под стражей оправдано фактом его обращения, по которому необходимо будет провести разбирательство. Свобода лица является одним из основных прав, гарантируемых статьей 5. Тот факт, что вопрос об освобождении находится в процессе рассмотрения, не может быть основанием для продления содержания под стражей в тех случаях, когда оно противоречит положениям статьи 5.

Отказ в предоставлении статуса беженца, а затем содержание под стражей в тюрьме в течение пяти лет после издания постановления о высылке - такова судьба г-на Чахала. Очевидно, что в международном праве, согласно Женевской Конвенции, административное задержание отличается от задержания согласно общему праву и должно осуществляться такими мерами, как распоряжение о принудительном проживании в помещении, принадлежащем властям, или в гостинице (см. упомянутое выше решение по делу Амююра), или под домашним арестом. Необходимо учитывать пакты Организации Объединенных Наций и рекомендации Подкомитета ООН по вопросам прав человека для всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

В тех случаях, когда государство сталкивается с трудностями, вытекающими из опасности, которая возникнет для лица в результате его возвращения в страну происхождения, государство имеет право, если оно не желает и далее содержать данное лицо под стражей на своей территории, прийти к взаимоприемлемой договоренности о выборе третьей страны.

В случаях когда возникают сложные политические вопросы, как и в деле г-на Чахала - таких, например, как дела, связанные с высылкой имамов и иных религиозных лидеров, независимо от того, являются ли они фундаменталистами или нет, - европейские государства нашли приемлемую альтернативу в виде высылки в некоторые африканские страны. Соединенное Королевство само прибегало к таким методам. Европейская Конвенция не разрешает государствам пренебрегать обязательствами, которые они взяли на себя согласно Женевской Конвенции. Суд должен быть внимательным к проблемам потенциальных противоречий между различными международными правовыми актами, которые являются обязательными для государств - членом Совета Европы.

Мое мнение по данному вопросу основано на работе Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и собственно решениях Европейской Комиссии и Суда по правам человека.

В публикации Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев "Задержание и убежище" (Европейская Серия, т. 1, N 4, октябрь 1995 г.) говорится: "Статья 5 предоставляет дополнительные гарантии против ненадлежащего продления срока задержания. Ни Женевская Конвенция, ни руководящие принципы Комитета Министров не предусматривают максимальной продолжительности срока задержания лиц, обратившихся с прошением о предоставлении убежища. В своем Заключении N 44 Исполнительный Комитет Управления Верховного комиссара по делам беженцев признает важность быстрых процедур рассмотрения для защиты лиц, обратившихся с прошением о предоставлении убежища, от неоправданно длительного задержания. Пункт 1 (f) статьи 5, согласно толкованию Суда, должен пониматься как содержащий гарантию относительно максимально разрешенного срока задержания, поскольку цель статьи 5 в целом состоит в защите индивида от произвола. В своем решении по делу Боцано (18 декабря 1986 г. Серия А, т. 111, с. 23, п. 54) Суд пришел к выводу, что этот

принцип имеет особое значение по отношению к п. 1 (f) статьи 5 Конвенции. Данное положение, безусловно, подразумевает - хотя и не в прямой форме, - что задержание иностранца, которое является оправданным в силу того, что его дело находится в процессе рассмотрения, может перестать быть оправданным, если это рассмотрение не осуществляется должным образом. ...

[И со ссылкой на п. III. 10 Рекомендации N R (94) 5 Комитета Министров о руководящих принципах, которым должны следовать в своей практике государства - члены Совета Европы в отношении прибытия лиц, желающих получить убежище, в аэропорты европейских стран:]

"10. Лицо, обратившееся с прошением о предоставлении убежища, может содержаться в [соответствующем] месте только при условиях, предусмотренных законом, и не дольше, чем в течение максимального срока, предусмотренного законом".

В соответствии со статьей 5 мера, адекватная лишению свободы, может считаться соответствующей требованиям Конвенции, только если она является юридически законной согласно внутреннему праву. Пункт 1 статьи 5 устанавливает, что любой арест или задержание должны осуществляться "в порядке, установленном законом". В данном вопросе Конвенция прежде всего требует, чтобы любое лишение свободы имело юридическое основание согласно внутреннему праву. Лишение свободы не может иметь места, если во внутреннем законодательстве отсутствует норма, в прямой форме разрешающая его. Конвенция требует соблюдения как материальных, так и процессуальных норм национального законодательства".

Что касается решений по статье 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в деле Коломпар против Бельгии (решение от 24 сентября 1992 г. Серия А, т. 235-С, с. 64, п. 68), Комиссия выразила следующее мнение о проблеме выдачи, которое может быть применено и к делам о высылке:

"Однако Комиссия считает, что в настоящем деле существует также проблема бездействия государства. Комиссия напоминает, что в п. 1 статьи 5 Конвенции говорится, что существует "право на свободу" и что исключения из этого права, перечисленные в подпунктах от (а) до (f) данной статьи, должны толковаться ограничительно (решение по делу Винтерверп против Нидерландов от 24 октября 1979 г. Серия А, т. 33, с. 16, п. 37; решение по делу Гуцарди против Италии от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 39, с. 36, п. 98). Комиссия считает, что государство, получившее запрос о выдаче, должно обеспечить справедливый баланс между лишением свободы и целью этой меры. Будучи ответственным за задержание человека, данное государство должно особо позаботиться о том, чтобы процедура разбирательства по вопросу о выдаче не привела в конечном счете в результате ее длительности к отсутствию соразмерности между ограничением защищаемого статьей 5 права человека на свободу и международными обязательствами государства в отношении выдачи. В силу этого Комиссия считает, что, даже если исходить из полного бездействия заявителя в ходе упомянутого разбирательства, на Правительстве лежала обязанность особо позаботиться об ограничении срока задержания заявителя в ожидании выдачи..."

Суд постановил по делу Коломпара, что нарушения не было, но это объяснялось длительным бездействием заявителя и его поведением, а не тем, что дело не подпадало под действие статьи 5 п. 1.

Только в тех случаях, когда лица, которым было отказано в предоставлении убежища, совершают правонарушение (например, незаконно возвращаются в данную страну), разрешается заключение их в тюрьму.

Из рассмотренных ранее дел становится ясно, что если разбирательство не осуществляется с надлежащей тщательностью или если задержание является результатом какого-либо злоупотребления властью, оно перестает быть оправданным в свете статьи 5 п. 1 (f) (заявление N 7317/75, Линас против Швейцарии, решение от 6 октября 1976 г. D. R. 6, с. 167; Недьяти З. Права человека согласно Европейской Конвенции, 1978, с. 91).

Решение Европейского Суда от 1 июля 1961 г. по делу Лоулесс против Ирландии (Серия А, т. 3) также проливает свет на практику Суда в отношении пределов статьи 5.

п. 1 - одной из важнейших статей Конвенции, поскольку она гарантирует свободу человека.

Правда, следует признать что дело Лоулесса разворачивалось на фоне чрезвычайного положения, но это не меняет основополагающих взглядов и принципов, выраженных Судом.

В частности, Суд заявил в своем решении по сути рассматриваемого дела следующее: "Учитывая прежде всего, что Суд должен принять во внимание, что правила, изложенные в статье 5 п. 1 (b) и в статье 6, соответственно не являются релевантными для настоящего разбирательства, первое из них - в силу того, что Дж. Р. Лоулесс был задержан не за "невыполнение законного решения суда" или "с целью обеспечения выполнения [любого] обязательства, предписанного законом", а второе - потому что ему не предъявлялось уголовное обвинение; учитывая, что по данному вопросу требуется, чтобы Суд рассмотрел, противоречило ли задержание г-на Дж. Р. Лоулесса с 13 июля по 11 декабря 1957 г., согласно Акту о поправках 1940 г., положениям статьи 5 п. 1 (c) и 3;

Учитывая, что в этой связи вопрос, вынесенный на рассмотрение Суда, состоит в том, предписывают ли положения п. 1 (c) и 3 статьи 5, чтобы лицо, подвергнутое аресту или задержанию, "когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо, чтобы предотвратить совершение им правонарушения", незамедлительно доставлялось к судье, иными словами, относится ли выражение в статье 5 п. 1 (c) "произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом" только к словам "по обоснованному подозрению в совершении правонарушения" или также к словам "когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо, чтобы предотвратить совершение им правонарушения";

Учитывая, что формулировка статьи 5 п. 1 (c) достаточно ясна, чтобы дать ответ на этот вопрос; учитывая очевидность того, что выражение "произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом" относится ко всем категориям случаев ареста или задержания, упомянутым в этом подпункте; учитывая, что из этого положения вытекает, что оно допускает лишение свободы только в тех случаях, когда такое лишение производится с тем, чтобы арестованное или задержанное лицо предстало перед компетентным судебным органом, независимо от того, является ли данный человек лицом, обоснованно подозреваемым в совершении правонарушения, или лицом, относительно которого имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо, чтобы помешать ему скрыться от правосудия после совершения правонарушения;

-

Учитывая, что значение, выявленное таким образом в результате грамматического анализа, полностью соответствует цели Конвенции, которая состоит в том, чтобы защищать свободу и безопасность индивида от необоснованного задержания или ареста в результате произвола; учитывая, что необходимо указать в связи с этим, что, если бы толкование Судом вышеупомянутых положений было неправильным, тогда любой человек, подозреваемый в намерении совершить правонарушение, мог бы быть арестован и задержан на неопределенное время на основании всего лишь решения исполнительного органа, причем не было бы возможности рассматривать его арест или задержание как нарушение Конвенции..."

Согласно Женевской Конвенции, каждое государство само определяет пути и процедуру судебного обжалования в своей стране по делам, возникающим в рамках этой Конвенции.

Управление Верховного комиссара по делам беженцев осуществляет надзор за эффективностью этой процедуры и в случае необходимости имеет право делать соответствующие представления, как упоминалось выше.

Среди западноевропейских государств Германия предоставляет этой категории лиц право обжалования в обычных судах. В других государствах существуют особые суды или комитеты. В Бельгии такой орган был создан в 1989 г. (Постоянный комитет по рассмотрению апелляций беженцев), а в Швеции - в январе 1992 г. (Комитет по

рассмотрению апелляций иностранцев). В Соединенном Королевстве лица, чьи прошения о предоставлении убежища были отклонены, получили право на апелляцию в особый орган только с вступлением в силу Акта об апелляциях по вопросам убежища и иммиграции 1993 г. Во Франции существует Управление по защите беженцев и лиц без гражданства, а при обжаловании - Комиссия по обжалованию (cf. Bulletin luxembourgeois des droits de l'homme, vol. 5, 1996).

Государства юридически не обязаны предоставлять убежище, а обязаны лишь не отправлять лицо в страну, где для него существует опасность преследования, или туда, где для него существует риск быть высланным в такую страну. Это привело к тому, что большинство европейских стран начали практиковать возвращение лиц, стремящихся получить убежище, либо в страну, через которую они прибыли, либо в "третью страну, где им не будет угрожать опасность".

Суд пришел к твердому убеждению, что имели место нарушения статьи 3 и статьи 5 п. 4. По моему мнению, было в равной степени необходимо, чтобы Суд, в соответствии со своей судебной практикой, констатировал нарушение статьи 5 п. 1.

Содержание под стражей г-на Чахала, как оно было осуществлено английскими властями, можно сравнить с бессрочным приговором. Иными словами, к нему отнеслись более сурово, чем к преступнику, приговоренному к определенному сроку тюремного заключения, поскольку власти недвусмысленно отказались попытаться найти возможности высылки его в какую-либо третью страну. Содержащийся в статье 5 принцип, согласно которому задержанное лицо должно быть незамедлительно доставлено в суд, имеет своей целью защитить свободу, а не служить "прикрытием" для несанкционированного судом задержания. Административное задержание, согласно Женевской Конвенции, не может затягиваться более чем на разумно необходимый - причем короткий - период, необходимый для организации высылки. Общая линия, определенная Судом при рассмотрении дела Амююра, может, на мой взгляд, быть применена и в деле Чахала. По этой причине я считаю, что имело место нарушение статьи 5 п. 1.

В отношении статьи 8 Конвенции я разделяю взгляды г-на Де Мейера.

* Соединенное Королевство является участником Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г. ("Конвенция 1951 года"). В статье 1 этой Конвенции "беженец" определяется как лицо, которое "находится вне страны" своей гражданской принадлежности в силу "вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений".

В статье 32 этой Конвенции говорится:

"1. Договаривающиеся Государства не будут высылать законно проживающих на их территории беженцев иначе, как по соображениям государственной безопасности или общественного порядка.

2. Высылка таких беженцев будет производиться только во исполнение решений, вынесенных в судебном порядке..."

В статье 33 говорится:

"1. Договаривающиеся Государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев в страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

3. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны".

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)

**(с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г.,
1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.)**

Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года,

учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод,

подтверждая свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены,

преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обязательство соблюдать права человека

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

Раздел I Права и свободы

Статья 2

Право на жизнь

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a)** для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b)** для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c)** для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3

Запрещение пыток

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Статья 4

Запрещение рабства и принудительного труда

1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.
2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.

3. Для целей настоящей статьи термин "**принудительный или обязательный труд**" не включает в себя:

a) всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения;

b) всякую службу военного характера, а в тех странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы;

c) всякую службу, обязательную в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения;

d) всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей.

Статья 5

Право на свободу и личную неприкосновенность

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

Статья 6

Право на справедливое судебное разбирательство

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый, обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a). быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b). иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c). защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

d). допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

е). пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Статья 7

Наказание исключительно на основании закона

1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.

Статья 8

Право на уважение частной и семейной жизни

См. руководство по применению: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии. Урсула Килкэли, Е.А. Чефранова
(в формате RTF, 1.6 MB)

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 9

Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10

Свобода выражения мнения

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11

Свобода собраний и объединений

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 12

Право на вступление в брак

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

Статья 13

Право на эффективное средство правовой защиты

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Статья 14

Запрещение дискриминации

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации

по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Статья 15

Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.

2. Это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта 1 статьи 4 и статьи 7.

3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

Статья 16

Ограничение на политическую деятельность иностранцев

Ничто в статьях 10, 11 и 14 не может рассматриваться как препятствие для Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев.

Статья 17

Запрещение злоупотреблений правами

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

Статья 18

Пределы использования ограничений в отношении прав

Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены.

Раздел II Европейский Суд по правам человека

Статья 19

Учреждение Суда

В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, учреждается Европейский Суд по правам человека, далее именуемый "Суд". Он работает на постоянной основе.

Статья 20 Число судей

Число судей, входящих в состав Суда, равно числу Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 21 Предъявляемые к судьям требования

1. Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом.

2. Судьи участвуют в работе Суда в личном качестве.

3. На протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня. Все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Статья 22 Выборы судей

1. Судья от каждой из Высоких Договаривающихся Сторон избирается Парламентской ассамблеей большинством поданных за него голосов из списка, включающего трех кандидатов, представляемых этой Высокой Договаривающейся Стороной.

2. Аналогичная процедура действует при довыборах состава Суда в случае присоединения новых Высоких Договаривающихся Сторон, а также при заполнении открывающихся вакансий.

Статья 23 Срок полномочий

1. Судьи избираются сроком на шесть лет. Они могут быть переизбраны. Однако срок полномочий половины судей первого состава истекает через три года с момента избрания.

2. Судьи, чей срок полномочий истекает через первые три года, определяются Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после их избрания.

3. В целях обеспечения, насколько это возможно, обновляемости состава Суда наполовину каждые три года Парламентская ассамблея может до проведения любых последующих выборов принять решение о том, что срок или сроки полномочий одного или нескольких избираемых судей будут иными, нежели шесть лет, но в любом случае не более девяти и не менее трех лет.

4. В случаях, когда речь идет о более чем одном сроке полномочий и Парламентская ассамблея применяет положения предыдущего пункта, определение сроков полномочий производится Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после выборов.

5. Судья, избранный для замещения другого судьи, срок полномочий которого еще не истек, занимает этот пост на срок, оставшийся от срока полномочий его предшественника.

6. Срок полномочий судей истекает по достижении ими 70 лет.

7. Судьи занимают свои посты вплоть до замены. Вместе с тем и после замены они продолжают рассматривать уже поступившие к ним дела.

Статья 24

Отстранение от должности

Судья может быть освобожден от должности только в случае, если прочие судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что он перестает соответствовать предъявляемым требованиям.

Статья 25

Секретариат и правовые референты

У Суда имеется Секретариат, права, обязанности и организация которого определяются Регламентом Суда. Суд пользуется услугами правовых референтов.

Статья 26

Пленарные заседания Суда

На пленарных заседаниях Суд:

- a) избирает своего Председателя и одного или двух заместителей Председателя сроком на три года; они могут быть переизбраны;
- b) образует Палаты, создаваемые на определенный срок;
- c) избирает Председателей Палат Суда; они могут быть переизбраны;
- d) принимает Регламент Суда; и
- e) избирает Секретаря-канцлера Суда и одного или нескольких его заместителей.

Статья 27

Комитеты, Палаты и Большая Палата

1. Для рассмотрения переданных ему дел Суд образует комитеты в составе трех судей, Палаты в составе семи судей и Большую Палату в составе семнадцати судей. Палаты Суда на определенный срок образуют комитеты.

2. Судья, избранный от государства, являющегося стороной в деле, является ex officio членом Палаты и Большой Палаты; в случае отсутствия такого судьи или если он не может участвовать в заседании, данное государство назначает лицо, которое выступает в качестве судьи.

3. В состав Большой Палаты входят также Председатель Суда, заместители Председателя Суда, Председатели Палат и другие члены Суда, назначенные в соответствии с Регламентом Суда. В тех случаях, когда дело передается в Большую Палату в соответствии с положениями статьи 43, в ее

заседаниях не должен участвовать ни один из судей Палаты, вынесшей постановление, за исключением Председателя этой Палаты и судьи от соответствующего государства, являющегося стороной в деле.

Статья 28

Объявления комитетов о неприемлемости жалобы (заявления)

Комитет единогласным решением может объявить неприемлемой индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению дел, если такое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным.

Статья 29

Решения Палат о приемлемости жалобы и по существу дела

1. Если не было принято никакого решения, предусмотренного статьей 28, Палата выносит решение о приемлемости индивидуальной жалобы, поданной в соответствии со статьей 34, и по существу дела.

2. Палата выносит решение о приемлемости жалобы государства, поданной в соответствии со статьей 33, и по существу дела.

3. Решение о приемлемости жалобы выносится отдельно, если Суд, в порядке исключения, не примет решения об обратном.

Статья 30

Уступка юрисдикции в пользу Большой Палаты

Если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты, если ни одна из сторон не возражает против этого.

Статья 31

Полномочия Большой Палаты

Большая Палата:

а) выносит решения по жалобам, поданным в соответствии со статьей 33 или статьей 34, когда какая-либо из Палат уступила юрисдикцию на основании положений статьи 30 или когда дело направлено ей в соответствии с положениями статьи 43; и

б) рассматривает запросы о вынесении консультативных заключений, представленные в соответствии с положениями статьи 47.

Статья 32

Компетенция Суда

1. В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47.

2. В случае спора относительно компетенции Суда по конкретному делу вопрос решает сам Суд.

Статья 33

Межгосударственные дела

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной.

Статья 34

Индивидуальные жалобы

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Статья 35

Условия приемлемости

1. Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу.

2. Суд не принимает к рассмотрению никакую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если она:

- a) является анонимной; или
- b) является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов.

3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если сочтет ее несовместимой с положениями настоящей Конвенции или Протоколов к ней, явно необоснованной или злоупотреблением правом подачи жалобы.

4. Суд отклоняет любую переданную ему жалобу, которую сочтет неприемлемой в соответствии с настоящей статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства.

Статья 36

Участие третьей стороны

1. В отношении любого дела, находящегося на рассмотрении какой-либо из Палат или Большой Палаты, каждая Высокая Договаривающаяся Сторона, гражданин которой является заявителем, вправе представлять письменные замечания и принимать участие в слушаниях.

2. В интересах надлежащего отправления правосудия Председатель Суда может пригласить любую Высокую Договаривающуюся Сторону, не являющуюся стороной в деле, или любое заинтересованное лицо, не являющееся заявителем, представить письменные замечания или принять участие в слушаниях.

Статья 37

Прекращение производства по делу

1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

- a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или
- b) спор был урегулирован; или
- c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.

Статья 38

Процедура рассмотрение дела с участием заинтересованных сторон и процедура мирового соглашения

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

- a) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия,
- b) предоставляет себя в распоряжение заинтересованных сторон с целью заключения мирового соглашения по делу на основе соблюдения прав человека, признанных в настоящей Конвенции и Протоколах к ней.

2. Процедура, предусмотренная подпунктом (b) пункта 1, носит конфиденциальный характер.

Статья 39

Заключение мирового соглашения

В случае достижения мирового соглашения Суд исключает дело из своего списка посредством вынесения постановления, в котором дается лишь краткое изложение фактов и достигнутого решения.

Статья 40

Открытые судебные заседания и доступ к документам

1. Если в силу исключительных обстоятельств Суд не примет иного решения, его заседания являются открытыми.

2. Доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, открыт для публики, если Председатель Суда не примет иного решения.

Статья 41

Справедливая компенсация

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

Статья 42

Постановления Палат

Постановления Палат становятся окончательными в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44.

Статья 43

Передача дела в Большую Палату

1. В течение трех месяцев с даты вынесения Палатой постановления в исключительных случаях возможно обращение любой из сторон в деле о передаче его на рассмотрение Большой Палаты.

2. Коллегия в составе пяти членов Большой Палаты принимает обращение, если дело поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

3. Если Коллегия принимает обращение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление.

Статья 44

Окончательные постановления

1. Постановление Большой Палаты является окончательным.

2. Постановление любой из Палат становится окончательным, если:

a) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или

b) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращение о передаче дела в Большую Палату; или

c) Коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о передаче дела согласно статье 43.

3. Окончательное постановление подлежит публикации.

Статья 45

Мотивировка постановлений и решений

1. Постановления, а также решения о приемлемости или неприемлемости жалоб должны быть мотивированными.

2. Если постановление в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.

Статья 46

Обязательная сила и исполнение постановлений

1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Статья 47

Консультативные заключения

1. Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней.

2. Такие заключения не должны затрагивать ни вопросы, относящиеся к содержанию или объему прав или свобод, определенных в разделе I Конвенции и Протоколах к ней, ни другие вопросы, которые Суду или Комитету министров, возможно, потребовалось бы затронуть при рассмотрении какого-либо обращения, предусмотренного Конвенцией.

3. Решение Комитета министров запросить консультативное заключение Суда принимается большинством голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете.

Статья 48

Компетенция Суда в отношении консультативных заключений

Вопрос о том, относится ли направленный Комитетом министров запрос о вынесении консультативного заключения к компетенции Суда, как она определена в статье 47, решает Суд.

Статья 49

Мотивировка консультативных заключений

1. Консультативные заключения Суда должны быть мотивированными.

2. Если консультативное заключение в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.

3. Консультативное заключение Суда направляется Комитету министров.

Статья 50

Расходы на содержание Суда

Расходы, связанные с деятельностью Суда, несет Совет Европы.

Статья 51

Привилегии и иммунитеты судей

Судьи при исполнении своих функций пользуются привилегиями и иммунитетами, предусмотренными статьей 40 Устава Совета Европы и в соглашениях, заключенных на ее основе.

Раздел III

Различные положения

Статья 52

Запросы Генерального секретаря

По получении просьбы от Генерального секретаря Совета Европы каждая Высокая Договаривающаяся Сторона представляет разъяснения относительно того, каким образом ее внутреннее право обеспечивает эффективное выполнение любого из положений настоящей Конвенции.

Статья 53

Гарантии в отношении признанных прав человека

Ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как ограничение или умаление любого из прав человека и основных свобод, которые могут обеспечиваться законодательством любой Высокой Договаривающейся Стороны или любым иным соглашением, в котором она участвует.

Статья 54

Полномочия Комитета министров

Ничто в настоящей Конвенции не умаляет полномочий Комитета министров, которыми он наделен в силу Устава Совета Европы.

Статья 55

Отказ от иных средств урегулирования споров

Высокие Договаривающиеся Стороны согласны, если иное не установлено особым соглашением, не прибегать к действующим между ними договорам, конвенциям или декларациям при передаче на рассмотрение, путем направления заявления, спора по поводу толкования или применения положений настоящей Конвенции и не использовать иные средства урегулирования спора, чем предусмотренные настоящей Конвенцией.

Статья 56

Территориальная сфера действия

1. Любое государство при ратификации или впоследствии может заявить путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы о том, что настоящая Конвенция, с учетом пункта 4 настоящей статьи, распространяется на все территории или на любую из них, за внешние сношения которых оно несет ответственность.
2. Действие Конвенции распространяется на территорию или территории, указанные в уведомлении, начиная с тридцатого дня после получения Генеральным секретарем Совета Европы этого уведомления.
3. Положения настоящей Конвенции применяются на упомянутых территориях с надлежащим учетом местных условий.
4. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, может впоследствии в любое время заявить, применительно к одной или нескольким территориям, указанным в этом заявлении, о признании компетенции Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц, как это предусмотрено статьей 34 Конвенции.

Статья 57

Оговорки

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче им на хранение его ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей статьей оговорки общего характера не допускаются.
2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящей статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

Статья 58

Денонсация

1. Высокая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию только по истечении пяти лет с даты, когда она стала Стороной Конвенции, и по истечении шести месяцев после направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, который информирует об этом другие Высокие Договаривающиеся Стороны.
2. Денонсация не освобождает соответствующую Высокую Договаривающуюся Сторону от ее обязательств по настоящей Конвенции в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу.
3. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая перестает быть членом Совета Европы, на тех же условиях перестает быть и Стороной настоящей Конвенции.
4. Конвенция может быть денонсирована в соответствии с положениями предыдущих пунктов в отношении любой территории, на которую распространялось ее действие согласно положениям статьи 56.

Статья 59

Подписание и ратификация

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания государствами - членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.
 2. Настоящая Конвенция вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот.
 3. Для тех государств, которые ратифицируют Конвенцию впоследствии, она вступает в силу с даты сдачи ими на хранение их ратификационных грамот.
 4. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства - члены Совета Европы о вступлении Конвенции в силу, о Высоких Договаривающихся Сторонах, ратифицировавших ее, и о сдаче ратификационных грамот, которые могут быть получены впоследствии.
- Совершено в Риме 4 ноября 1950 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенные копии всем подписавшим Конвенцию государствам.

ПРОТОКОЛ № 1

20 марта 1952 года

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, будучи членами Совета Европы,

преисполненные решимости предпринять шаги по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел I Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»),

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Статья 2

Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение своих детей в соответствии со своими собственными религиозными и философскими убеждениями.

Статья 3

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить свободные выборы с разумной периодичностью путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечат свободное волеизъявление народа в выборе законодательной власти.

Статья 4

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации или в любое время после этого направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к таким названным в заявлении территориям, за международные отношения которых она несет ответственность.

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая направила заявление в соответствии с предыдущим пунктом, может время от времени направлять последующие заявления об изменении условий любых предыдущих заявлений или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении любой территории.

Заявление, сделанное в соответствии с данной статьей, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 63 Конвенции.

Статья 5

Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают положения статей 1, 2, 3 и 4 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 6

Настоящий Протокол открыт для подписания членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию; он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после ее ратификации. Он вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот. В отношении любого государства, которое ратифицирует Протокол впоследствии, Протокол вступает в силу с момента сдачи на хранение его ратификационной грамоты.

Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет всех членов Совета о государствах, ратифицировавших Протокол.

Париж, 20 марта 1952 года

ПРОТОКОЛ № 4

об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Протокол №1

16 сентября 1963 года

Правительства, подписавшие настоящий Протокол, будучи членами Совета Европы,

преисполненные решимости предпринять шаги по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Раздел I Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»), и в статьи 1-3 Протокола №1 к Конвенции, подписанного в Париже 20 марта 1952 года

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Никто не может быть лишен свободы лишь на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство.

Статья 2

- 1. Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит в пределах этой территории право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства.**
- 2. Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную.**
- 3. На осуществление этих прав не должно налагаться никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, для предотвращения преступности, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.**
- 4. Права, изложенные в пункте 1, могут также, в определенных областях, подпадать под ограничения, вводимые в соответствии с законом и оправдываемые общественными интересами в демократическом обществе.**

Статья 3

- 1. Никто не может быть выслан, индивидуально или коллективно из государства, гражданином которого он является.**
- 2. Никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства, гражданином которого он является.**

Статья 4

Коллективная высылка иностранцев запрещена.

Статья 5

- 1. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании или ратификации настоящего Протокола или в любое время после этого направить Генеральному секретарю Совета Европы заявление о пределах своих обязательств относительно применения положений настоящего Протокола к таким названным в заявлении территориям, за международные отношения которых она несет ответственность.**
- 2. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая направила заявление в соответствии с предыдущим пунктом, может время от времени направлять последующие заявления об изменении условий любых**

предыдущих заявлений или о прекращении применения положений настоящего Протокола в отношении любой территории.

3. Заявление, сделанное в соответствии с данной статьей, рассматривается как сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 63 Конвенции.

4. Территория любого государства, к которой применяется настоящий Протокол в силу его ратификации или принятия этим государством, и каждая территория, к которой применяется настоящий Протокол в силу заявления этого государства в соответствии с данной статьей, считаются самостоятельными территориями для целей ссылок в статьях 2 и 3 на территорию государства.

Статья 6

1. Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают положения статей 1 — 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции и все положения Конвенции применяются соответственно.

2. Тем не менее, право индивидуального обращения, признанное заявлением, сделанным в соответствии со статьей 25 Конвенции, или признание обязательной юрисдикции Суда посредством заявления в соответствии со статьей 46 Конвенции, не действуют в отношении настоящего Протокола, если только соответствующая Высокая Договаривающаяся Сторона не сделала заявление о признании такого права или такой юрисдикции в отношении всех или любой из статей 1 — 4 Протокола.

Статья 7

1. Настоящий Протокол открыт для подписания членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию; он подлежит ратификации одновременно с ратификацией Конвенции или после таковой. Он вступает в силу после сдачи на хранение пяти ратификационных грамот. В отношении любого государства, которое ратифицирует Протокол впоследствии, Протокол вступает в силу с момента сдачи на хранение ратификационной грамоты.

2. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет всех членов Совета о ратификациях.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Страсбург, 16 сентября 1963 года

ПРОТОКОЛ № 6

к Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Относительно отмены смертной казни

(Страсбург, 28 апреля 1983 г.)

(с изменениями от 11 мая 1994 г.)

Государства-члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"),

считая, что развитие, имевшее место в нескольких государствах-членах Совета Европы, выражают общую тенденцию в пользу отмены смертной казни, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Отмена смертной казни

Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен.

Статья 2

Применение смертной казни в военное время

Государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями. Государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства.

Статья 3

Запрещение отступлений от соблюдения обязательств

Отступления от положений настоящего Протокола на основании статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 4

Запрещение оговорок

Оговорки в отношении положений настоящего Протокола на основании статьи 57 Конвенции не допускаются.

Статья 5

Применение к территориям

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию или территории, к которым применяется данный Протокол.

2. Любое государство может позднее, в любой момент путем заявления, направленного на имя Генерального секретаря Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. В отношении этой территории Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано путем уведомления, направленного на имя Генерального секретаря. Отзыв вступает в силу с первого дня месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного уведомления.

Статья 6

Связь с Конвенцией

Государства-участники рассматривают статьи 1 - 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 7

Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания Государствами-членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Государство-член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол без одновременной или предшествующей ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 8

Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой, на которую пять Государств-членов Совета Европы выразят свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу в соответствии с положениями статьи 7.

2. Для любого Государства-члена, которое выразит свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу впоследствии, Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой сдачи на хранение ратификационных грамот или документов о принятии или одобрении.

Статья 9

Функции депозитария

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государства-члены Совета Европы о:

- a.** любом подписании;
- b.** сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении;
- c.** дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 5 и 8;
- d.** любом ином действии, уведомлении или сообщении, относящемся к данному Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 28 апреля 1983 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направит заверенные копии каждому подписавшему Протокол государству.

ПРОТОКОЛ № 7

22 ноября 1984 года

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

преисполненные решимости предпринять шаги по обеспечению коллективного осуществления некоторых прав и свобод при помощи Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой «Конвенция»),

согласились о нижеследующем:

Статья 1

1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- а) представить аргументы против своей высылки,
- б) пересмотра своего дела и
- с) для этих целей предстать перед компетентным органом или одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в пунктах а, б и с пункта 1 данной статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или мотивируется соображениями государственной безопасности.

Статья 2

1. Каждый осужденный судом за совершение уголовного преступления, имеет право на то, чтобы его осуждение или приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений определенных законом, или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции судом высокого уровня или было осуждено после рассмотрения апелляции против его оправдания.

Статья 3

Если какое-либо лицо окончательным приговором было признано виновным в совершении уголовного преступления и если впоследствии вынесенный ему приговор был отменен или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что в обнаружении этого обстоятельства вовремя полностью или частично виновно оно само.

Статья 4

1. Никто не должен быть вторично судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое он уже был

окончательно оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют пересмотру дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или в предыдущем разбирательстве имел место существенный дефект, которые могли повлиять на его результат.

3. Отступления от положений настоящей статьи на основании статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 5

Супруги обладают равными правами и равной ответственностью частного-правового характера в отношениях между собой и в отношениях со своими детьми, в том что касается вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении. Данная статья не препятствует государствам принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

Статья 6

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию или территории, на которые распространяется действие данного Протокола, и указать степень, в которой положения настоящего Протокола данное государство обязывается применять к этой территории или этим территориям.

2. Любое государство может в любое время позднее, путем направления Генеральному секретарю Совета Европы заявления, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. Протокол вступает в силу в отношении такой территории в первый день месяца, наступающего по истечении двухмесячного срока с даты получения Генеральным секретарем такого заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано или изменено путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы. Отзыв или изменение вступает в силу в первый день месяца, наступающего по истечении двухмесячного срока с даты получения Генеральным секретарем такого уведомления.

4. Заявление, сделанное в соответствии с настоящей статьей, рассматривается как сделанное в соответствии с с пунктом 1 статьи 63 Конвенции.

5. Территория любого государства, к которой применяется настоящий Протокол в силу ратификации, принятия или одобрения таким государством, и каждая из территорий, к которой применяется настоящий Протокол в силу заявления такого государства в соответствии с данной статьей, могут рассматриваться как отдельные территории для целей ссылки в статье 1 на территорию государства.

Статья 7

1. Государства-участники рассматривают статьи 1 — 6 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно.

2. Однако право индивидуального обращения, признанное заявлением сделанным в соответствии со статьей 25 Конвенции, или признание обязательной юрисдикции Суда посредством заявления в соответствии со статьей 46 Конвенции не действуют в отношении настоящего Протокола, если только соответствующее государство не сделало заявление о признании вышеуказанного права или такой юрисдикции в отношении статей 1 — 5 настоящего Протокола.

Статья 8

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Государство — член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол без предшествующей или одновременной ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 9

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, наступающего по истечении двухмесячного срока после того, как семь государств — членов Совета Европы выразят свое согласие быть связанными Протоколом в соответствии с положениями статьи 8.

2. Для любого государства-члена, которое впоследствии выражает свое согласие быть связанным Протоколом, он вступает в силу в первый день месяца, наступающего по истечении двухмесячного срока после сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

Статья 10

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства — члены Совета Европы о:

- a) любом подписании;
- b) сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении;
- c) дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 6 и 9;
- d) любом ином действии, уведомлении или заявлении, относящемся к данному Протоколу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Страсбург, 22 ноября 1984 года